

КИРИЛЛЪ И МЕӨОДИЙ.

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ И УЧЕНЫЕ ТРУДЫ

ДЛЯ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХЪ АПОСТОЛӨВЪ.

А. Викторова.



МОСКВА.
Въ Синодальной Типографіи.
1865 года.

КИРИЛЛЪ И МЕΘΟΔΙЙ.

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ И УЧЕНЫЕ ТРУДЫ

ДЛЯ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХЪ АПОСТОЛѢВЪ.

А. Викторова.



МОСКВА.
въ Синодальной Типографіи.
1865 года.

(Займствовано: изъ Кирилло-Меѳодіевскаго Сборника.)

КИРИЛЛЪ И МЕӨОДІЙ.

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ И УЧЕННЫЕ ТРУДЫ ДЛЯ ИСТОРИИ

СЛАВЯНСКИХЪ АПОСТОЛОВОЪ.

О Св. Кириллѣ и Меөодіѣ. Москвитанинѣ. 1843. № 6.

Beitraege zur Geschichte der christlichen Kirche in Maehren und Boehmen. Von Wilhelm Wattenbach. Wien. 1849.

Die pannonische Legende vom heiligen Methodius. Von Ernst Dümmler. Archiv für Kunde österreichischer Geschichts-Quellen. Wien. 1854. Band XIII.

О Времени происхожденія славянскихъ писемъ. Соч. О. Бодянского. Стъ 19-ю снимками. Москва. 1855 г.

Geschichte der Slavenapostel Cyrill und Method und der slavischen Liturgie. Von Dr. I. A. Ginzel. Leitmeritz. 1857.

(Писано въ 1858 г.)

I.

Жизнь и дѣятельность Славянскихъ Апостоловъ имѣли огромное и рѣшительное вліяніе на судьбу и образованіе всего славянскаго міра. Составленіе славянскихъ писемъ, переводъ Священнаго Писанія и другихъ книгъ на славянскій языкъ, зарожденіе и первые опыты славянской народной письменности, преобразование языка, распространеніе и окончательное утвержденіе между Славянами христіанской вѣры, собраніе большей части сла-

вянскихъ племень въ отдѣльныя государства, наконецъ вообще пробужденіе и возвышеніе въ нихъ народнаго самопознанія и первый шагъ ихъ на поприщѣ общечеловѣческой образованности—все это такія событія, которыя неразрывно связаны съ именами Кирилла и Меѳодія. Вотъ почему и исторія ихъ имѣетъ высокой и всегдашній интересъ для Славянъ и не—Славянъ. Скоро минетъ тысячелѣтіе послѣ выступленія Кирилла и Меѳодія на поприще ихъ дѣятельности, а интересъ этотъ съ теченіемъ вѣковъ не только не ослабѣваетъ, но все болѣе и болѣе усиливается. Начавшееся въ послѣднее время движеніе славянскихъ племень въ Австріи и Турціи и возрожденіе между ними образованности обращаетъ на нихъ и на ихъ историческія судьбы общее вниманіе цѣлой Европы, а съ этимъ вмѣстѣ увеличиваетъ общій интересъ и къ исторіи первовиновниковъ славянскаго образованія. Наука, которая всегда съ готовностію отзывается на всякое движеніе жизни и мысли, и въ настоящемъ случаѣ остается вѣрною своему призванію, находясь въ полной гармоніи съ общимъ направленіемъ умовъ. Такъ, изученіе славянскихъ народностей, ихъ исторіи и древностей, никогда не двигалось впередъ съ такимъ успѣхомъ, какъ въ послѣднее время: появленіе новыхъ ученыхъ трудовъ славянскихъ и не—славянскихъ ученыхъ въ области славянской археологіи, филологіи и исторіи, новыя изданія памятниковъ славянской письменности, основаніе новыхъ ученыхъ обществъ для разработки славянскихъ древностей, учрежденіе для тойже цѣли ученыхъ кафедръ въ европейскихъ университетахъ—все это служитъ неопровержимымъ тому доказательствомъ. Въ частности, въ отношеніи къ разсматриваемому нами вопросу, т. е. въ отношеніи къ исторіи Славянскихъ Апостоловъ, наука въ послѣднее время также обогатилась значительными приобретеніями. У насъ въ Россіи,

въ недавнее время, открыто, или точнѣе возобновлено въ памяти науки, нѣсколько новыхъ, для этой исторіи чрезвычайно важныхъ памятниковъ, которыми отчасти уже воспользовались знатоки отечественной Церковной Исторіи: епископъ Макарій и архіепископъ Филаретъ,—первый въ своей „Исторіи Христіанства въ Россіи до Владимира“ (1) второй въ краткой біографіи Кирилла и Меѳодія, помѣщенной имъ въ Чтеніяхъ Московскаго Истор. Общества и давно уже переведенной на нѣмецкій языкъ. (2) Самое приближеніе роковой цыфры лѣтъ послѣ изобрѣтенія славянской азбуки, т. е. приближеніе тысячелѣтняго юбилея этого многознаменательнаго событія, не говоря о другихъ вынѣисчисленныхъ побужденіяхъ, естественно должно было возбудить и усилить вниманіе ученыхъ къ первобытной эпохѣ славянскаго образованія. Такъ отчасти именно этому обстоятельству отечественная наука обязана появленіемъ въ ней такого труда, который по богатству матеріаловъ оставилъ за собою далеко всѣ предшествующіе. Мы разумѣемъ, давно уже извѣстное нашей ученой публикѣ, сочиненіе „О времени происхожденія славянскихъ письменъ.“ Сочиненіе это ближайшимъ образомъ имѣетъ своимъ предметомъ частный въ жизни Кирилла и Меѳодія вопросъ о времени изобрѣтенія, или составленія ими славянской азбуки; но при той полнотѣ и всесторонности изслѣдованія, какую далъ авторъ своему труду, и при той важности, какую имѣетъ этотъ вопросъ въ исторіи Славянскихъ Апостоловъ,—въ упомянутомъ сочиненіи разсмотрѣны съ большею или меньшею подробностію всѣ важнѣйшія стороны ихъ дѣятельности.

(1) С П Б. 1856 г.

(2) 1846 г. № 4. Нѣмецкій переводъ біографіи Кирилла и Меѳодія изданъ въ Митавѣ въ 1846 г.; отдѣльною книжкою.

Западные ученые, — славянскіе и нѣмецкіе, — первые положили начало ученой обработкѣ исторіи Кирилла и Меѳодія, въ послѣднее время такъ же представили по этому предмету нѣсколько ученыхъ трудовъ, заслуживающихъ полное вниманіе науки, а тѣмъ больше науки отечественной, обязанной своимъ происхожденіемъ тому великому дару, какой данъ былъ намъ безсмертными изобрѣтателями славянской азбуки, въ лицѣ западныхъ нашихъ братьевъ. Къ числу замѣчательнѣйшихъ изъ этихъ трудовъ принадлежатъ сочиненія, которыхъ заглавія мы выписали выше. Изъ нихъ первыя два были вызваны вновь открытыми источниками для исторіи разсматриваемой эпохи и имѣютъ ближайшею цѣлю критическое ихъ обслѣдованіе; а сочиненіе Гинцеля содержитъ въ себѣ систематическое обзорѣніе цѣлой жизни и дѣятельности Славянскихъ Апостоловъ по вновь открытымъ и прежнимъ источникамъ и современнымъ изслѣдованіямъ, — съ цѣлю „восполнить ощутительный въ современной ученой литературѣ недостатокъ полной прагматической исторіи Кирилла и Меѳодія, сообразной съ современными требованіями науки.“ Книга Гинцеля представляетъ въ себѣ явленіе тѣмъ болѣе интересное, что со времени Добровскаго, да и прежде него, — если не считать неудачнаго опыта Стредовскаго, — (¹) еще не было полной систематической біографіи Славянскихъ Апостоловъ. Трудность задачи и множество спорныхъ и неразрѣшимыхъ вопросовъ останавливаетъ попытки даже опытныхъ изслѣдователей взяться за подобный трудъ. Вотъ почему Дюмлеръ одинъ изъ лучшихъ современныхъ знатоковъ австрійскихъ и славянскихъ древностей, обслѣдовавши въ разсматриваемомъ своемъ трудѣ вопросъ объ исторической

(¹) *Sacra Moraviae historia, sive vita SS. Cyrilli et Methodii 1710*

достоверности паннонскаго житія Меѳодія, предлагаетъ обзоръ жизни и дѣятельности его только въ видѣ примѣчаній и комментаріевъ къ новооткрытому памятнику, съ цѣлю согласить сообщаемыя въ немъ новыя данныя съ показаніями прежде бывшихъ извѣстными источниковъ.

„Связное изложеніе дѣятельности Меѳодія, говоритъ онъ въ своемъ предисловіи, мнѣ представляется невозможнымъ, потому что большая часть вопросовъ въ его жизни, и притомъ важнѣйшіе изъ нихъ, доселѣ остаются нерѣшенными, и при существующихъ матеріалахъ едва ли и могутъ быть рѣшены. Къ такимъ вопросамъ принадлежатъ вопросы объ отношеніи Глаголитскаго письма къ Кирилловскому, о числѣ переведенныхъ братьями книгъ, о національности древнихъ Моравлянъ и наконецъ о мѣстѣ архіепископской кафедры и времени смерти Меѳодія. И хотя въ трудахъ моихъ предшественниковъ историческая истина часто затемняема была предзанятыми мнѣніями и національными пристрастіями; но это не заставило бы меня принять на себя трудную задачу изслѣдованія жизни Меѳодія, еслибы я не руководствовался при этомъ желаніемъ для будущихъ изслѣдователей представить въ ясномъ видѣ важность вновь открытаго источника.“

„Я желалъ бы, говоритъ далѣе Дюмлеръ, что бы на мои изслѣдованія смотрѣли какъ на трудъ приготовительный, и что бы онъ вызвалъ собою кого либо изъ знатоковъ славянскихъ древностей съ болѣе достаточными силами окончить то, что мною такъ неудовлетворительно начато.“

Почти въ такомъ же непритязательномъ видѣ является и сочиненіе Ваттенбаха. Представляемое имъ обзоръ жизни Кирилла и Меѳодія составляетъ какъ бы приложение къ открытому и изданому имъ новому источнику для ихъ исторіи, это именно къ буллѣ папы Стефана V къ мо-

равскому князю Святополку. „Объ исторіи Моравскихъ Апостоловъ, Кирилла и Меѳодія, говоритъ Ваттенбахъ, писано было очень много, и почти каждый отдѣльный пунктъ ихъ дѣятельности былъ предметомъ самыхъ живыхъ споровъ. Къ источникамъ, бывшимъ извѣстными прежде, теперь присоединяется новый, и, какъ всѣ другіе, онъ долженъ быть подвергнутъ строгой критической оцѣнкѣ. При изданіи этого акта, мнѣ кажется умѣстнымъ войти въ разсмотрѣніе, въ какое должны стать отношеніе добытыя изъ него результаты съ фактами, которые были извѣстны прежде, и какъ должны дополнять ихъ? Но гдѣ искать этихъ фактовъ? Вездѣ они смѣшаны съ предположеніями и догадками, которыя съ такою же рѣшительностію утверждаютъ одни, съ какою отвергають другіе. Добровскій принялъ за правило (которому и слѣдовалъ)—основываться только на достовѣрныхъ источникахъ; но со времени этого ученаго частію открыто много источниковъ новыхъ, частію нѣкоторымъ изъ прежнихъ дано болѣе правильное значеніе, а иные вопросы подвергнуты болѣе точному критическому изслѣдованію. Я съ своей стороны, для выполнения своей задачи не нахожу лучшаго средства, какъ вновь принять за правило принципъ, указанный Добровскимъ, и мнѣ кажется, что читателямъ не непріятно будетъ найти здѣсь изложеніе того, чтѣ современники и ближайшіе ихъ потомки сообщаютъ намъ о тѣхъ временахъ и отношеніяхъ. Я слишкомъ далекъ отъ мысли отвергать, что позднѣйшія извѣстія, при строгой критической ихъ оцѣнкѣ, могутъ привести къ дальнѣйшимъ результатамъ; но здѣсь, что ни шагъ, то новый предметъ для спора, а мнѣ хотѣлось бы остаться на мирномъ поприщѣ.“

Такое скромное сознаніе своего безсилія предъ трудностію задачи составить полную и удовлетворительную біографію

Кирилла и Меѳодія, высказываемое если не первыми, то и далѣко не дюжинными знатоками славянской древности, невольно приводит къ мысли, — не преждевременна ли въ настоящее время попытка писать систематическую исторію безсмертныхъ изобрѣтателей славянской азбуки? И въ самомъ дѣлѣ, какъ представишь громаду источниковъ для ихъ исторіи, далеко еще не подвергнутыхъ должному критическому анализу, длинный рядъ извѣстій изъ всѣхъ вѣковъ, — извѣстій часто совершенно разнорѣчивыхъ, которыя только ожидаютъ соглашенія, и огромную литературу изслѣдованій съ самыми противоположными выводами; то вопросъ этотъ едва ли приметъ положительное рѣшеніе. Исторія Кирилла и Меѳодія, въ полномъ ея объемѣ, въ настоящее время представляетъ въ себѣ множество почти непобѣдимыхъ трудностей. Изслѣдователю, который взялъ бы на себя подобную задачу, пришлось бы брать приступомъ почти каждый шагъ, на каждомъ пунктѣ соглашать противорѣчія, наводить самыя отдаленныя справки, бороться съ разными, часто совершенно противоположными мнѣніями. Только такимъ путемъ для него возможно будетъ отдѣлится, какъ выражается Шлецеръ, а за нимъ Добровскій, золото исторической истины отъ нагара благочестивыхъ вымысловъ. “ Это требованіе, вѣрное въ отношеніи къ историческимъ работамъ подобнаго рода вообще, имѣетъ особенное значеніе въ исторіи Славянскихъ Апостоловъ, которая по преимуществу богата такъ называемыми второстепенными, третьестепенными и т. д. источниками, представляющими, какъ извѣстно, при историческихъ изслѣдованіяхъ гораздо болѣе трудностей, чѣмъ источникъ первостепенные. Живой примѣръ такой трудности, а вмѣстѣ и блестяшаго преодоленія ея представляетъ разсматриваемое сочиненіе проф. Бодянского, взявшаго на себя задачу рассмотреть вопросъ о времени происхожденія славянскихъ письменъ во всемъ

его объемъ. Почтенный профессор такъ отзывается о предстоящихъ ему затрудненіяхъ въ изслѣдованіи взятаго имъ для разсмотрѣнія вопроса.

„Начиная съ самаго почти появленія селунскихъ благодѣльниковъ въ земляхъ славянскихъ, говоритъ онъ, до конца XII вѣка, стало быть въ продолженіе трехъ съ половиною вѣковъ, свои и чужіе, на отечественномъ и другихъ языкахъ (греческомъ и латинскомъ), описывали ихъ благодѣтельныя дѣйствія и передали современникамъ и позднему потомству; потому рядъ свѣдѣтельствъ о нихъ, слѣдовательно и о нашемъ предметѣ, непрерывно продолжался и доставилъ намъ 22 свѣдѣтелей.... Есть, стало быть, что послушать, и раскинуть, какъ говорится, о чемъ умомъ—разумомъ. Ибо не всѣ они одно и тоже передаютъ намъ: тутъ слышимъ голосъ съ разныхъ сторонъ, разныхъ вѣковъ и разныхъ народовъ. Отъ того естественно нельзя было ожидать строгаго согласія и точности въ передаваемомъ: не всякій рассказываетъ только, что и какъ происходило, но еще примѣшиваетъ къ тому и свой взглядъ, а иногда даже догадки о такомъ, чего, по его мнѣнію, недостаетъ тутъ для его полноты. Это необходимо вело къ порчѣ, искаженію первоначальной основы дѣйствительно случившагося.... И такъ нужно отдѣлить, что не принадлежитъ, не могло и не должно принадлежать по существу самаго дѣла, первоначально къ рассказываемому происшествію, а привнесено послѣ людьми къ людскому, въ слѣдствіе разныхъ причинъ, цѣлей и побужденій.“... Нельзя было и ожидать, „чтобы всѣ свѣдѣтельства объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ были отмѣчены печатью подлинности и современности, чтобы дошли они къ намъ безъ всякихъ наростовъ и измѣненій, въ ихъ первичности и чистотѣ. Плавая по морю, нельзя, чтобы какой валъ его не хлеснулъ когда и намъ въ лицо, не

оставилъ слѣда и на нашемъ платьѣ. Не много такихъ счастливецъ, которые безъ тревоженій и крушеній выходятъ на берегъ. Все дѣло въ томъ, въ какой мѣрѣ поврежденія судно, уцѣлѣло ль что отъ его первобытнаго вида; годно ли еще оно и по скольку годно? А по тому первое дѣло отдѣлить первооснову отъ нароста, бывшее отъ небывшаго, голосъ очевидца—современника отъ голоса толкователей послѣдующаго времени, ихъ догадокъ, украшеній, передѣлокъ и т. п. По сему вся тайна изслѣдователя заключается въ умѣньѣ отличить дѣйствительное отъ возможнаго, вѣроятное отъ невѣроятнаго и даже небывалаго“ (стр. 145-148).

Само собою разумѣется, что трудности, встрѣченныя почтеннымъ профессоромъ въ его трудѣ, имѣющемъ предметомъ одинъ вопросъ въ жизни Славянскихъ Апостоловъ, хотя и болѣе другихъ затруднительный, должны въ немимовѣрной степени увеличиться при составленіи ихъ біографіи—полной, систематической. Число источниковъ въ такомъ случаѣ естественно далеко возрастаетъ противъ цифры, указанной нашимъ изслѣдователемъ въ приведенной выпискѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ возрастаетъ и сумма противорѣчій, требующихъ примиренія, или по крайней мѣрѣ объясненія со стороны ученаго, который бы взялъ на себя подобную задачу. Чтобы подтвердить наши слова фактами и представить въ ясномъ видѣ, какъ далеко расходятся другъ отъ друга источники, по рассматриваемому предмету, въ полномъ ихъ объемѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разнятся мнѣнія изслѣдователей, укажемъ нѣсколько тому примѣровъ. По однимъ источникамъ Кирилль и Меѳодій были греки, по другимъ славяне; но однимъ старшій изъ братьевъ былъ Меѳодій, по соображенію съ другими Кирилль; по однимъ только послѣдній путешествовалъ къ Хазарамъ, по другимъ

оба. Изобрѣтеніе славянской грамоты одни источники приписываютъ Кириллу, другіе Меѳодію, третьи обоимъ, и притомъ самыя свидѣтельства объ этомъ, при своей неопредѣленности, даютъ возможность подъ именемъ славянскихъ письменъ разумѣть однимъ изслѣдователямъ—азбуку Кирилловскую,—другимъ Глаголитскую. Мѣстомъ изобрѣтенія славянской азбуки одни источники назначаютъ Царьградъ, другіе Моравію, третьи Болгарію, четвертые наконецъ Херсонъ, гдѣ будто бы Кириллъ нашель уже готовыя письмена. Временемъ изобрѣтенія славянской грамоты по однимъ извѣстіямъ былъ 852-й годъ, по другимъ—855, по третьимъ 858—861, по четвертымъ 862, по пятымъ 865-й и т. д. Дѣятельность Кирилла и Меѳодія въ Моравіи по однимъ источникамъ продолжалась 3 года, по другимъ 3 года съ половиною, по третьимъ 4 года съ половиною, по инымъ наконецъ Апостолы Славянскіе вовсе не были въ Моравіи, а дѣятельность ихъ ограничивалась одною Болгарію. Точно такія же противорѣчающія свидѣтельства существуютъ о санѣ Кирилла и времени посвященія его и Меѳодія въ епископы, о мѣстѣ епископской кathedры послѣдняго, о времени кончины Кирилла (источники назначаютъ годы: 868, 869, 870, 871 и т. д.), о мѣстѣ и времени кончины Меѳодія (—годы 881, 885, 886, 892, 893, 894, 899, 900) о характерѣ дѣятельности проповѣдниковъ въ Болгаріи, о числѣ переведенныхъ ими книгъ, о славянскомъ нарѣчій, на которое сдѣланъ былъ переводъ и прч. и проч. Не нужно конечно прибавлять, что чѣмъ источники позднѣе, тѣмъ далѣе свидѣтельства ихъ расходятся какъ другъ съ другомъ, такъ и съ свидѣтельствами древнѣйшими. Вотъ почему Ваттенбахъ, а за нимъ и Дюмлеръ, опасаясь можетъ быть запутаться въ разборѣ разнорѣчащихъ показаній позднѣйшихъ источниковъ, или просто не желая входить въ рассмотрѣніе ихъ, рѣшились ограничиться въ своихъ, рассматриваемыхъ

нами, изслѣдованіяхъ, только извѣстіями древнѣйшими; и вотъ почему нашъ отечественный изслѣдователь, взявшій на себя задачу разсмотрѣть свой вопросъ въ полномъ его объемѣ, по всѣмъ прежнимъ и открытымъ имъ самимъ источникамъ, въ своемъ сочиненіи положительному изложенію сдѣланныхъ имъ выводовъ предпосылаетъ огромное обзорнѣе источниковъ (стр. 1—140), а потомъ критическій разборъ самыхъ свидѣтельствъ и исторію мнѣній ученыхъ о данномъ вопросѣ (стр. 141—337). Всякій согласится, что въ подобныхъ случаяхъ вопросъ объ историческомъ достоинствѣ источниковъ есть вопросъ первой важности: никакое остроуміе, никакая проникательность историка не замѣнитъ въ его изслѣдованіяхъ недостатка критическихъ основъ. Самое прочное по видимому зданіе должно будетъ обрушиться, если не крѣпокъ фундаментъ, на которомъ оно воздвигнуто. Это дѣйствительно и случилось уже не разъ съ историко-критическими работами ученыхъ надъ исторіею Славянскихъ Апостоловъ. Какъ ни основательны были по видимому историко-критическія положенія, изложенныя Добровскимъ въ его біографіи Кирилла и Меѳодія, но тотъ часъ же послѣ выхода ея въ свѣтъ (1824 г.), по поводу критики Блумбергера, возникли сомнѣнія, которыя готовы были подорвать въ самомъ основаніи зданіе, воздвигнутое знаменитымъ славянистомъ, а въ послѣдующее время, въ слѣдствіе новыхъ критическихъ розысканій (о житіи Климента) и новыхъ открытыхъ наукою данныхъ, исторія Кирилла и Меѳодія естественно должна была во многомъ получить совсѣмъ другой видъ, нежели какой данъ былъ ей Добровскимъ. Точно такъ же и Добровскій своими изслѣдованіями во многомъ измѣнилъ историческіе выводы своихъ предшественниковъ: Ассемани, Добнера и другихъ ученыхъ, занимавшихся разсмотрѣніемъ первой эпохи славянской письменности.

До какой степени недостаточна критическая разработка источниковъ, относящихся къ исторіи Кирилла и Меѳодія, и не тверды ея основы, яснымъ доказательствомъ можетъ служить тотъ фактъ, что въ изслѣдованіяхъ о ней не разъ игралъ главную роль чистый произволь, увлеченіе изслѣдователя какою либо любимую идеею, національныя и религіозныя пристрастія и вообще предзанятія мнѣнія. Что бы представить въ этомъ отношеніи рѣшительный примѣръ, стоитъ вспомнить, что сдѣлалъ изъ исторіи Славянскихъ Апостоловъ нашъ отечественный изслѣдователь, Венелинъ. Отвергнувши подлинность и достовѣрность всѣхъ основныхъ для этой исторіи источниковъ, онъ доказывалъ, что Кирилль и Меѳодій никогда не были ни въ Моравіи, ни въ Римѣ, не составляли славянской азбуки, ничего почти не переводили на славянскій языкъ (то и другое сдѣлано было прежде), не входили ни въ какія сношенія ни съ моравскими князьями, ни съ папами,—однимъ словомъ отвергнулъ всѣ почти главнѣйшіе факты въ жизни Славянскихъ Апостоловъ. Могутъ сказать, что въ подобныхъ случаяхъ нѣтъ никакой возможности положить границы произволу; но намъ кажется, что причины подобнаго явленія нужно искать именно въ недостаткѣ должной критической оцѣнки источниковъ по разсматриваемому предмету. Последнее обстоятельство даетъ изслѣдователю полную возможность свободно обращаться съ источниками, принимать одни и отвергать другіе, второстепенные источники возводить на степень первостепенныхъ и на оборотъ первостепеннымъ давать значеніе второстепенное, или даже вовсе выпускать ихъ изъ виду,—все это разумѣется сообразно съ любимую предзанятою идеею, какую хочетъ провести изслѣдователь въ своемъ трудѣ. Такъ поступали въ разсмотрѣніи многихъ вопросовъ въ жизни Славянскихъ

Апостоловъ, увлеченные интересами римской церкви, извѣстные ученые: Ассемани, Добнеръ, Копитаръ и другіе. Тоже самое поприще для своей дѣятельности, т. е. учено-литературное служеніе чисто вѣроисповѣднымъ интересамъ католицизма избралъ для себя и точно въ такое же отношеніе поставилъ себя къ источникамъ Гинцель, авторъ одного изъ разсматриваемыхъ нами сочиненій. Вся его „Исторія Славянскихъ Апостоловъ“ съ начала до конца, говоря буквально, написана на заданную тему, что Кирилль и Меѳодій отличались такою же горячею преданностію римской церкви, какъ самые рѣвностные поборники тогдашняго и современнаго католицизма. При такомъ положеніи дѣла нельзя не признать, что критическая обработка источниковъ для исторіи Славянскихъ Апостоловъ и тщательный пересмотръ сообщаемыхъ ими свѣдѣній въ такой напр. формѣ, какъ это сдѣлалъ Дюмлеръ съ Паннонскимъ Житіемъ Меѳодія, составляетъ насущную потребность современной науки славянскихъ древностей. Подобные критическіе труды послужили бы оплотомъ противъ возможности произвола какъ въ выборѣ и оцѣнкѣ источниковъ, такъ и въ пользованіи ими, а слѣд. и въ самомъ взглядѣ на характеръ дѣятельности Кирилла и Меѳодія.

Таковы по нашему мнѣнію причины, доселѣ препятствующія успѣшному ходу ученыхъ работъ надъ исторіею Кирилла и Меѳодія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и появленію, какъ въ отечественной, такъ и въ иностранной литературѣ во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительной ихъ біографіи. Но кромѣ недостатка должной критической обработки источниковъ по разсматриваемому предмету, еще ббльшее, въ этомъ отношеніи, представляетъ затрудненіе то обстоятельство, что эти источники, какъ ни значительна общая ихъ сумма, открыты далеко еще не всѣ. Число

ихъ умножается, съ каждымъ годомъ, болѣе и болѣе. При томъ послѣднее время показало, что важнѣйшіе изъ нихъ кроются еще въ нашихъ архивахъ и библіотекахъ, — въ нашей древней письменности. А у насъ, какъ извѣстно, работы и открытія по этому предмету, да и вообще по исторіи нашей древней литературы, можно сказать, только начинаются. При такомъ положеніи дѣла нельзя и ожидать, чтобы относительно исторіи Славянскихъ Апостоловъ въ настоящее время могли установиться въ наукѣ твердыя и рѣшительныя положенія. Для иностранныхъ же ученыхъ указанное затрудненіе тѣмъ болѣе имѣетъ значеніе, что новые памятники, открытые въ послѣднее время у насъ въ Россіи по разсматриваемому предмету, досель еще не изданы, а многіе даже не изслѣдованы, а только указаны. Наши ученые имѣютъ всегда возможность — болѣшую, или меньшую, — пользоваться ими по рукописямъ; но для иностранныхъ изслѣдователей, само собою разумѣется, такой возможности не существуетъ. Вотъ почему и труды ихъ въ отношеніи къ разсматриваемому предмету, а равно и въ отношеніи къ исторіи славянской письменности вообще, часто носятъ на себѣ печать нѣкоторой отсталости, — недостатокъ, которымъ страдаютъ и разсматриваемыя нами сочиненія. Такъ Дюмлеръ наприм., издавая Паннонское Житіе Меѳодія, въ предисловіи къ своему изслѣдованію о немъ, говоритъ, что единственный списокъ этого памятника находится въ рукописи XVI вѣка, принадлежащей библіотекѣ Московской Духовной Академіи; а у насъ между тѣмъ задолго до выхода въ свѣтъ сочиненія Дюмлера извѣстенъ былъ, даже по печатнымъ указаніямъ, названный памятникъ уже въ нѣсколькихъ спискахъ, и притомъ древнѣйшихъ. Гинцель, на основаніи отзыва Миклошича о языкѣ Паннонскихъ Житій, принадлежащемъ будто XIV

вѣку, старается доказать, что названные памятники относятся именно къ этому времени; между тѣмъ у насъ въ Россіи, благодаря открытію г. Ундольскаго, еще съ 1848 г. извѣстенъ былъ списокъ одного изъ названныхъ памятниковъ, писанный въ XII вѣкѣ, (1), а слѣд. самымъ нагляднымъ образомъ заранѣе опровергнуто было приведенное мнѣніе Миклошича. Приведемъ еще примѣръ: что бы доказать сообразно съ своей предзанятой идеей, что Славянскими Апостолами не были переведены всѣ библейскія книги, а только извлеченія изъ нихъ для церковнаго употребленія (лекціонари—паремейники), Гинцель, со словъ Добровскаго, въ разсматриваемомъ сочиненіи (стр. 43.) говорить, что на славянскомъ языкѣ до XV вѣка вовсе не было извѣстно полнаго перевода библейскихъ книгъ; между тѣмъ у насъ въ Россіи давно уже извѣстны самыя положительныя доказательства того, что еще въ XI и

(1) Чт. Об. Ист. 1848 г, № 8. Замѣчательно, что списокъ Паннонскаго Житія XVI в., бывший въ рукахъ Миклошича, по которому, опъ на основаніи филологическихъ данныхъ, сдѣлалъ заключеніе о принадлежности этого памятника, къ XIV в., по своему языку ничѣмъ почти не разнится, (за исключеніемъ только не многихъ грамматическихъ особенностей,) со спискомъ того же житія, находящемся въ рукописи XII в. И такъ, если для такого опытнаго филолога, каковъ Миклошичъ, возможны подобныя ошибки; то невольно приходимъ къ заключенію, какъ ненадежны въ подобныхъ случаяхъ, т. е. при рѣшеніи вопроса о времени происхожденія памятника, соображенія, основанныя единственно на филологическихъ данныхъ! Намъ кажется, что въ подобныхъ случаяхъ историческія указанія и библиографическія данныя гораздо тверже, чѣмъ данныя филологическія, по крайній мѣрѣ при настоящемъ состояніи славянскои, филологіи.

ХІІ. вѣкъ на славянскомъ языкѣ существовали почти всѣ библейскія книги. Не говоримъ уже объ историческихъ на это указаніяхъ, находящихся въ памятникахъ, которые переводъ всѣхъ библейскихъ книгъ приписываютъ прямо Славянскимъ Апостоламъ.

Само собою разумѣется, что названные ученые, дѣлая подобнаго рода выводы, такъ рѣзко противорѣчащіе положительнымъ фактамъ, становятся нѣкоторымъ образомъ въ положеніе комическое, и это вслѣдствіе незнанія того, что сдѣлано и открыто по части изслѣдуемыхъ ими вопросовъ у насъ въ Россіи; но съ другой стороны мы нисколько не въ правѣ упрекать ихъ за это незнаніе; потому что открытія у насъ, Паннонскія Житія, не смотря на обще-признанную ихъ важность досель еще не изданы, даже не были предметомъ особаго изслѣдованія. Точно также и древность славянскаго перевода библейскихъ книгъ положительнымъ образомъ доказана была только недавно, благодаря ученымъ трудамъ профессоровъ, Горскаго, и Невоструева. Да и говоря вообще, мы вовсе не въ правѣ обвинять иностранныхъ ученыхъ въ равнодушіи къ изслѣдованіямъ и открытіямъ отечественныхъ ученыхъ въ отношеніи къ славянскимъ древностямъ вообще и въ частности въ отношеніи къ разсматриваемому нами вопросу. Доказательствомъ противнаго можетъ служить, какъ увидимъ ниже, именно открытіе у насъ Паннонскихъ Житій. Безпристрастно говоря, эти памятники положительную и окончательную, прежде чѣмъ у насъ, оцѣнку нашли именно въ кругу иностранныхъ ученыхъ, занимающихся славянскою исторіей и филологіей. По крайней мѣрѣ тамъ это открытіе пробудило ученую дѣятельность гораздо въ бѣльшей степени, нежели какъ это было у насъ.

Какъ бы то ни было, но, какъ уже замѣчено было, каждое новое открытіе, особенно, если новооткрытый памятникъ, по своему историческому достоинству, древности и объему сообщаемыхъ имъ фактовъ, представляетъ въ себѣ источникъ первостепенной важности, естественно должно производить переворотъ въ изслѣдованіяхъ и ниспровергать историческія положенія, прежде считавшіяся несомнѣнными. Наука, въ подобныхъ случаяхъ, естественно должна дѣлать новые учеты въ прежнихъ выводахъ, расширять, или сокращать ихъ, отвергать прежнія положенія, измѣнять, дополнять ихъ и проч. Привычка къ авторитету прежнихъ источниковъ заставляетъ иныхъ долго не признавать достоинство новаго памятника, но мало по малу онъ вступаетъ въ свои права и получаетъ должное ему мѣсто. Въ теченіи ученыхъ работъ надъ исторіею Кирилла и Меѳодія такихъ переворотовъ было уже нѣсколько; но самый рѣшительный изъ нихъ произведенъ былъ открытіемъ Паннонскихъ Житій Славянскихъ Апостоловъ. Но прежде нежели войдемъ въ разсмотрѣніе важности этихъ памятниковъ для исторіи Кирилла и Меѳодія, а равно и значенія памятника, открытаго Ваттенбахомъ, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ источникахъ для этой исторіи вообще, то есть о тѣхъ источникахъ, которые извѣстны были прежде. Тогда гораздо яснѣе опредѣлится для насъ значеніе памятниковъ, открытыхъ въ последнее время.

Источники для исторіи Кирилла и Меѳодія можно раздѣлить на два разряда: официальные и неофициальные. Къ официальнымъ источникамъ принадлежатъ прежде всего буллы и письма римскихъ папъ, писанныя ими въ разное время къ славянскимъ князьямъ и къ Меѳодію въ теченіи его апостольской дѣятельности. Между этими письмами,

въ прежнихъ историческихъ изслѣдованіяхъ, первое мѣсто занимали и дѣйствительно имѣютъ очень важное значеніе: четыре письма папы Іоанна VIII (878, 880 и 881-го года) — два къ Меѳодію и два къ Святополку, въ которыхъ этотъ папа сначала запрещаетъ, а потомъ дозволяетъ отправленіе славянскаго богослуженія въ Моравіи. Въ послѣднее время къ числу этихъ писемъ присоединились столько же если не болѣе важные документы: — 1.) открытая Ваттенбахомъ булла Папы Стефана V, или VI, (885—890) къ Святополку, 2.) письмо папы Адріана II (868—872) къ славянскимъ князьямъ, .писанное имъ еще при первомъ отправленіи Меѳодія въ Паннонію въ санѣ пресвитера, (между 869 и 870-мъ годомъ), вскорѣ послѣ кончины Кирилла въ Римѣ. О буллѣ Стефана VI, открытой Ваттенбахомъ, мы будемъ говорить послѣ, при разборѣ его сочиненія; о письмѣ же Адріана II здѣсь же приведемъ очень замѣчательное мнѣніе Дюмлера, замѣтивъ предварительно, что подлинникъ этого письма до насъ не дошолъ, а сохранился только славянскій переводъ его, находящійся въ Паннонскомъ Житіи Меѳодія и слѣд. открытый вмѣстѣ съ послѣднимъ памятникомъ. Дюмлеръ, въ разсматриваемомъ своемъ сочиненіи, такъ отзывается объ исторической достовѣрности послѣдняго документа.

„Этотъ достопримѣчательный памятникъ, говоритъ онъ, приводимый авторомъ Паннонскаго Житія въ полномъ его объемѣ, по своей формѣ и содержанію такого свойства, что я не нахожу никакихъ причинъ сомнѣваться въ его подлинности. Доказательствомъ ея служить то обстоятельство, что въ буллѣ упоминается о перенесеніи мощей Св. Климента и о приѣмѣ, сдѣланномъ братьями въ Римѣ со стороны Адріана II,—два событія, которыя въ самомъ Житіи вовсе не упомянуты. Послѣднее отступаетъ отъ

буллы и въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ. Отсюда ясно, что авторъ Житія не могъ быть въ то же время авторомъ письма....“ „Полномочіе, какое Адрианъ II даетъ въ немъ Меѳодію относительно употребленія при богослуженіи славянскаго языка, и предписаніе читать на литургіи Евангеліе и Апостоль сначала по Вульгатѣ, а потомъ уже по славянски, до такой степени согласно съ позднѣйшими предписаніями Іоанна VIII о томъ же предметѣ, что сомнѣваться въ достовѣрности показаній этого памятника мы не имѣемъ никакого права. При томъ же эти показанія вполне подтверждаются свидѣтельствомъ неизвѣстнаго Зальцбургца (въ сочиненіи: *de conversatione Bajoar.*), который пишетъ, что въ 871-мъ году Меѳодій началъ отправлять въ Панноніи богослуженіе на славянскомъ языкѣ.“ (р. 182).

Вслѣдствіе доказательствъ, приведенныхъ Дюммлеромъ, историческая достовѣрность и подлинность буллы Адриана II была признана лучшими западными критиками, доказательствомъ чего служитъ помѣщеніе этого документа, въ латинскомъ переводѣ, въ числѣ другихъ актовъ, относящихся къ исторіи Кирилла и Меѳодія, Ербеномъ въ извѣстномъ его изданіи: *Regesta Boh. et Mor.* (Pars 1. 1855.)

Къ числу официальныхъ памятниковъ для біографіи Славянскихъ Апостоловъ принадлежатъ также: 1) упомянутая Дюммлеромъ въ сейчасъ сдѣланной нами выпискѣ изъ его сочиненія, записка неизвѣстнаго Зальцбургца объ обращеніи Баварцевъ и Хорутанцевъ, представленная, какъ думаютъ Ваттенбахъ и Дюммлеръ, нѣмецкому королю Людовику въ 871, или, какъ думаетъ Копитаръ, въ 873-мъ году, и содержащая въ себѣ доказательства правъ Зальцбургскихъ архіепископовъ на паннонскую кафедру Меѳодія; 2) письмо Баварскихъ епископовъ къ папѣ Іоанну IX 900 г., съ изъявленіемъ притязаній пассавской архіепископіи на Моравію. Первый памятникъ даетъ понятіе

о церковномъ состояніи Панноніи до—и во время прибытія туда Меѳодія, послѣдній—о состояніи Панноніи и Моравіи послѣ его кончины. Сюда же относятся позднѣйшія указанія разныхъ оффиціальныхъ памятниковъ преимущественно относительно славянскаго богослуженія, напр. опредѣленія объ этомъ папъ, соборовъ; также разныя оффиціальныя современныя записки, напр. записка объ освященіи Меѳодіемъ церкви въ Брюнѣ, замѣтка о Кириллѣ Анастасія Библіотекаря въ предисловіи къ его переводу актовъ Константинопольскаго собора 879-го года и проч.

Совершенно соглашаясь съ общепринятымъ положеніемъ исторической критики, что оффиціальныя памятники въ историческихъ изслѣдованіяхъ вообще составляютъ самый достовѣрный источникъ, и показанія ихъ должны служить критеріумомъ для извѣстій неоффиціальныхъ,—мы однакожь замѣтимъ, что папскія буллы и письма къ Славянскимъ князьямъ и къ Меѳодію, при пользованіи ими, представляютъ въ этомъ отношеніи нѣкоторое неудобство, и не вполне отвѣчаютъ общему вышеуказанному характеру оффиціальныхъ источниковъ. Въ папскихъ буллахъ прежде всего бросаются въ глаза странныя противорѣчія одной буллы съ другой: что дозволяетъ одинъ папа, то запрещаетъ другой, или даже одинъ и тотъ же папа сначала предписываетъ одно, потомъ совершенно другое, — и это не одинъ разъ. Эти противорѣчія поразили первыхъ критиковъ до такой степени, что иные изъ нихъ всѣ, а другіе — нѣкоторыя изъ буллъ папы Іоанна VIII признали подложными. Но въ настоящее время, послѣ открытія (въ 1837 г.) Палацкимъ (¹) реэстра посланіямъ папы Іоанна, писаннаго, съ Ватиканскаго подлинника, во 2-й

(¹) Въ библіотекѣ Монтекассинскаго монастыря.

половинѣ XI вѣка и содержащаго въ себѣ между прочимъ разсматриваемыя буллы, — подлинность ихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Остается ждать теперь новыхъ данныхъ для подтвержденія подлинности буллъ Адріана II и Стефана VI, которыя болѣе чѣмъ вдвое увеличиваютъ общую сумму упомянутыхъ противорѣчій, и по своему содержанию и характеру сильно не нравятся тѣмъ изъ западныхъ критиковъ, кои смотрятъ на науку, какъ на орудіе для совершенно чуждыхъ для нея цѣлей (¹). Но судя по внутреннему характеру названныхъ буллъ, нельзя сомнѣваться, что онѣ пройдутъ безопасно сквозь всѣ испытанія и нападенія недобросовѣстной критики. За то съ признаніемъ достовѣрности папскихъ буллъ открывается огромное поприще для всякаго рода толкованій, — дѣйствительно неизбѣжныхъ потому, что иначе въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ папъ не будетъ никакого смысла, или эти дѣйствія примутъ совершенно ложный колоритъ. Это-то объясненіе — не подлинности, а — подлиннаго смысла папскихъ буллъ и составляетъ то затрудненіе и неудобство, при пользованіи ими, о которомъ мы сказали выше. Давно уже, еще со времени Шлецера, принято для этой цѣли брать въ соображеніе тогдашнія отношенія папъ къ Константинополю; но намъ кажется, что этотъ пунктъ

(¹) Гинцель, какъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ, противъ подлинности буллъ Адріана и Стефана писалъ отдѣльную статью, помѣщенную имъ въ *Zeitschrift für gesammte Kath. Theologie* Bd. VII. Wien. 1856 s. 345—80. Но доказательства его, изложенныя въ сокращеніи въ разсматриваемомъ нами его сочиненіи (р. 8—11 сл. 85—87), слишкомъ ничтожны, чтобы могли сколько нибудь поколебать историческую достовѣрность этихъ важныхъ документовъ, и вовсе не заслуживаютъ, какъ и многое въ книгѣ Гинцеля, ученаго обстоятельнаго опроверженія.

въ жизни Славянскихъ Апостоловъ доселѣ еще не раскрытъ съ надлежащею полнотою. Кромѣ того истинный смыслъ папскихъ предписаній, или точнѣе, побужденій для того или другаго образа дѣйствій папъ, долженъ опредѣляться изъ разсмотрѣнія тогдашнихъ отношеній ихъ къ Моравскимъ князьямъ, къ зальцбургскому и пассавскому архіепископамъ, къ св. Меодію и его паствѣ, и наконецъ къ законоположеніямъ и обычаямъ Римской церкви. Римскимъ первосвященникамъ хотѣлось въ одно и то же время: сохранить миръ съ Константинопольскою церковію, чтобы не лишиться Болгаріи; а потомъ ее чтобы возвратить остаться въ добрыхъ отношеніяхъ съ Славянскими князьями, постоянно мѣнявшими свой образъ мыслей и дѣйствій вслѣдствіе политическихъ цѣлей; поддержать расположеніе къ себѣ проповѣдниковъ, имѣвшихъ большое вліяніе на новопросвѣщенную ими страну; отстранить вліяніе и притязанія Зальцбургскаго и Пассавскаго архіепископовъ, и наконецъ остаться, сколько возможно было, вѣрными принципамъ и установленіямъ, принятымъ Западною церковію. — Такъ много препятствій предстояло Римскимъ первосвященникамъ на пути стремленія ихъ пріобрѣсть и удержать за собою Моравскую и Паннонскую архіепископіи. При такомъ затруднительномъ положеніи, и при столь противорѣчащихъ и исключających одно другое требованіяхъ естественно, что въ дѣйствіяхъ римскихъ папъ въ отношеніи къ Славянскимъ Апостоламъ и не могло быть требуемаго единства. Измѣнялись отношенія ихъ къ той или другой, соприкосновенной съ событіями, сторонѣ, — измѣнялись и предписанія ихъ въ отношеніи къ Меодію и Моравскимъ князьямъ; а отсюда и колеблющіяся отношенія римскаго престола къ нимъ и къ Меодію, нерѣшительныя распоряженія, полумѣры и вообще противорѣчія въ папскихъ буллахъ.

Съ другой стороны при пользованіи буллами папъ нужно имѣть въ виду, что въ частности отношенія ихъ къ Славянскимъ князьямъ и въ особенности къ Меѳодію были не искреннія, а вынужденныя, образовавшіяся вслѣдствіе другихъ разнообразныхъ отношеній ихъ и цѣлей, къ которымъ они стремились. Отъ этого во многихъ случаяхъ папы писали въ своихъ буллахъ далеко не то, что думали, и въ словахъ ихъ осталось много недосказаннаго. И такъ изслѣдователь долженъ открыть въ ихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ тайныя пружины, которыми они руководились. Эти тайныя пружины, которыя, разумѣется, имѣютъ главное значеніе при объясненіи фактовъ, изслѣдователь долженъ отгадывать по соображенію съ событіями: онъ долженъ читать между строками. Вотъ почему, при вопросѣ объ отношеніяхъ папъ къ Меѳодію, ни въ какомъ случаѣ нельзя вездѣ основываться на буквальномъ смыслѣ папскихъ буллъ, какъ это дѣлаетъ Гинцель въ своемъ сочиненіи. Это было бы тоже, какъ если бы кто сталъ составлять понятіе объ отношеніяхъ папы Іоанна VIII къ патр. Фотію и къ императору Василию, руководствуясь буквальнымъ смысломъ ихъ переписки. На основаніи ея эти отношенія представляются дружественными; но факты показываютъ намъ совершенно противное. Факты должны служить основаніемъ и при вопросѣ объ отношеніяхъ папы Іоанна VIII къ Меѳодію. Мы увидимъ далѣе, что Іоаннъ при этомъ остался вѣрнымъ своему характеру, и вообще характеру тогдашнихъ отношеній римскаго престола къ Восточной церкви.

Кромѣ объясненныхъ затрудненій официальные источники для исторіи Славянскихъ Апостоловъ представляютъ то неудобство, что каждый изъ нихъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, относится собственно къ одному какому либо отдѣльному моменту въ жизни Славянскихъ Апостоловъ, и притомъ главнымъ образомъ въ жизни Меѳодія. Пусть эти отдѣльные

моменты имѣютъ особенную важность, такъ какъ относятся къ самому главному пункту въ дѣятельности благовѣстниковъ, т. е. къ изобрѣтенію славянской азбуки и къ учрежденію славянскаго богослуженія; но само собою разумѣется, что свѣдѣнія объ этихъ моментахъ далеко не могутъ удовлетворить любознательнаго изслѣдователя собственно полной жизни и дѣятельности Кирилла и Меѳодія. Поэтому нельзя не признать, что въ чисто біографическомъ интересѣ гораздо важнѣе, чѣмъ папскія письма и другіе оффиціальныя документы, памятники неоффиціальныя. Это именно дошедшія до насъ историческія сказанія, или такъ называемыя легенды о жизни Славянскихъ Апостоловъ. Само собою разумѣется, что сообщаемыя ими свѣдѣнія, прежде чѣмъ займутъ мѣсто въ біографіи благовѣстниковъ, должны быть тщательно очищены критикой отъ всѣхъ постороннихъ наростовъ времени, личностей, религіозныхъ и національных пристрастій и проч. При этомъ, какъ замѣтилъ еще Добровскій, показанія древнѣйшихъ легендъ должны предпочитаться показаніямъ сказаній позднѣйшихъ, и первыя должны служить критеріумомъ для послѣднихъ.

Между легендами, въ теченіи почти 200-лѣтнихъ историческихъ работъ надъ исторіею Славянскихъ Апостоловъ, первое мѣсто занимала Легенда, такъ называемая (по мѣсту написанія), Италіянская, изданная въ первый разъ, въ 1668 году, болландистомъ Геншеномъ въ извѣстномъ собраніи житій Святыхъ: *Acta Sanctorum*, подъ 9-мъ Марта, и содержащая въ себѣ послѣдовательное повѣствованіе о жизни св. Кирилла и отчасти Меѳодія. По мнѣнію Геншена, которое принято было, безъ всякой впрочемъ повѣрки, всѣми послѣдующими изслѣдователями, эта легенда составлена епископомъ города Велитры, Гавдерикомъ, современникомъ св. Кирилла, а потому и признана была источникомъ вполне исторически-достовернымъ. Ею обыкновенно

повѣряли (а иные и теперь повѣряютъ) свѣдѣнія о жизни Кирилла и Меѳодія, сообщаемыя легендами позднѣйшими, къ числу которыхъ принадлежатъ: Легенда Моравская, писанная въ XIV вѣкѣ на основаніи Легенды Италіянской, и Житія св. Людмилы, Легенда о св. Людмилѣ и Житіе св. Вячеслава Чешскаго, — также составленныя въ XIV вѣкѣ, краткія житія Кирилла и Меѳодія, находящіяся въ славянскихъ прологахъ и проч. Италіянской же Легендой повѣряли обыкновенно позднѣйшія отрывочныя извѣстія съ лѣтописнымъ характеромъ, куда принадлежатъ: показанія Сазавскаго и Градишскаго монаховъ (XII в.), Діоклейскаго священника (1161 г.), нашего Нестора и т. д.

Послѣ Добровскаго въ число первостепенныхъ источниковъ для исторіи Кирилла и Меѳодія принято было греческое Житіе Климента, еп. Величскаго (+916 г.), хотя и оно также повѣряемо было Италіянскою Легендою. Это житіе въ 1-й своей части содержитъ съ большею или меньшею подробностію свѣдѣнія о жизни обоихъ Славянскихъ Апостоловъ, но преимущественно о послѣднихъ годахъ жизни Меѳодія. Оно писано было ученикомъ Климента, что окончательно доказано Миклошичемъ, вновь издавшимъ этотъ драгоценный памятникъ въ 1847 году ('). Около того же времени, т. е. послѣ Добровскаго, признана была критикою историческая достовѣрность отрывочныхъ славянскихъ свидѣтельствъ о жизни Славянскихъ Апостоловъ: Іоанна Екзарха (X в.) о переводѣ Меѳодіемъ книгъ Священнаго Писанія, и монаха Храбра объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ.

И такъ связныхъ и сколько нибудь полныхъ сказаній о жизни Славянскихъ Апостоловъ съ характеромъ исторически-

(') У насъ въ Россіи жизнеописаніе Климента издано съ Русскимъ переводомъ въ извѣстномъ юбилейномъ изданіи Моск. Университета: Матеріалы для исторіи письменъ. М. 1855.

вполнѣ достовѣрнымъ, до открытія Паннонскихъ Житій, считалось собственно два, т. е. Италіянская Легенда и Житіе Климента. Оставляя другія сказанія, позднѣйшія, безъ всякихъ съ своей стороны замѣчаній, что завлекло бы насъ слишкомъ далеко, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько подробнѣе о послѣднихъ двухъ памятникахъ, тѣмъ болѣе, что къ нимъ собственно ставятся въ непосредственныя отношенія новые источники для жизни св. Кирилла и Меѳодія, служащіе предметомъ сочиненій Дюммлера и Ваттенбаха.

Италіянская Легенда не есть самостоятельное повѣствованіе о жизни Кирилла и Меѳодія, а собственно сказаніе о перенесеніи изъ Херсона въ Римъ мощей святаго Климента (римскаго папы), какъ и названа была эта Легенда первымъ ея издателемъ (*Translatio s. Clementis*). Но такъ какъ мощи св. Климента открыты были въ Херсонѣ св. Кирилломъ во время путешествія его къ Хозарамъ, и потомъ перенесены были имъ же вмѣстѣ съ братомъ его Меѳодіемъ сначала въ Моравію, а потомъ въ Римъ; то естественно, что авторъ Легенды, рассказывая объ этомъ событіи, составляющемъ собственно главную цѣль его разсказа, слѣдитъ вмѣстѣ съ этимъ и за обстоятельствами жизни Кирилла, а отчасти и Меѳодія, начиная съ путешествія перваго въ Хозарію до вызова обоихъ проповѣдниковъ въ Римъ. Вслѣдствіе этого въ Легендѣ, кромѣ разсказа о главномъ предметѣ, говорится о дѣятельности Кирилла у Хозаровъ, о посольствѣ Ростислава въ Константинополь по возвращеніи туда Кирилла, объ изобрѣтеніи имъ письменъ, о дѣятельности братьевъ въ Моравіи и т. д. Но само собою разумѣется, что при этомъ разсказъ объ открытіи и перенесеніи мощей св. Климента вездѣ стоитъ на первомъ планѣ, а разсказъ о Кириллѣ, и тѣмъ болѣе Меѳодіѣ, на второмъ. О Кириллѣ правда рассказывается больше,

нежели сколько это было нужно для изясненія главнаго предмета Легенды; въ концѣ ея даже присоединены подробности о кончинѣ и погребеніи его: но это очевидно вслѣдствіе чувства признательности современниковъ къ св. Кириллу, какъ главному виновнику рассказываемаго въ Легендѣ событія. За то извѣстіемъ о погребеніи Кирилла авторъ Легенды совершенно заканчиваетъ рассказъ, и о дѣятельности Меѳодія, которая преимущественно относится къ періоду времени послѣ кончины Кирилла, не говоритъ ни слова. Такимъ образомъ рассказъ его, если смотрѣть на него какъ на повѣствованіе о жизни Славянскихъ Апостоловъ, остается неоконченнымъ.

Все это объясняется однакожъ очень легко, когда мы возьмемъ въ соображеніе извѣстіе, передаваемое Геншеномъ о происхожденіи Италіанской Легенды. Въ примѣчаніяхъ къ ней (§ 15) Геншенъ говоритъ, что Гавдерикомъ составлено было полное жизнеописаніе Климента Римскаго, и посвящено Папѣ Іоанну VIII, и что онъ получилъ это жизнеописаніе отъ аббата Угелли, но не въ полномъ видѣ. За тѣмъ издатель Легенды приводитъ сохранившееся посвященіе труда Гавдерика папѣ Іоанну VIII. Изъ этого посвященія видно, что сочиненіе Гавдерика о Климентѣ Римскомъ было раздѣлено на три книги, изъ коихъ въ 1-й авторъ описываетъ жизнь и дѣянія Климента, во 2-й говоритъ объ ученіи его, въ 3-й о чудесахъ, о заточеніи въ Херсонъ, о мученичествѣ, и наконецъ объ обрѣтеніи и перенесеніи мощей его. Отсюда Геншенъ совершенно справедливо заключаетъ, что изданная имъ, такъ называемая Италіанская Легенда, есть собственно отрывокъ, а можетъ быть сокращеніе изъ 3-й части обширнаго сочиненія Гавдерика. При такомъ положеніи дѣла понятно, почему въ Италіанской Легендѣ съ такою подробностію рассказывается объ обрѣтеніи и перенесеніи мощей св. Климента,

и разсказъ о нихъ стоитъ на первомъ планѣ, тогда какъ въ другихъ легендахъ о Кириллѣ и Меѳодіѣ, напр. въ Моравской, а равно и въ Паннонской, объ этомъ едва упомянуто. Ясно, что и по намѣренію автора разсматриваемаго памятника описаніе этого событія было главнымъ предметомъ сказанія, а повѣствованіе о жизни Кирилла и тѣмъ болѣе Меѳодія предметомъ совершенно постороннимъ, только соприкасающимся къ главному.

Какъ бы то ни было, однакожь этотъ отрывокъ изъ Гавдерикова жизнеописанія Климента получилъ названіе Легенды собственно о Кириллѣ, и, какъ замѣчено уже было, почти въ теченіи 200 лѣтъ считался главнымъ источникомъ для біографіи Славянскихъ Апостоловъ, которымъ, какъ сказаніемъ современнымъ, повѣряли показанія всѣхъ другихъ памятниковъ. Принявши безусловно мнѣніе Геншена относительно времени сочиненія Италіанской Легенды, критика даже не взяла на себя труда провѣрить его выводы, и вообще подвергнуть этотъ памятникъ болѣе тщательному изслѣдованію. Такъ напр., сколько мы знаемъ, никто изъ прежнихъ изслѣдователей не задавалъ себѣ вопроса: откуда Гавдерикъ, если даже принять за несомнѣнное, что онъ именно былъ авторомъ разсматриваемаго сказанія, — заимствовалъ свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Кирилла и Меѳодія до прибытія ихъ въ Римъ? Гинцель, положившій Италіанскую Легенду въ основаніе своей „Исторіи Славянскихъ Апостоловъ“, въ видѣ аксіомы замѣчаетъ, что Гавдерикъ заимствовалъ свѣдѣнія о жизни Кирилла и Меѳодія отъ нихъ самихъ во время пребыванія ихъ въ Римѣ (р. 12), и слѣд. сообщаемыя имъ извѣстія получены имъ изъ первыхъ рукъ. Но, во первыхъ, чтобы утверждать это, нужно было представить хоть какія нибудь доказательства, что епископъ Велитрскій былъ именно въ Римѣ во время пребыванія тамъ Кирилла и Меѳодія, и слышалъ отъ нихъ извѣстія о

ихъ жизни ⁽¹⁾. Во вторыхъ, вопросъ еще въ томъ, могъ ли интересоваться и насколько интересовался Гавдерикъ, если даже онъ былъ тогда въ Римѣ, свѣдѣніями о дѣятельности Апостоловъ у Хозаровъ, въ Константинополѣ, въ Моравіи и проч., вовсе не бывши намѣренъ писать ихъ исторіи. Онъ могъ интересоваться подробностями объ открытіи мощей св. Климента, какъ событіи, близкомъ для всего Рима, и кромѣ того какъ занимавшійся исторіею названнаго Святаго, но отнюдь не подробностями, касавшимися лично Кирилла и Мееодія; да и самую исторію жизни св. Климента онъ писалъ уже спустя нѣсколько лѣтъ послѣ перваго путешествія Апостоловъ въ Римъ.

И такъ, за недостаткомъ положительныхъ данныхъ объ историческомъ достоинствѣ и происхожденіи свѣдѣній, сообщаемыхъ Италіанской Легендой, изслѣдователю приходится судить по внутреннимъ признакамъ самаго сказанія. Но и съ этой стороны трудно придти къ какимъ либо, сколько нибудь рѣшительнымъ, результатамъ. Въ этомъ отношеніи въ рассказѣ Италіанской Легенды замѣтно какое-то раздвоеніе: въ послѣдней ея части, гдѣ говорится о впечатлѣніи, произведенномъ въ Римѣ принесеніемъ мощей св. Климента, о кончинѣ Кирилла и о его погребеніи, мы дѣйствительно слышимъ голосъ современника, черпавшаго сообщаемыя имъ свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ, даже какъ будто непосредственнаго свидѣтеля повѣствуемаго. Но гдѣ говорится о дѣятельности Кирилла въ Хозаріи и въ Моравіи, а равно и о самомъ открытіи мощей—главномъ предметѣ разсматриваемаго сказанія,—тамъ сухость и сжатость разсказа вовсе не могутъ привести къ подобному заключенію. Отвлеченный тонъ

(1) На это есть темное указаніе въ Паннионскомъ Житіи Кирилла, которое (указаніе) впрочемъ, какъ видно, неизвѣстно было Гинцелю.

повѣствованія скорѣе показываетъ, что авторъ его пользовался какими либо рукописными матеріалами, и сокращалъ ихъ, какъ это онъ дѣлалъ при написаніи цѣлаго своего сочиненія, для котораго у него было безъ сомнѣнія много рукописныхъ сказаній. Такъ даже въ разсматриваемомъ отрывкѣ своего сочиненія, т. е. въ повѣсти объ открытіи и перенесеніи мощей св. Климента, сказавши о чудѣ, совершившемся надъ ними, когда онъ еще были въ морѣ, онъ цитуетъ письменный источникъ, которымъ пользовался, именно: „Исторію страданія св. Климента.“ (1)

Приведенныя нами соображенія, надѣмся, доказываютъ, что Италіянская Легенда, служившая прежде для всѣхъ изслѣдователей фундаментальнымъ источникомъ при обработкѣ исторіи Славянскихъ Апостоловъ, съ одной стороны по своей неполнотѣ, какъ передающая намъ извѣстія о жизни собственно одного Кирилла, и то какъ бы случайно, съ другой, по неизвѣстности происхожденія сообщаемыхъ ею данныхъ, далеко не можетъ удовлетворить любознательнаго изслѣдователя жизни Славянскихъ Апостоловъ, тѣмъ менѣе — взыскательнаго критика. Тѣми же почти недостатками отличается и греческое житіе св. Климента Велическаго. Этотъ памятникъ дѣйствительно чрезвычайно важенъ и незамѣнимъ для знакомства съ послѣдними годами жизни Меѳодія, а равно и съ состояніемъ моравской паствы послѣ его кончины; но только съ этого времени, т. е. послѣ описанія кончины Меѳодія, какъ справедливо замѣчаетъ Дюмлеръ (стр. 155), онъ становится исторически-вполнѣ достовернымъ. Всѣ остальные событія жизни Кирилла и Меѳодія разсказаны въ немъ только въ общихъ чертахъ, безъ надлежащей точности и опредѣленности. Такъ напр. біографъ Климента говоритъ, что славянская грамота

(1) Translat. s. Clem. cap. 2.

изобрѣтена была для Болгарь, что Меѳодій былъ въ Римѣ одинъ только разъ и проч. Все это, какъ справедливо замѣчаетъ Дюмлеръ, могло произойти отъ того, что ученикъ Климента, описывавшій жизнь своего учителя, черпалъ свои свѣдѣнія о жизни Славянскихъ Апостоловъ изъ устъ послѣдняго, и слѣд. не изъ первыхъ рукъ и не изъ собственнаго наблюденія, на что указываетъ наименованіе Константина именемъ Кирилла, которое вошло въ употребленіе уже у потомства (стр. 154). При этомъ нельзя не вспомнить замѣчанія, о жизнеописаніи Климента, Шафарика, которое сдѣлано имъ еще въ 1847 г. (1). Онъ говоритъ, что это жизнеписаніе дѣйствительно было первоначально написано ученикомъ Климента, но потомъ передѣлано и подновлено Теофилактомъ, архіепископомъ Болгарскимъ (+ 1107 г.), которому и приписывается въ заглавіи. Намъ кажется, что, принявъ это мнѣніе, гораздо легче объяснить и историческую неточность разсказа и витѣватость слога, которою отличается этотъ памятникъ.

Такимъ образомъ до открытія Паннонскихъ Житій литература матеріаловъ для біографіи Кирилла и Меѳодія не представляла лѣтописнаго источника, который бы могъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ исторической критики, не было жизнеописанія ихъ, писаннаго современникомъ, неоспоримо черпавшимъ свои свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ, и притомъ жизнеописанія полного для обоихъ братьевъ. Вотъ почему, возвращаясь за нѣсколько лѣтъ назадъ, изслѣдователю жизни Славянскихъ Апостоловъ нельзя было не пожелать найти такія именно жизнеописанія ихъ. Конечно подобное желаніе тогда могло показаться слишкомъ смѣлымъ; но тѣмъ не менѣе оно совершенно неожиданно исполнилось съ открытіемъ, въ древней нашей письменности, Паннонскихъ

(1) Расцвѣтъ Сл. Писъм. Чтенія Об. Ист. 1848 г. № 7. стр. 44.

Житій. Писанныя лицомъ, или лицами, бывшими, какъ доказала критика, непосредственными наблюдателями жизни и дѣятельности Славянскихъ Апостоловъ, ихъ учениками и сотрудниками, они сообщали слѣд. свѣдѣнія, заимствованныя изъ первыхъ рукъ, — частію отъ самихъ благовѣстниковъ, частію изъ непосредственнаго наблюденія, и притомъ несравненно точнѣе и полнѣе, чѣмъ Легенда Италіянская и Греческая біографія Климента. Далѣе, свѣдѣнія эти, сличенныя съ другими источниками, оказались и по содержанію своему вполне исторически-достоверными и выдержали всѣ розысканія критики. Но такъ какъ въ Паннонскихъ Житіяхъ открылось при этомъ очень много свѣдѣній, частію совершенно новыхъ, частію противорѣчившихъ показаніямъ прежнихъ источниковъ и тѣмъ историческимъ положеніямъ, которыя на основаніи ихъ утвердились было въ наукѣ; то и естественно, что въ изслѣдованіяхъ о Кириллѣ и Меѳодіѣ, съ открытіемъ этихъ памятниковъ, долженъ былъ произойти тотъ переворотъ, о которомъ мы говорили выше, и который всегда бываетъ неразрывенъ съ открытіемъ новыхъ источниковъ для всякаго историческаго вопроса. Обращаемся теперь къ любопытной исторіи открытія Паннонскихъ Житій и перваго употребленія, какое сдѣлано было изъ нихъ наукой.

Открытіе это, какъ отчасти уже выше замѣчено было, нельзя назвать открытіемъ въ собственномъ смыслѣ, а только признаніемъ исторической важности, или какъ выражается О. М. Бодянский, возобновленіемъ, въ памяти, памятника, забытаго было небрежнымъ потомствомъ. Паннонскія жизнеописанія Кирилла и Меѳодія издавна пользовались извѣстностію въ нашей древней письменности, и служили для нашихъ предковъ источникомъ свѣдѣній о Славянскихъ благовѣстникахъ. Такъ о Житіи Кирилла упоминается съ похвалою въ извѣстномъ древнемъ сборникѣ 1076 года, принадлежащемъ бібліотекѣ Императорскаго Эрмитажа. Такъ

нашъ лѣтописецъ Несторъ свои извѣстія объ изобрѣтеніи славянской грамоты, о переводѣ Свящ. книгъ и проч. заимствоваль изъ Паннонскихъ Житій. Послѣдующіе лѣтописцы, а равно составители Степенной Книги и дополнители Славянскихъ хронографовъ также пользовались этими Житіями. Наприм. извѣстный, относящійся къ исторіи св. Кирилла, отрывокъ изъ Палея, напечатанный г. Погодинымъ въ приложеніи къ его переводу біографіи Кирилла и Меѳодія Добровскаго (стр. 110-118), — отрывокъ содержащій въ себѣ преніе, Константина Философа съ патр. Анніемъ, съ Козариномъ и съ Латинскими священниками, буквально взятъ изъ Паннонскаго Житія Кирилла. Слѣдующее за симъ извѣстіе о св. Кириллѣ, и о найденной имъ въ Херсонѣ Славянской грамотѣ, большею частію также отсюда же. Изъ Паннонскихъ Житій встрѣчаются отрывки и въ разныхъ сборникахъ древней Славянской письменности (напр. въ азбучникахъ). Составители проложныхъ сказаній о Кириллѣ и Меѳодіѣ также главнымъ образомъ основывались на ихъ Паннонскихъ Житіяхъ. Далѣе, съ того времени, какъ въ Славянскія Четь-Миней Греческихъ святыхъ стали вносить житія Русскихъ святыхъ, туда вошли и Паннонскія жизнеописанія Кирилла и Меѳодія. Отъ этого разсматриваемыя Житія мы встрѣчаемъ во всѣхъ, безъ исключенія, извѣстныхъ редакціяхъ нашихъ Четь-Миней, какъ-то: въ Четь-Минейхъ древняго до-Макарьевскаго состава, въ Четь-Минейхъ, собранныхъ митр. Макаріемъ, въ Четь-Минейхъ Чудовскихъ (сокращенныхъ изъ Четь-миней Макарія), въ Четь-Минейхъ, собранныхъ троицкимъ священникомъ Іоанномъ Милутинымъ (1646-1654 гг.) и друг. Не говоримъ уже о томъ, что Паннонскія Житія вошли, въ полномъ видѣ, во многіе сборники, бывшіе въ столь большемъ употребленіи въ старинной нашей письменности.

Не смотря однакожь на такую огромную извѣстность въ ней Паннонскихъ Житій, онѣ долго оставались тайною

для изслѣдователей жизни Кирилла и Меѳодія. Въ концѣ XVII вѣка сдѣлалъ было ученде употребленіе изъ нихъ знаменитый Іерархъ нашей церкви, и вмѣстѣ одинъ изъ представителей зарождавшейся у насъ въ то время науки, св. Димитрій Ростовскій, составивши на основаніи этихъ памятниковъ жизнеописаніе Славянскихъ Апостоловъ для изданныхъ имъ Четь-Миней, гдѣ и помѣщено оно подь 11-мъ Мая. Но за то это самое жизнеописаніе какъ будто заслонило собою древнія подлинныя сказанія, и въ половинѣ прошлаго столѣтія извѣстный нашъ историкъ Татищевъ въ своей исторіи ссылался уже (ч. II. 368) на біографію Славянскихъ Апостоловъ, составленную Димитріемъ Ростовскимъ, а Паннонскія Житія, служившія для послѣдней основаніемъ, были забыты.

Послѣ Татищева открылась въ наукѣ для разсматриваемыхъ Житій какъ будто свѣтлая будущность: онѣ попались въ руки Шлецеру, хотя опять не въ подлинномъ видѣ, а въ передѣлкѣ, данной имъ Димитріемъ Ростовскимъ. Но знаменитый нашъ критикъ пришелъ въ восторгъ, прочетши ихъ даже въ этомъ видѣ, и, руководствуясь однимъ инстинктомъ исторической истины, сразу оцѣнилъ ихъ значеніе для біографіи Кирилла и Меѳодія. „Я уже давно зналъ изъ Татищева, писалъ онъ въ своемъ Несторѣ, что въ Четь-Миней и Прологѣ говорится также о нашихъ герояхъ, но нигдѣ не могъ отыскать сихъ книгъ... Теперь къ счастію попалась мнѣ вышесказанная книга нечаянно въ нашей Публичной Библіотекѣ; къ удивленію своему нахожу я въ ней отъменно полное и подробное повѣствованіе о нашемъ дѣлѣ... Какъ удивятся этой находкѣ иностранцы, которые до сего должны были держаться своихъ легендъ! Нельзя не признать имъ сего сочиненія: Русская Четь-Миней достойна уваженія не менѣ Латинской. Что сочинитель первой заимствовалъ совсѣмъ изъ другихъ источниковъ, нежели сочинители послѣднихъ, это очень видно; на поляхъ

прописываетъ онъ: выбрано изъ разныхъ рукописей. Сверхъ того частныя извѣстія, анекдоты, которыхъ тутъ довольно, несравненно правдоподобіе, нежели въ Acta SS.; они пріятны, имѣютъ внутреннее правдоподобіе и по большей части согласуются съ прочею тогдашнею исторіею.“⁽¹⁾

За тѣмъ, помѣстивши съ нѣкоторыми сокращеніями и съ собственными критическими замѣчаніями печатное жизне-описаніе Кирилла и Меѳодія, Шлецеръ приходитъ къ такому заключенію:

„Все это (именно: приведенныя Шлецеромъ ученныя розысканія Димитрія Ростовскаго о Хозарахъ и о живописцѣ Меѳодіѣ) доказываетъ, что писавшій это былъ мужъ почтенный и благомыслящій, а не такой, каковы были нерѣдко жалкіе писцы Латинскихъ легендъ; что всю Кириллову исторію и принадлежащее къ оной, должно исправить, дополнить и передѣлать съ русскаго, и что въ Русскихъ Четь-Минеяхъ несравненно болѣе исторической истины, нежели въ Латинскихъ легендахъ.“⁽²⁾

Но къ сожалѣнію, надеждъ Шлецера на признаніе найденнаго имъ новаго источника для обработки Исторіи Кирилла и Меѳодія и на передѣлку ея на основаніи этого источника, долго не суждено было исполниться. Этого и нужно было ожидать потому, что Шлецеръ не зналъ, и отъ того не могъ указать подлинныхъ рукописныхъ житій, изъ которыхъ черпалъ свои свѣдѣнія о Кириллѣ и Меѳодіѣ Димитрій Ростовскій. Вслѣдствіе этого Добровскій, основываясь на правилахъ строгой, неумытной исторической критики, въ своей біографіи Кирилла и Меѳодія, отвергнулъ новый, предложенный Шлецеромъ для этого матеріаль. „Въ наше критическое изслѣдованіе, говоритъ онъ, не входитъ

(1) Несторъ Шлец. въ русс. пер. Т. II. стр. 565-66.

(2) Ibid стр. 578.

новѣйшее Русское Житіе, потому что историческіе документы, на коихъ основывается оное, неизвѣстны. ⁽¹⁾ Авторитетъ знаменитаго славяниста, естественно, увлекъ за собою и другихъ изслѣдователей, и Паннонскимъ Житіямъ, даже въ печатной ихъ передѣлкѣ, угрожало рѣшительное забвеніе въ области науки Славянскихъ древностей. Правда и послѣ Добровскаго, равно какъ и прежде него, нѣкоторые ученые въ своихъ изслѣдованіяхъ, продолжали ссылаться на печатное ихъ житіе, такъ напр. митр. Евгенийъ, Калайдовичъ, Новицкій, Максимовичъ и другіе; а Мацѣевскій въ своей „Исторіи перво-бытнѣй христіанской церкви у Славянъ“ ссылался даже на житіе Кирилла рукописное, т. е. подлинное,—но все это безъ признанія особенной силы и важности подобнаго рода ссылокъ.

Въ такомъ положеніи было дѣло, какъ въ 1843-мъ году въ 6-й книжкѣ Москвитянина ⁽²⁾ явилась краткая, съ лѣтописнымъ характеромъ, біографія Кирилла и Меѳодія, составленная на основаніи рукописныхъ ихъ житій, съ подлинными оттуда выписками. Новая данная, передаваемая въ Житіяхъ и сообщенныя въ этой біографіи, были подкрѣплены учеными историческими розысканіями и соображеніями, не допускаящими никакого сомнѣнія въ достовѣрности этихъ данныхъ. Сверхъ того въ началѣ статьи были сдѣланы критическія замѣчанія, въ которыхъ ученый авторъ самымъ положительнымъ образомъ доказалъ глубокую древность открытыхъ имъ, или точнѣе извлеченныхъ изъ забвенія, памятниковъ. Относительно Житія Меѳодія, на основаніи внутреннихъ, находящихся въ немъ, признаковъ, авторъ біографіи пришелъ къ тому заключенію, что 1) Житіе это

(1) Кир. и Меѳ. Добр. въ русс. пер. стр. 5.

(2) Стр. 405-434.

составлено въ непродолжительномъ времени послѣ кончины Меѳодія, и именно прежде разрушенія Моравской державы, послѣдовавшаго въ концѣ 9-го столѣтія; 2) что сочинитель Житія принадлежалъ къ Римской церкви, хотя и исповѣдывалъ православный символъ вѣры; 3) что онъ долженъ быть изъ Панноніи—области Кочеловой (*). По послѣднему обстоятельству, Житіе Меѳодія, а вмѣстѣ съ нимъ и Кириллово въ послѣдствіи получили названіе Паннонскихъ. Относительно послѣдняго Житія, не представляющаго въ своемъ содержаніи рѣшительныхъ признаковъ мѣста и времени его написанія, авторъ названной статьи, на основаніи сходства нѣкоторыхъ, встрѣчающихся въ этомъ памятникѣ, выраженій съ соотвѣтственными выраженіями въ первомъ Житіи, — пришелъ къ тому выводу, что и „Кириллово Житіе принадлежитъ тому же времени и той же странѣ, какъ и Житіе Меѳодія.“

Біографія, о которой мы говоримъ, была напечатана безъ подписи имени автора (*). Впрочемъ высокія ученія ея достоинства, какъ-то: обширная эрудиція автора, свѣтлый критическій взглядъ, необыкновенная точность, опредѣленность и умѣренность въ выводахъ, были причиною, что она, и не прикрываясь авторитетомъ имени автора, возбудила самый живой интересъ въ наукѣ. Отечественные изслѣдователи славянскихъ древностей тотъ часъ же признали важность ново-открытаго памятника, и въ своихъ изслѣдованіяхъ сдѣлали приложеніе нѣкоторыхъ, сообщаемыхъ ими

(*) Москв. 1843 г. № 6. стр. 405-407.

(*) Какъ оказалось въ послѣдствіи, она принадлежала одному изъ нашихъ лучшихъ знатоковъ отечественной церковной исторіи и древней письменности, А. В. Горскому, получившему въ послѣднее время въ особенности извѣстность издаваемымъ имъ, вмѣстѣ съ Проф. Невоструевымъ, Описаніемъ рукописей Синодальной бібліотеки.

новыхъ данныхъ. Такъ Паннонскія Житія были, можно сказать, возвращены къ жизни, и получили право гражданства въ наукѣ, послѣ того, какъ оно отнято было у нихъ сомнѣніями Добровскаго. Къ сожалѣнію эти драгоценные памятники, не смотря на обще-признанную важность ихъ для исторіи Кирилла и Меѳодія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣлаго Славянскаго міра, долго у насъ не находили издателя, и ученые должны были пользоваться печатными извлеченіями изъ нихъ по вышеуказанной статьѣ въ Москвитянинѣ, что дѣйствительно большею частію и было (¹). За то тѣ изъ отечественныхъ ученыхъ, которые не довольствовались печатными извлеченіями изъ Паннонскихъ Житій, и подвергали ихъ новому изслѣдованію въ полномъ ихъ видѣ, старались точнѣе опредѣлить обстоятельства ихъ написанія. Въ этомъ отношеніи первый подалъ свой голосъ В. М. Ундольскій. Въ письмѣ своемъ къ проф. Бодянскому (въ Чт. Об. Ист. 1848 г. № 7) онъ помѣстилъ оба Паннонскія Житія между открытыми имъ тогда сочиненіями ученика Меѳодіева, Климента еп. Величскаго (²), не объяснивъ впрочемъ причинъ, по которымъ онъ приписалъ ему эти памятники. Мнѣніе г. Ундольскаго о принадлежности ихъ Клименту впрочемъ было принято въ наукѣ, и въ послѣднее время съ полною отчетливостію развито въ разсматриваемомъ нами сочиненіи проф. Бодянскаго (стр. 42-46). Обращаемся теперь къ тому

-
- (¹) Напр. въ Изслѣдованіи о Кир. и Меѳ. архіеп. Филарета; въ Исторіи Христіанства въ Россіи до Владимира, Арх. Макарія; въ Исторіи Рус. Словесности, преимущественно древней Шевырева и проч.
- (²) Сочиненія Климента, — старшій послѣ сочиненій и переводовъ Кирилла и Меѳодія памятникъ Славянской письменности, — открыты были въ одно время на Югѣ у Западныхъ Славянъ, и на Сѣверѣ у насъ въ Россіи. Тамъ открылъ ихъ Шафарикъ

движенію, которое произведено было открытіемъ Паннонскихъ житій между Западными изслѣдователями древностей Славянскаго міра, и къ тѣмъ результатамъ, которые были плодомъ этого движенія.

Вышеуказанная нами ученая статья въ Москвитинѣ скоро получила должную оцѣнку и въ кругу западныхъ славянскихъ и другихъ ученыхъ. Въ 1845-мъ году она переведена была Ганкою на чешскій языкъ, читана въ историческомъ отдѣленіи Чешкаго Ученаго Общества и затѣмъ напечатана въ Журналѣ Чешскаго Музеума (¹), съ присоединеніемъ собственныхъ замѣчаній переводчика. Въ слѣдующемъ за тѣмъ году Шафарикъ воспользовался новыми данными, сообщаемыми въ Паннонскихъ Житіяхъ для своей статьи, переведенной потомъ на русскій: Разцвѣтъ славянской письменности въ Булгаріи (²). Въ той же статьѣ Шафарикъ, какъ видно, имѣвшій уже у себя полные списки Паннонскихъ Житій, предложилъ собственные выводы о сочинителѣ ихъ, нѣсколько отличные отъ сдѣланныхъ отечественными учеными. Именно: Житіе Кирилла онъ приписалъ,

въ 1843-мъ году, по указаніямъ въ Описаніи Рум. Муз. Востокова, у насъ—В. М. Ундольскій еще въ 1840-мъ году, хотя это открытіе обнародовано имъ было уже долго спустя послѣ. Въ 1844 году г. Ундольскій нашелъ похвальное слово Климента Кириллу, а за тѣмъ Похв. слово обоимъ Апостоламъ, которое приписано имъ тому же автору. Это обстоятельство, т. е. принадлежность Похв. слова Кириллу Клименту и ему же Похв. слова обоимъ Апостоламъ было, кажется, однимъ изъ основаній, что в Паннонскія житія приписаны Клименту же. Чт. Общ. Ист. 1848 N 7. стр. IX.

(¹) Casopis Ceského Museum 1846. XII.

(²) Чт. Об. Ист. 1848 г. № 7.

согласно съ г. Ундольскимъ, Клименту, а житіе Меѳодія другому ученику Кирилла и Меѳодія, Горазду, бывшему преемникомъ Меѳодія въ санѣ моравскаго архіепископа, не входя впрочемъ въ объясненіе основаній своего мнѣнія. Послѣ Шафарика Ваттенбахъ, въ разсматриваемомъ нами своемъ сочиненіи, съ высокимъ уваженіемъ отозвался о Паннонскихъ Житіяхъ, познакомившись съ ихъ содержаніемъ по ученой статьѣ въ Москвитянинѣ въ чешскомъ ея переводѣ, но это уже по окончаніи своего сочиненія. Вслѣдствіе этого новыя данныя, находящіяся въ Паннонскихъ Житіяхъ не введены имъ въ изслѣдованіе, а изложены въ концѣ его, въ видѣ очерка жизни Славянскихъ Апостоловъ. Относительно времени написанія Житій, Ваттенбахъ совершенно согласился съ авторомъ вышерассмотрѣнной нами біографіи, помѣщенной въ Москвитянинѣ, именно, что онѣ писаны современниками и учениками Славянскихъ Апостоловъ, прежде разрушенія Моравской державы и въ области Кочела, прибавивъ съ своей стороны, что „онѣ могли быть составлены еще прежде кончины Меѳодія, потому что тотъ часъ же послѣ него началось гоненіе на его учениковъ, а объ этомъ въ житіяхъ нѣтъ даже никакого намека. Что же до извѣстія о смерти Меѳодія, продолжаетъ Ваттенбахъ, то оно могло быть прибавлено впоследствии, такъ какъ позднѣйшія прибавленія въ Житіяхъ признаетъ самъ издатель ихъ“ (р. 33). Последнее обстоятельство, т. е. неизвѣстность, что въ Житіяхъ принадлежитъ къ первоначальному ихъ тексту, и что прибавлено послѣ, было отчасти причиною, почему Ваттенбахъ не рѣшился новыя важныя данныя, сообщаемыя Паннонскими Житіями, соединить съ преждеизвѣстными фактами.“ Для этого, по его мнѣнію, новый памятникъ нужно было подвергнуть болѣе подробному и точному критическому изслѣдованію. Въ то же время Ваттенбахъ выразилъ желаніе, чтобы новооткрытые памятники поскорѣе были изданы въ подлинникѣ.

Это желаніе Ваттенбаха, которое конечно раздѣляли все друзья Славянской науки, скоро было выполнено: въ 1851-мъ году Паннонскія Житія, въ полномъ ихъ видѣ, были наконецъ изданы Шафарикомъ въ его „Изборѣ Югославянскихъ достопамятностей“ (¹). Житіе Кирилла было напечатано по списку Рыльского монастыря, 1479 г., отысканному самимъ издателемъ, а житіе Меѳодія по списку, полученному имъ отъ г. Погодина изъ Москвы, по рукописи Библ. Моск. Дух. Академіи, т. е. по той самой рукописи, въ которой въ первый разъ найдены были Паннонскія Житія первымъ ихъ находчикомъ; даже имъ самимъ, кажется, или по крайней мѣрѣ подъ его наблюденіемъ снята была копія съ подлиннаго списка для Шафариковскаго изданія. Такъ честь перваго обнаруженія и изданія этихъ драгоценныхъ памятниковъ досталась, если и не нашей отечественной наукѣ древностей, за то первому, безспорно знатоку ихъ, принесшему столько пользы для разработки обще-славянской старины. Тотъ часъ же послѣ изданія Паннонскихъ Житій явилось новое извлеченіе изъ нихъ на Польскомъ языкѣ въ Львовскомъ журналѣ: *Dziennik Litteracki*, N 32, сдѣланное І. Вагилевичемъ съ краткимъ предисловіемъ, переведенное потомъ на нѣмецкій языкъ (²).

Въ такихъ обстоятельствахъ издано было рассматриваемое сочиненіе Дюммлера. Какъ показываетъ все вышесказанное объ интересѣ, возбужденномъ открытіемъ Паннонскихъ Житій, оно удовлетворяло насущнымъ потребностямъ науки, представляя въ себѣ полнѣйшій, въ срав-

(¹) *Památky drěvního písemnictví Iihoslovanov. v Praze. 1851.*

(²) *Schmalers Jahrbücher für Slawische Literatur... 1852. Heft. 2.*

неніи съ прежними, историко-критическій обзоръ новооткрытыхъ памятниковъ, столь важныхъ не только для исторіи Кирилла и Меѳодія, но и вообще для уясненія обще-славянскои старины.

II.

Первое свидѣніе о Паннонскихъ Житіяхъ Дюмлеръ, какъ самъ говоритъ въ предисловіи къ своему сочиненію, получилъ изъ брошюрки Ваттенбаха; за тѣмъ узнавши о сдѣланномъ Шафарикомъ изданіи подлиннаго текста ихъ, по причинѣ своего незнакомства съ Славянскимъ языкомъ, просилъ извѣстнаго славяниста Миклошича перевести ихъ для себя на латинскій языкъ, что послѣднимъ и было сдѣлано. Но выслушаемъ лучше самаго автора. „Изъ этого, продолжаетъ Дюмлеръ, благосклонно принятаго для меня труда, я издаю теперь только жизнеописаніе Меѳодія, за которымъ впоследствии, если мой трудъ найдетъ одобреніе, можетъ быть послѣдуетъ жизнеописаніе Константина. Разныя причины удержали меня подвергнуть изслѣдованію послѣднее вмѣстѣ съ первымъ: не смотря на свой большій, въ сравненіи съ нимъ, объемъ, оно не такъ важно для исторіи, какъ Житіе Меѳодія, и хотя, по времени сочиненія, оно принадлежитъ глубокой древности, но это удовлетворительнымъ образомъ доказать трудно; при томъ же самый текстъ его во многихъ мѣстахъ теменъ и непонятенъ. Справедливо, что Житіе Кириллово по своему содержанію представляетъ внутреннее сродство съ Житіемъ Меѳодія и нѣкоторымъ образомъ дополняетъ его; при всемъ томъ однакожь, по причинѣ

встрѣчающихся въ немъ, нѣкоторыхъ противорѣчій и отступлений отъ послѣдняго, написаніе перваго я не могу приписать одному и тому же лицу. Миѣ кажется, что достовѣрность Кириллова Житія должна быть доказана независимо отъ Житія Меѳодія.“

Изъ приведенныхъ словъ Дюмлера ясно, что онъ не вполне довѣряетъ древности и достовѣрности Паннонскаго Житія Константина, по крайней мѣрѣ не ставитъ его въ этомъ отношеніи паравѣ съ Житіемъ Меѳодія. Но такъ какъ нашъ авторъ не вошелъ въ болѣе точное объясненіе своихъ сомнѣній, и не представилъ ясныхъ доказательствъ противнаго мнѣнія; то и мы пока оставляемъ эти его сомнѣнія безъ всякихъ съ своей стороны замѣчаній, и обращаемся къ его изслѣдованію о Житіи Меѳодія, которое собственно и составляетъ, какъ уже замѣчено было, предметъ его сочиненія.

По формѣ своей, разсматриваемое сочиненіе Дюмлера раздѣлено на три отдѣленія. Изъ нихъ въ 1-мъ авторъ излагаетъ критическіе выводы о происхожденіи и исторической достовѣрности новаго памятника, во 2-мъ читается текстъ его въ сдѣланномъ Миклошичемъ, латинскомъ буквальномъ переводѣ, въ 3-мъ—рядъ примѣчаній, или экскурсовъ, въ которыхъ предлагаются очень основательныя розысканія объ отдѣльныхъ фактахъ жизни Меѳодія, сообщаемыхъ Паннонскимъ его Житіемъ, въ сличеніи ихъ съ прежними извѣстіями, именно: показаніями папскихъ буллъ, отрывка объ обращеніи Хорутанцевъ, Италіанской Легенды, Житія Климента и отчасти Паннонскаго Житія Кирилла. Последнее отдѣленіе, какъ мы выше замѣтили, имѣетъ видъ біографіи Славянскихъ Апостоловъ. Мы намѣрены въ своемъ разборѣ остановиться собственно на критическихъ и бібліографическихъ выводахъ Дюмлера.

Въ этотъ отношеніи нашъ авторъ, какъ и Ваттенбахъ, принимаетъ выводы перваго находчика Паннонскихъ Житій, котораго, какъ самъ говоритъ, избралъ своимъ руководителемъ, и дѣйствительно во многомъ повторяетъ буквально критическія положенія, высказанныя послѣднимъ; но по мѣстамъ дѣлаетъ соображенія и свои собственныя. Такимъ образомъ, на основаніи выписокъ изъ самаго памятника, именно относительно уваженія, повсюду высказываемаго сочинителемъ Житія къ Римскому престолу и вообще относительно римско-католическаго взгляда его на вещи и событія, Дюмлеръ приходитъ къ заключенію, что жизнеописатель Меѳодія принадлежалъ къ Римской церкви и признавалъ папу духовною главою, что онъ былъ ученикомъ Меѳодія, и принадлежалъ къ его паствѣ, но не Моравской, а Паннонской, потому что ясно отличается себя отъ Моравцевъ. О времени написанія Житія, Дюмлеръ, на основаніи отзыва жизнеописателя о возвышеніи и благоденствіи Моравской державы послѣ 2-го призванія туда Меѳодія, и на основаніи молчанія его о преслѣдованіи учениковъ Меѳодія, начавшемся тотъ часъ послѣ его кончины, — приводитъ болѣе точное соображеніе, именно, что Паннонское Житіе писано тотъ часъ послѣ смерти Моравскаго Архіепископа, еще до наступленія упомянутаго гоненія, по крайней мѣрѣ когда извѣстіе о немъ еще не достигло въ Паннонію. Къ тому же заключенію приводитъ Дюмлера то обстоятельство, что сочинитель Житія, принадлежа къ Римской церкви, исповѣдывалъ въ то же время православный символъ вѣры. „Такое двойственное положеніе, говоритъ онъ (стр. 152) между двумя церквами въ позднѣйшее время, когда въ западной церкви прибавленіе „Filioque“ получило всеобщее значеніе и принято было въ Символь вѣры, было не возможно; но оно возможно было во 2-й половинѣ IX

вѣка, и могло быть тогда частнымъ мнѣніемъ Меѳодія и его покровителей, Адриана II и Іоанна VIII.“ Теперь приведемъ очень замѣчательный отзывъ Дюмлера о внутреннихъ признакахъ исторической достовѣрности новаго памятника.

„Житіе Меѳодія, если разсматривать его съ безпристрастнымъ взглядомъ, говоритъ нашъ авторъ, представляется простымъ, чуждымъ всякихъ украшеній разсказомъ о дѣйствительныхъ фактахъ. Изъ этихъ фактовъ многіе вполне согласны съ извѣстіями изъ другихъ источниковъ, но для иныхъ мы вовсе не находимъ постороннихъ свидѣтельствъ, которыми можно было бы подтвердить, или отвергнуть показанія новаго памятника. Во всякомъ случаѣ однакожь въ Житіи нигдѣ нѣтъ разсказовъ о вещахъ чудесныхъ, невозможныхъ, которыя могли бы возбудить сомнѣніе въ достовѣрности нашего источника. Оно вовсе не имѣетъ характера преданія изукрашеннаго и обезображеннаго въ устахъ народа. Судя по взгляду автора на вещи и пониманію событій, житіе это могло быть писано именно только въ той странѣ, на которую мы указали, и ужь никакъ не въ строго-православной Россіи. И такъ какъ нельзя опредѣленно представить времени, когда могъ бы быть сдѣланъ подлогъ этого житія, то и ничего не остается намъ, какъ признать сочинителемъ его кого-либо изъ паннонскихъ учениковъ Меѳодіевыхъ, который, научившись отъ своего учителя греческому языку, описалъ на немъ его дѣянія для назиданія потомства (стр. 153).“

Такимъ образомъ Дюмлеръ, соглашаясь относительно написанія Житія Меѳодіева съ отечественными изслѣдователями въ главномъ, расходится съ ними въ частности. Не принимая на себя задачи рѣшать вопросъ, кому именно принадлежитъ этотъ памятникъ, онъ дѣлаетъ со-

ображенія о языкѣ, на которомъ этотъ памятникъ первоначально писанъ, и приходитъ къ тому заключенію, что дошедшій до насъ Славянскій текстъ житія Меѳодіева есть переводный съ другаго языка, на что указываетъ, говоритъ онъ, между прочимъ объясненіе неизвѣстнаго Русскимъ слова *миа* (обѣдня, литургія) особымъ прибавленіемъ: *рекше служба*. Въ доказательство своей мысли о первоначальномъ текстѣ Житія, Дюмлеръ приводитъ мнѣніе Миклошича, что „оно было писано именно на греческомъ языкѣ, на что указываютъ синтаксическія формы и обороты рѣчи въ языкѣ памятника (151).“ Точно также и текстъ Паннонскаго Житія Кирилла, замѣчаетъ Дюмлеръ въ другомъ мѣстѣ, не есть первоначальный, а переводный съ другаго языка.

Это мнѣніе Дюмлера о первоначальномъ текстѣ Паннонскихъ Житій имѣетъ нѣкоторый видъ правдоподобія, тѣмъ больше, что изъ той же эпохи Славянской письменности мы имѣемъ памятникъ, который такъ же писанъ Славяниномъ, и однакожъ, если судить по дошедшему до насъ тексту его, на языкѣ Греческомъ, а не на Славянскомъ. Мы разумѣемъ жизнеописаніе Климента епископа Величскаго, писанное ученикомъ его, по происхожденію Булгаромъ, которое извѣстно только на греческомъ языкѣ. Дюмлеръ указываетъ еще другую черту сходства въ происхожденіи обоихъ памятниковъ, именно принадлежность Климентова біографа, какъ и біографа Меѳодіева къ Римской церкви, не смотря на то, что оба они исповѣдывали Символь вѣры безъ прибавленія *Filioque*. При всемъ томъ однакожъ основанія, приводимыя Дюмлеромъ въ пользу своего мнѣнія о переводѣ Житія Меѳодіева съ другаго языка вообще и Греческаго въ частности, слишкомъ шатки, чтобы оно могло утвердиться въ наукѣ. Прежде всего скажемъ объ употребленіи

біографомъ Меѳодія названія литургіи словомъ *миа*, съ прибавленіемъ объяснительнаго слова: *служба (миа, рекше служба)*. Слово это, и притомъ большею частію съ объясненіемъ, дѣйствительно не разъ встрѣчается въ Житіи Меѳодія ('). Но это обстоятельство по нашему мнѣнію, можетъ и должно быть объяснено гораздо проще: извѣстно, что въ Панноніи, (равно какъ и въ Моравіи), гдѣ, по общему признанію изслѣдователей, писано житіе Меѳодіево, христіанство и церковное богослуженіе первоначально, еще за долго до прибытія туда Славянскихъ Апостоловъ, введено было миссіонерами Римской церкви. Съ этимъ вмѣстѣ тамъ конечно вошла въ употребленіе и Латинская церковно-богослужебная терминологія, что какъ нельзя яснѣе доказываютъ слова: *алтарь*—лат. *altare*, *церковь*—древнеслав. *цркъы* отъ лат. *circus*, *попъ*—лат. *papa*, *оцетъ*—оцѣтъ—лат. *acetum* и проч., доселѣ сохранившіяся въ Славянскомъ языкѣ. Неудивительно послѣ этого, что и литургія въ Панноніи, до прибытія туда Славянскихъ Апостоловъ, и отчасти послѣ нихъ, называлась передѣланнымъ съ Латинскаго словомъ—*миа* (мышя)—*missa*, *messe*, впослѣдствіи вышедшимъ изъ употребленія, — словомъ, которое употреблялъ и сочинитель Житія Меѳодія, какъ видно державшійся еще старинной въ этомъ отношеніи терминологіи. Вотъ почему изъ этого обстоятельства и нельзя выводить заключенія о написаніи Житія Меѳодія первоначально на Латинскомъ языкѣ, что кажется нигдѣ въ виду Дюмлеръ, настаивающій собственно на мысли о переводѣ этого памятника съ другаго языка вообще; потому что въ противномъ случаѣ пришлось бы утверждать, что всѣ Славянскія богослужебныя и другія книги, въ которыхъ вездѣ встрѣчаются слова: алтарь,

(') Пан. Жит. по изд. Шаф. гл. VIII. X. XI.

церковь и проч. переведены съ Латинскаго, и слѣд. впасть въ прямое и рѣшительное противорѣчіе съ фактами. Не нужно забывать при этомъ, что авторъ Житія Меѳодія былъ членъ Римской церкви и слѣд. принадлежалъ къ числу такихъ людей, между которыми и послѣ Меѳодія слово *мша* держалось во всей силѣ, какъ оно доселѣ удержалось у нѣкоторыхъ Славянскихъ народовъ, впоследствии присоединившихся къ Римской церкви. Но за чѣмъ онъ къ слову *мша* прибавляетъ объясненіе—служба? Отвѣтъ на этотъ вопросъ отчасти видѣнъ уже изъ предыдущаго. Съ введеніемъ въ Панноніи при Меѳодіѣ богослуженія и богослужебныхъ книгъ греческой церкви это названіе, какъ видно, стало выходить изъ употребленія и замѣняться новымъ, взятымъ съ греческаго, словомъ *литургія*, или славянскимъ словомъ *служба*. Естественно такимъ образомъ, что для новаго поколѣнія, воспитаннаго въ духъ новыхъ учреждений, нужно было объясненіе устарѣлаго термина. Съ другой стороны ничего нѣтъ удивительнаго, если это объясненіе внесено въ текстъ Житія впоследствии переписчиками. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что указанное прибавленіе сдѣлано въ житіи не вездѣ.

Другое доказательство Дюмлера, приводимое имъ въ частности въ пользу мысли о переводѣ Меѳодіева Житія съ Греческаго, и собственно принадлежащее Миклошичу, также не выдерживаетъ критики. Въ Житіи Меѳодія дѣйствительно встрѣчаются греческія синтаксическія формы и обороты рѣчи; но не должно забывать, что Славянскій синтаксисъ образовался по Греческому и что вліяніе послѣдняго на Славянскій языкъ, въ первобытную эпоху его литературнаго образованія, было рѣшительное, не только въ сочиненіяхъ переводныхъ, но и оригинальныхъ. Этого вліянія конечно никто не станетъ отрицать ни въ сочиненіяхъ

Климента, ни въ сочиненіяхъ Іоанна экзарха, ни даже въ позднѣйшихъ оригинальныхъ произведеніяхъ Славянской письменности. Всѣ они наполнены болѣе или менѣе грецизмами. Что же послѣ этого удивительнаго, если встрѣчаются грецизмы въ Житіи Меѳодія, писанномъ въ самое первое время образованія Славянскаго языка?

Наконецъ общее соображеніе съ обстоятельствами написанія разсматриваемаго памятника также вовсе не оправдываетъ заключенія, сдѣланнаго Дюммлеромъ. Сочинитель Житія Меѳодія былъ Паннонецъ, слѣд. Славянинъ, и, какъ говоритъ самъ Дюммлеръ, описывалъ жизнь и дѣянія своего учителя для назиданія потомства, слѣд. прежде всего для своихъ соотечественниковъ, а потомъ для Славянъ вообще. При такой обстановкѣ дѣла возможно ли представить, чтобы онъ сталъ писать біографію Меѳодія на непонятномъ для большинства, Греческомъ или Латинскомъ языкѣ,—и это именно тогда, когда, какъ сами Славянскіе Апостолы, такъ и сотрудники ихъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и біографъ Меѳодія, о томъ преимущественно и заботились, чтобы какъ можно болѣе распространить между новообращенными знаніе Славянскаго языка, и когда главнымъ занятіемъ писавшихъ что либо были именно переводы съ Греческаго? И если этотъ біографъ дѣйствительно, какъ говоритъ Дюммлеръ, учился у своего учителя греческому языку, то ужъ конечно не для того, чтобы писать на немъ, а напротивъ именно для того, чтобы переводить съ него на свой отечественный языкъ. Равнымъ образомъ, если этому біографу представился случай писать что-либо оригинальное, то, по вышеизъясненнымъ обстоятельствамъ, онъ конечно не рѣшился бы промѣнять его ни на какой иностранный. Но Дюммлеръ, какъ мы видѣли, указываетъ на Житіе Климента, которое писано Болгаромъ и однакожъ

на Греческомъ языкѣ. Дѣйствительно этотъ фактъ представляетъ странное явленіе въ древней Славянской письменности; но мы рѣшительно не понимаемъ, какимъ образомъ онъ можетъ служить въ подтвержденіе мысли Дюмлера. Другое дѣло—еслибъ доказано было, что всѣ Славянскіе писатели въ первую эпоху писали на Греческомъ языкѣ, и что это было тогда общимъ правиломъ; но утверждать это еще никто не рѣшался, да и нѣтъ къ тому никакой возможности. Точно также и общая, указанная Дюмлеромъ, между обоими памятниками черта, т. е. одинаковое уваженіе, высказываемое въ нихъ къ Римскимъ первосвященникамъ, никакъ не можетъ служить къ подтвержденію мысли нашего автора. Биографъ Климента почему бы то ни было могъ писать по гречески, а биографъ Меѳодія слѣдовалъ общему правилу и писалъ по славянски. Во всякомъ случаѣ нельзя не согласиться, что первое явленіе должно быть объяснено независимо отъ послѣдняго. По этому поводу мы не можемъ не привести очень замѣчательнаго соображенія профес.^а Бодянского, который думаетъ, что подлинникъ жизнеописанія Климента первоначально былъ составленъ на Славянскомъ языкѣ, и только впоследствии переведенъ кѣмъ-то на греческій. „Чтобы Булгарь, говорить онъ въ разсматриваемомъ нами сочиненіи, рѣшился промѣнять отечественный языкъ на другой, хотя бы самый образованный, невѣроятно по тогдашнимъ отношеніямъ всѣхъ болгарскихъ писателей къ Грекамъ и самимъ себѣ. Обыкновенно не только въ первыя времена какой-либо письменности, но и послѣ, довольно долго еще горячка родолюбія и отвращеніе ко всему чужому, царять, можно сказать, безгранично надъ умами, воображеніемъ и волею пишущей братіи. Тогда больше пытаются свои силы въ своемъ, либо переносятъ съ чужаго на отцовскую ниву, но не наоборотъ (стр. 10).“

Все сказанное въ приведенной нами выпискѣ очевидно тѣмъ съ бѣльшимъ правомъ можетъ быть отнесено къ Житію Меѳодія. Въ отношеніи къ нему споръ еще могъ бы поддерживаться, еслибъ былъ извѣстенъ текстъ его на Греческомъ, или другомъ языкѣ, хоть въ позднѣйшихъ спискахъ, или по крайней мѣрѣ извѣстія о немъ, или ссылки на него другихъ писателей; но этого ничего нѣтъ: Греческій текстъ только предполагается на основаніи филологическихъ выводовъ Миклошича, которые, одинъ разъ, именно въ отношеніи ко времени языка Паннонскихъ Житій, какъ мы выше видѣли, уже оказались такъ неудачно-ошибочными.

Приведенныя нами доказательства, относительно Славянскаго происхожденія Житія Меѳодія, имѣютъ одинаковую силу въ отношеніи къ Житію Кирилла. Здѣсь не видимъ даже употребленія слова *миа* вмѣсто *литургія*, а слѣдовательно въ пользу противнаго мнѣнія недостаетъ одного изъ основныхъ доводовъ, на которые указываетъ Дюмлеръ. И такъ, вопреки его мнѣнію, равно какъ и мнѣнію Миклошича, до открытія въ пользу его новыхъ данныхъ, остается держаться въ этомъ отношеніи прежнихъ выводовъ, сдѣланныхъ отечественными и другими изслѣдователями, которые, приписавъ составленіе обоихъ Паннонскихъ Житій ученикамъ Меѳодія—Славянамъ, этимъ самымъ конечно высказали свое мнѣніе о Славянскомъ происхожденіи разсматриваемыхъ памятниковъ.

Но, совершенно соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ въ последнемъ отношеніи, мы однакожъ затрудняемся принять его въ полномъ его видѣ, и именно признать сочинителемъ Житія Меѳодіева кого-либо изъ учениковъ Меѳодія, извѣстныхъ намъ по Греческому житію Климента,—затрудняемся тѣмъ болѣе, что, какъ мы выше видѣли, ученые въ этомъ случаѣ, т. е. въ назначеніи лица писателя значительно

расходятся: у насъ въ Россіи Житіе Меѳодія приписано Клименту, а Шафарикъ приписываетъ его другому ученику Меѳодія, Горазду. Основаніемъ послѣдняго мнѣнія служила, кажется, особенная близость Горазда къ Меѳодію, который назначилъ его себѣ преемникомъ. Но всякій согласится, что такое основаніе слишкомъ нетвердо, и что оно могло бы имѣть нѣкоторую силу и идти въ соображеніе только при другихъ данныхъ. А этихъ данныхъ нѣтъ ни въ самомъ Житіи, ни въ другихъ памятникахъ. Между тѣмъ есть много такого, чтò рѣшительно препятствуетъ принять сдѣланное Шафарикомъ заключеніе: во первыхъ Гораздъ вовсе неизвѣстенъ, какъ писатель; во вторыхъ въ Житіи о немъ говорится въ 3-мъ лицѣ, на чтò указываетъ и самъ Шафарикъ; въ третьихъ похвальный отзывъ, который читается о Гораздѣ въ послѣдней главѣ Житія, конечно ужь никакъ не могъ принадлежать ему.

Другое мнѣніе, приписывающее Паннонское Житіе Меѳодія Клименту, еп. Славянскому, или Величскому, имѣетъ въ свою пользу доказательствъ гораздо больше, которыя, какъ мы замѣтили уже, изложены въ разсматриваемомъ сочиненіи О. М. Бодянскаго (стр. 42-46); но и оно, позволяемъ себѣ замѣтить, не окончательно рѣшаетъ вопросъ. Кромѣ близости Климента къ Меѳодію и извѣстности его, какъ писателя, и именно житій и похвальныхъ словъ разнымъ Святымъ, почтенный профессоръ главнымъ образомъ основываетъ свои заключенія на сходствѣ Житія Меѳодія въ слоги и въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ съ Похвальнымъ Словомъ обоимъ Славянскимъ Апостоламъ, которое приписывается нѣкоторыми учеными Клименту, и на согласіи обоихъ памятниковъ въ изложеніи историческихъ данныхъ. Но, во первыхъ, мысль о принадлежности упомянутаго Похвальнаго Слова Клименту еще доселѣ остается предположеніемъ, которое положительнымъ образомъ не доказано, чтò совершенно

необходимо, чтобы это предположеніе могло быть приведено въ подтвержденіе другаго. Во вторыхъ, приведенное выше обстоятельство, т. е. сходство Похвального Слова съ Житіемъ по слогу и содержанію, намъ кажется, гораздо естественнѣе можетъ быть объяснено тѣмъ соображеніемъ, что сочинитель Слова пользовался Житіемъ Меѳодія (равно какъ и Житіемъ Кирилла), какъ матеріаломъ. И дѣйствительно, при сличеніи обоихъ памятниковъ нельзя не придти къ такому заключенію. Въ Словѣ встрѣчаются на каждой страницѣ не только отдѣльныя слова и обороты, но и цѣлыя фразы, наконецъ цѣлыя тирады, заимствованныя изъ Паннонскихъ Житій буквально, — и это въ особенности въ такихъ мѣстахъ, гдѣ дѣло касается историческихъ данныхъ. Последнее невольно приводитъ къ заключенію, что авторъ Слова самъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о жизни Кирилла и Меѳодія, кромѣ заимствованныхъ имъ изъ Паннонскихъ Житій; потому что къ общей суммѣ историческихъ данныхъ въ отношеніи къ Славянскимъ Апостоламъ онъ не прибавляетъ ровно ничего. Все, что есть въ Словѣ, непременно есть и въ Житіи (¹); — только въ последнемъ въ подробномъ видѣ, а въ первомъ сокращенно,

(¹) Единственное отступленіе въ Словѣ отъ Житій, находимъ въ означеніи года смерти Меѳодія. Тогда какъ по житію Меѳодій скончался въ 6393 (885)-мъ году, авторъ Слова назначаетъ временемъ кончины Меѳодія годъ 6394 (886), и это читается во всѣхъ, по крайней мѣрѣ намъ извѣстныхъ, спискахъ Слова, начиная съ старшаго изъ нихъ, XII в. Отсюда можно думать, что авторъ слова, въ отношеніи къ этому пункту руководствовался другимъ источникомъ. Но указанное нами отступленіе очевидно не можетъ подтвердить мысли о принадлежности Слова и Житія одному и тому же лицу; напротивъ въ связи съ другими соображеніями оно идетъ прямо противъ такого заключенія.

а тамъ, гдѣ дѣло касается цифръ, собственныхъ именъ, буквально. Послѣднія, какъ видно, авторъ Слова не могъ удержать въ памяти, и потому выписывалъ ихъ буквально изъ Житій, которыя неоспоримо имѣлъ передъ глазами при составленіи своего сочиненія. Но можно ли отнести все это къ Клименту? Разумѣется нельзя. Зная, какъ говорится въ его Житіи, лучше всѣхъ современниковъ жизнь своего учителя, для восхваленія его подвиговъ и изображенія ихъ въ общихъ чертахъ, онъ конечно не имѣлъ нужды въ постороннемъ для этого источникѣ, а тѣмъ меньше имѣлъ нужду выписывать оттуда буквально цѣлыя фразы, мало того—цѣлыя тирады, когда дѣло касалось фактовъ (1).

Съ другой стороны, если выйти и изъ той мысли, что Клименту принадлежать оба памятника; то такъ же невѣроятно, чтобы одинъ и тотъ же авторъ сталъ дѣлать подобныя заимствованія изъ собственнаго же сочиненія, содержаніе котораго, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, (что собственно и нужно было для составленія Похвальнаго слова), разумѣется было ему извѣстно. Вотъ почему сходство Житія съ Похвальнымъ Словомъ никакъ не можетъ подтвердить мысли о принадлежности перваго Клименту, а

(1) Это обстоятельство, по нашему мнѣнію, сильнѣе всего говоритъ противъ принадлежности похвальнаго слова Клименту. Прибавимъ къ этому, что по заглавію оно не приписывается ему ни въ одномъ спискѣ; къ сочиненіямъ же Климента отнесено главнымъ образомъ, кажется, на основаніи сходства его въ слоги съ другими похвальными словами того же писателя, которое (сходство) легко объясняется вліяніемъ Климента, какъ знаменитаго въ то время церковнаго витіи, на современныхъ ему и слѣдовавшихъ за нимъ писателей. Само собою разумѣется, что, при такомъ положеніи дѣла, Похвальное Слово, какъ составленное на основаніи письменныхъ матеріаловъ, должно быть отнесено къ числу источниковъ второстепенныхъ (для исторіи Кирилла и Меѳодія).

равно и вообще о принадлежности обоихъ памятниковъ одному и тому же писателю. Последнему заключенію сильно не благоприятствуютъ такъ же находящіяся въ разсматриваемыхъ памятникахъ указанія о мѣстѣ жительства сочинителей ихъ. Авторъ Житія Меѳодія, какъ видно изъ его сочиненія, жилъ въ Панноніи, а авторъ Похвального Слова, кажется, въ Болгаріи, только во всякомъ случаѣ не въ Панноніи и не въ Моравіи, потому что говоритъ объ нихъ, какъ о странахъ, лежащихъ (конечно въ отношеніи къ мѣсту своего жительства) на Западѣ (¹).

Главное же, что препятствуетъ намъ отнести Житіе Меѳодія къ сочиненіямъ Климента, равно какъ и признать сочинителемъ его Горазда, или кого другаго изъ учениковъ Меѳодія, извѣстныхъ по греч. житію Климента,—это тѣ противорѣчія, въ которыя тогда необходимо должно стать съ другими обстоятельствами написанія этого памятника, уже до послѣдней степени наглядности выясненными критикой. На одно изъ этихъ обстоятельствъ мы отчасти уже указали, когда говорили о невозможности приписать Житіе Меѳодія и Похвальное Слово обоимъ Славянскимъ Апостоламъ одному и тому же лицу; мы разумѣемъ мѣсто жительства автора Житія Меѳодіева. Что онъ былъ Паннонецъ, (пусть даже Паннонецъ не по мѣсту жительства, а по происхожденію), этого конечно отвергнуть нельзя: въ памятникѣ на это есть самыя ясныя указанія. Между тѣмъ изъ греческаго Житія Климента извѣстно, что послѣдній, равно какъ и Гораздъ, съ другими учениками Меѳодія, бывшими съ нимъ въ Моравіи въ послѣдніе годы его жизни, тотъ часъ же послѣ его

(¹) Ти (Кириллъ и Меѳодій) чисто цркви и свѣтообразно жито прѣдста, въ западныхъ же странахъ Паноньстѣхъ и Моравьскахъ странахъ яко сльнцы въспявьща. Похв. Слово по списку Усп. Соб. XII в.

кончины подверглись гоненію со стороны Латинскаго духовенства и должны были бѣжать въ Болгарію, гдѣ и провели остальное время жизни,—оба въ санѣ болгарскихъ архіепископовъ. Отсюда ясно, что говорить о себѣ, подобно автору Житія Меѳодія, какъ о Паннонцахъ, ни Гораздъ, ни Климентъ не могли. Они не могли такъ называть себя и по происхожденію, потому что Климентъ по происхожденію былъ Болгарь, а Гораздъ Моравецъ. Для примиренія этого противорѣчія можно конечно предположить, что Климентъ, или Гораздъ, послѣ перехода своего въ Болгарію, посѣщали Паннонію, но такое предположеніе не будетъ имѣть основанія въ источникахъ; да оно и невѣроятно по общимъ соображеніямъ съ фактами. Другое обстоятельство: какъ мы выше видѣли, всѣ изслѣдователи согласны въ томъ, что авторъ Житія Меѳодіева принадлежалъ къ Римской церкви и Римскаго первосвященника признавалъ духовною главою; а эта черта конечно не можетъ быть отнесена ни къ Клименту, ни къ Горазду. Чтобы примирить это противорѣчіе, какъ ни станемъ мы ослаблять и смягчать сдѣланный критикой въ этомъ отношеніи выводъ,—но этотъ взглядъ сочинителя разсматриваемаго житія на власть папъ, на вселенскіе соборы, собиравшіеся будто бы подъ главнымъ вліяніемъ римскихъ первосвященниковъ, это уваженіе его, или гораздо болѣе, благоговѣніе къ Римскому престолу, эти титулы (ключедержца, апостолика, настольника ап. Петра и проч), усвояемые папамъ, наконецъ вообще Римская точка зрѣнія автора Житія на вещи и событія, усвоенная по мѣстамъ даже Славянскимъ Апостоламъ,—все это непременно приведетъ къ заключенію, что разсматриваемый памятникъ не могъ принадлежать ни Горазду, ни Клименту, и что скорѣе онъ принадлежитъ кому либо изъ Паннонскихъ учениковъ Меѳодія, признавшихъ, послѣ его удаленія изъ Панноніи, окончательно

и съ полною искренностію власть Римскаго престола, но сохранившихъ въ тоже время полное уваженіе къ своему учителю и вмѣстѣ завѣщанный имъ догмать о происхожденіи Св. Духа безъ прибавленія *filioque*. Другое дѣло, еслибъ Житіе Меѳодія могло быть писано прежде кончины Меѳодія, когда проповѣдники Славянскаго богослуженія, а между ними конечно и названные ученики Меѳодія, были еще въ добрыхъ отношеніяхъ съ Римомъ, по крайней мѣрѣ не теряли еще къ нему довѣрія. Какъ мы выше видѣли, этой мысли дѣйствительно держится Ваттенбахъ; но по многимъ причинамъ въ этомъ никакъ нельзя съ нимъ согласиться, и извѣстіе въ Житіи о кончинѣ Меѳодія нельзя признать позднѣйшимъ дополненіемъ. Ясно, что онѣ писано уже послѣ Меѳодія, хотя и недолго спустя, а слѣд. тогда, когда Климентъ, Гораздъ и другіе ученики Меѳодія находились въ самыхъ неблагопріятныхъ отношеніяхъ къ Риму; потому что, какъ видно изъ новаго, открытаго Ваттенбахомъ памятника, въ это именно время, (за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины Меѳодія, или скоро послѣ нея), вновь отъ самаго главы Римскаго престола издано было запрещеніе совершать Славянское богослуженіе, и приверженцы его, начиная съ св. Меѳодія, буллою Стефана VI, были преданы анаемѣ. Вслѣдствіе этого ученики Меѳодія послѣ его кончины тотъ часъ же подверглись гоненію, заключенію въ темницѣ, мученіямъ, а наконецъ изгнанію, чтѣ все такими яркими красками изображено въ Житіи Климента. Ушедши съ такими воспоминаніями и подъ вліяніемъ такихъ впечатлѣній въ Болгарію, которія, въ послѣдствіи, съ увеличеніемъ гоненій на Славянское богослуженіе въ просвѣщенныхъ Кирилломъ и Меѳодіемъ странахъ, должны были усилиться еще болѣе, — само собою разумѣется, ни Гораздъ, ни Климентъ не могли писать о Римскихъ первосвященникахъ такимъ тономъ, какимъ

проникнута Житіе Меѳодія. Вотъ почему мы никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ о принадлежности этого памятника ни Клименту, ни Горазду; по крайней мѣрѣ позволяемъ себѣ думать, что указанныя нами противорѣчія настоятельно требуютъ соглашенія и объясненія. Обращаемся теперь къ житію Кирилла.

Это житіе, какъ мы выше видѣли, ученые единогласно приписываютъ Клименту. Въ основаніе этого мнѣнія такъ же полагается: 1) извѣстность Климента, какъ писателя житій и похвальныхъ словъ. 2) особенная къ Кириллу близость Климента, который, по общепринятому предположенію, былъ ученикомъ не только Меѳодія, но и Кирилла, и сопутствовалъ имъ во всѣхъ ихъ апостольскихъ подвигахъ. Другое основаніе представляетъ то обстоятельство, что между похвальными словами Климента извѣстно между прочимъ одно, написанное имъ въ честь Кирилла, и приписываемое ему (Клименту) самымъ заглавіемъ; а жизнь и похвала Святому, говоритъ Шафарикъ (¹), обыкновенно пишется однимъ и тѣмъ же лицомъ. Противъ послѣдняго основанія, какъ болѣе другихъ имѣющаго силу, мы позволяемъ себѣ замѣтить, что правило, въ немъ высказанное, не можетъ быть названо общимъ: оно безусловно вѣрно только въ отношеніи къ похвальнымъ словамъ краткимъ, или собственно *похваламъ*, какія обыкновенно (хотя это и не всегда) присоединяются въ концѣ житій, безъ особаго заглавія и неразрывно съ послѣдними; а Похвальное Слово Кириллу встрѣчается въ рукописяхъ отдѣльно отъ его Житія, съ особымъ заглавіемъ и далеко не можетъ быть названо краткимъ. Но во всякомъ случаѣ Кириллово Житіе можетъ быть приписано Клименту съ большею вѣроятностію, нежели

(¹) Въ предисловіи къ изд. имъ Житію и Похв. Слово Кириллу. Изборъ Югослав. Достопамятностей 1851 г.

Мееодіево. Здѣсь по крайней мѣрѣ мы не встрѣтимся съ тѣми противорѣчіями, съ которыми должны встрѣтиться въ отношеніи къ послѣднему, когда приписали бы его названному писателю. Потому что во 1-хъ изъ Житія Кирилла вовсе не видно, гдѣ именно жилъ его авторъ; а слѣд. Климента вовсе нѣтъ пужды вести въ Паннонію, чтобы имѣть возможность приписать ему этотъ памятникъ. Да еслибъ положеніе, высказанное первымъ находчикомъ Паннонскихъ Житій, что оба онѣ суть произведенія одной страны и дѣйствительно было доказано; то и въ этомъ случаѣ противорѣчія никакого не будетъ, если причислимъ Кириллово Житіе и къ сочиненіямъ Климента: какъ думаютъ большая часть изслѣдователей, оно писано въ первые годы послѣ кончины Кирилла; а въ это время Климентъ вмѣстѣ съ Мееодіемъ могъ жить въ Панноніи. Изъ Житія Кириллова не видно также, чтобы авторъ его былъ членомъ Римской церкви. Все вліяніе на него послѣдней отразилось только въ названіи Апостоликъ, которое по мѣстамъ (но отнюдь не вездѣ) придается папамъ. А это обстоятельство легко можетъ быть объяснено обыкомъ къ церковной Римской терминологіи, усвоенной авторомъ Житія въ той странѣ, гдѣ онъ жилъ (т. е. въ Моравіи и Панноніи), и добрыми отношеніями Мееодія и учениковъ его, сохранявшимися, хотя и не постоянно, почти во все время жизни и дѣятельности послѣдняго въ отношеніи къ Римскому престолу. Что же касается до общаго тона Житія Кирилла, то впечатлѣніе, производимое имъ въ этомъ отношеніи, рѣзко отличается отъ впечатлѣнія, какое производитъ на читателя Житіе Мееодія. Такимъ тономъ о Римскихъ первосвященникахъ писали тогда и Греки; но между произведеніями Греческой тогдашней духовной литературы нельзя указать такого, въ которомъ бы можно найти такіе отзывы о Римскихъ первосвященникахъ, какія находимъ въ Житіи

Меводія. Во всякомъ случаѣ однакожь мысль о принадлежности Кириллова Житія Клименту, по нашему крайнему разумѣнію, еще не достаточно доказана и требуетъ большаго подтвержденія.

Говоря все это, мы однакожь нѣкоторымъ образомъ, хотя и совершенно другимъ путемъ пришли къ тому же выводу, какой сдѣлалъ Дюмлеръ изъ сравненія обоихъ Паннонскихъ Житій, какъ видно изъ вышеприведенной выписки изъ его статьи, — т. е. что эти Житія не могли принадлежать одному и тому же автору. Противное мнѣніе, какъ и большая часть критическихъ положеній въ отношеніи къ разсматриваемымъ памятникамъ, — въ первый разъ высказана была въ нѣсколько уже разъ указанной нами статьѣ въ Москвитянинѣ. Тамъ говорится: „оба Панны Житія можно считать произведеніями одной страны и одного времени.“ (1) Но приемы, которые употреблены авторомъ указанной статьи для подтвержденія этаго вывода, ясно показываютъ, что сейчасъ приведенныя слова нужно понимать именно въ смыслѣ принадлежности обоихъ Житій одному и тому же автору, какъ дѣйствительно и понималъ ихъ Шафарикъ (2) и другіе ученые. Въ доказательство этой мысли указывается въ означенной статьѣ на употребленіе нѣкоторыхъ одинаковыхъ краткихъ выраженій и словъ (именно: *на судъ грядый... Петрова суда, Апостоликъ, сетиле*, начальные слова Житія и проч.), встрѣчающихся въ обоихъ памятникахъ, и потомъ на то обстоятельство, что одно Житіе какъ бы дополняетъ другое: „въ житіи Меводія по большей части то опускается, что подробнѣе изложено въ житіи Кирилла.“ (3) Но указанная нами разность въ

(1) Москв. 1843 г. № 6. стр. 409.

(2) См. пред. его къ изд. житія Кирилла.

(3) Москв. *ibid*, стр. 408.

тонъ обоихъ Житій относительно Римскаго первосвященника, и въ нѣкоторыхъ взглядахъ сочинителей на вещи и событія; а равно нѣкоторыя, хотя и небольшія историческія противорѣчія между обоими памятниками, на что справедливо указываетъ Дюмлеръ, — не позволяетъ намъ принять приведенное мнѣніе. Поэтому мнѣніе Дюмлера представляется намъ болѣе вѣроятнымъ. Что же касается до встрѣчающихся въ обоихъ памятникахъ одинакихъ словъ и выраженій, то это обстоятельство, въ силу всего вышесказаннаго, по нашему мнѣнію, можетъ быть объяснено во первыхъ случайностію, во вторыхъ одинаковостію приемовъ, какая замѣтна во всѣхъ подобнаго рода памятникахъ, главное же тѣмъ соображеніемъ, что сочинитель житія Меѳодія, какъ писаннаго послѣ Кириллова, безъ сомнѣнія имѣлъ подъ руками этотъ памятникъ, когда писалъ свое сочиненіе, и пользовался имъ какъ матеріаломъ, (что дѣйствительно открывается изъ сличенія обоихъ житій), а отсюда естественно было ему перенести изъ него и нѣкоторыя слова и выраженія. Последнимъ соображеніемъ легко объясняется и та гармонія, которая существуетъ между обоими памятниками въ рассказъ о событіяхъ въ отношеніи къ полнотѣ ихъ описанія. Сочинитель Житія Меѳодія, разумѣется, не считалъ нужнымъ описывать подробно то, что рассказано въ Житіи Кирилла, которое онъ имѣлъ передъ глазами при написаніи своего сочиненія.

Но кому бы ни принадлежали такъ называемыя Паннонскія Житія, — одному автору, или двумъ, извѣстнымъ ли лицамъ изъ среды писателей, которыхъ имена и сочиненія сохранила намъ древность, или, что всего вѣроятнѣе, такимъ лицамъ, которыхъ имена, а равно и другія сочиненія теперь для насъ потеряны, — во всякомъ случаѣ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію глубокая древность, и высочайшая степень исторической достовѣрности этихъ

памятниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ огромная важность ихъ для исторіи Кирилла и Меѳодія. Соберемъ въ одно, не выработанныя критикой, библиографическія и критическія опредѣленія въ отношеніи къ разсматриваемымъ памятникамъ, которыя (опредѣленія) не могутъ быть подвергнуты никакому сомнѣнію: 1) Оба Паннонскія Житія писаны современниками Славянскихъ Апостоловъ. — Житіе Меѳодія писано въ Панноніи, скоро послѣ его кончины, еще до наступленія гоненія на учениковъ его, покрайней мѣрѣ когда извѣстіе объ этомъ гоненіи еще не достигло Панноніи; Житіе Кирилла—неизвѣстно гдѣ, но такъ же скоро послѣ его кончины, по крайней мѣрѣ не позже, какъ увидимъ, смерти папы Іоанна VIII, слѣд. до 882 года. 2) Современники эти были ближайшими учениками Славянскихъ Апостоловъ, очевидцами ихъ дѣйствій, можетъ быть сотрудицами ихъ Апостольскихъ подвиговъ, слѣд. изъ числа людей, которые передавали то, что сами видѣли, или слышали отъ самихъ Апостоловъ, а по этому и сообщаемыя ими свѣдѣнія получены ими изъ первыхъ рукъ. 3) По внутреннему характеру Паннонскія житія также вполне удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ исторической критики. Касательно Житія Меѳодія мы выше привели уже въ этомъ отношеніи замѣчательную характеристику этого памятника, сдѣланную Дюммлеромъ. Что же до житія Кириллова, которое говоря вообще меньше изслѣдовано, нежели Житіе Меѳодія, то о немъ считаемъ нужнымъ съ своей стороны сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

Въ этомъ отношеніи, кромѣ простоты и безыскусственности въ разсказѣ, которою Житіе Кириллово отличается столько же, сколько и житіе Меѳодія,—въ разсматриваемомъ памятникѣ не можетъ не обратить на себя вниманіе необыкновенная подробность въ повѣствованіи, которая служить лучшимъ ручательствомъ истинности повѣстующаго

и современности повѣствователя. Такъ напр. находящіяся въ житіи подробности о первыхъ годахъ жизни Кирилла, о путешествіи къ Срацинамъ, о посольствѣ Моравлянъ, о пребываніи въ Венеціи, Римѣ и проч. не могутъ не привести къ заключенію, что авторъ Житія или былъ свидѣтелемъ описываемаго, или слышалъ все это отъ самаго Кирилла, или Меѳодія. Нѣкоторыя мѣста невольно заставляютъ даже думать, что авторъ какъ будто велъ дневникъ событій, которыя онъ описываетъ. Укажемъ въ этомъ отношеніи на описаніе совершенія Славянской Литургій въ Римѣ. Да и вообще въ Житіи столько мелочныхъ подробностей, столько хронологическихъ и топографическихъ указаній, столько названій лицъ, мѣстностей, предметовъ, что все это могло сохраниться только въ памяти непосредственнаго свидѣтеля, или участника событія, или по крайней мѣрѣ слышавшаго о нихъ отъ самихъ дѣйствователей.

Изъ Житія Кириллова видно, что авторъ его пользовался и источниками письменными; но за то какіе это были источники, и какъ много возвышаютъ они историческое достоинство памятника? Это были: во 1-хъ сочиненіе самого Кирилла, въ которомъ описано было имъ преніе его о вѣрѣ, бывшее во время пребыванія его у Хазаровъ; во 2-хъ Описаніе обрѣтенія мощей св. Климента Римскаго, приписываемое одними такъ же Кириллу, а другими Клименту Величскому, т. е. тому самому, которому приписывается иными и Житіе Кирилла. первое сочиненіе къ сожалѣнію не дошло до нашего времени, сохранилась только память о немъ въ древней нашей письменности, (гдѣ оно извѣстно подъ названіемъ: Кириллъ Словенскій), и извлеченія изъ него въ разсматриваемомъ Житіи, перешедшія, какъ выше было замѣчено, въ Палею. Въ Житіи Кирилла (§. X.) говорится, что названное

сочиненіе переведено было Меѳодіемъ на Славянскій языкъ, слѣдовательно писано было (конечно прежде изобрѣтенія Славянской азбуки) первоначально на Греческомъ языкѣ. Какъ извѣстно, Св. Кирилль вмѣстѣ съ братомъ своимъ Меѳодіемъ отправлены были къ Хазарамъ въ качествѣ миссіонеровъ въ слѣдствіе официальныхъ сношеній Хазарскаго Хаана съ Константинопольскимъ дворомъ. Въ подобныхъ случаяхъ Греческіе миссіонеры по возвращеніи представляли Императору, или патріарху подробныя донесенія о своихъ дѣйствіяхъ, (какъ это было наприм. въ сношеніяхъ Греческой церкви съ Армянскою въ XII вѣкѣ). По этому ничего нѣтъ удивительнаго, что этотъ, теперь потерянный для насъ, памятникъ имѣлъ такой характеръ. Естественно также, что во время дѣятельности Меѳодія въ Моравіи, или Панноніи, онъ переведенъ былъ на Славянскій языкъ вмѣстѣ съ другими, переводившимися тогда сочиненіями. Жизнеописатель Кирилла прибавляетъ, что въ переводѣ это сочиненіе раздѣлено было на 8 главъ, слѣд. имѣло довольно большой объемъ. Само собою разумѣется, что въ немъ заключалось не одно преніе о вѣрѣ съ Хозарами, извлеченія изъ котораго читаются въ житіи Кирилла, но и описаніе его путешествія вообще, чѣмъ конечно и пользовался составитель Паннонскаго Житія Кирилла.

Другое сочиненіе, которое служило источникомъ для Житія Кирилла, сохранилось до нашего времени; оно, какъ и Паннонскія Житія, вошло въ наши рукописныя Четь-Минеи всѣхъ редакцій, гдѣ читается или подъ 23-мъ, или подъ 30-мъ числомъ Генваря. Этотъ драгоценный памятникъ, какъ увидимъ ниже, очень важенъ для объясненія такъ называемой Италіанской легенды, а потому и о немъ считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что онъ, когда будетъ обнаруженъ и из-

слѣдованъ, безъ сомнѣнiя займетъ важное мѣсто въ ряду источниковъ для исторiи Славянскихъ Апостоловъ и перво-бытныхъ памятниковъ Славянской письменности. Сочиненiе это имѣетъ видъ слова, назначеннаго для произнесенiя съ церковной кафедрѣ, а именно въ день памяти св. Климента, и въ заглавiи его означенъ годъ событiя (6369—861), то есть обрѣтенiе мощей св. Климента (1). Оно писано очевидцемъ и участникомъ событiя ,потому что сочинитель говоритъ о себѣ въ 1-мъ лицѣ (*идохомъ... сотворихомъ... поставихомъ* и т. д.). Въ другихъ мѣстахъ авторъ обозначаетъ себя словомъ *етеръ*, или словомъ *нѣкто*, но за то въ одномъ мѣстѣ въ подобномъ случаѣ, онъ прямо называетъ себя повѣстникомъ (2) или повѣствователемъ, и этимъ даетъ знать, что въ обоихъ случаяхъ мы должны разумѣть одно и тоже лице. Далѣе, судя по тѣмъ дѣйствiямъ, которыя усвоетъ себѣ авторъ слова, онъ былъ не только свидѣтелемъ событiя, но однимъ изъ главнѣйшихъ, или даже главнымъ дѣятелемъ при его совершенiи. Такъ, не говоря уже о томъ, что онъ вездѣ ставитъ себя на ряду съ Архiереемъ, и вмѣстѣ съ нимъ издаетъ приказанiя, что должны дѣлать другiе (повелѣхомъ пѣнiе кондачное пѣти), онъ первый увидѣлъ свѣтлое сiянiе вокругъ луны, онъ прежде всѣхъ увидѣлъ главу Св. Климента, онъ въ продолженiи совершенiя открытiя мощей говорилъ по разнымъ случаямъ рѣчи и проч. Мысль о первенствующемъ участiи повѣствателя въ открытiи мощей

(1) Вотъ полное заглавiе слова: В той же день (Ген. 23. Мак. Четь-Мин.) слово на принесенiе мощемъ Преславнаго Климента, историческую имущу бесѣду, яко Христовою помощiю въ 4 (описка вмѣсто 6-ти) 300 и 69 лѣто изыскавшимъ его любезно и вѣрно, яко изо инѣхъ бо в Понтѣ восiа.

(2) нѣкто... ижъ и сый жъ есть повѣстникъ.

подтверждается въ особенностн тѣми мѣстами, гдѣ онъ прямо говоритъ о себѣ, какъ о виновникѣ этаго событія ⁽¹⁾. Обращаясь теперь къ самому содержанию слова замѣтимъ, что оно заключаетъ въ себѣ самый подробный рассказъ объ обрѣтеніи и открытіи мощей св. Климента. Авторъ слова передаетъ намъ объ этомъ всѣ подробности, даже мелочныя, именно, онъ описываетъ прибытіе Херсонскаго Епископа Георгія съ священнымъ соборомъ къ морю, гдѣ находились мощи, молитвословія передъ ихъ открытіемъ, самое открытіе со всѣми подробностями, обратное шествіе свящ. собора къ городу съ святыми мощами, гдѣ они были встрѣчены Херсонскимъ княземъ Никифоромъ, крестный ходъ вокругъ города, поставленіе мощей сначала въ церкви св. Созонта, а потомъ Леонтія, перенесеніе мощей въ соборную церковь, молитвословія, бывшія во все это время и т. д.—все это съ означеніемъ названія лицъ, мѣстностей, съ означеніемъ разстояній мѣста, часовъ дня и ночи, когда и гдѣ что случилось. Теперь, извѣстно, что главнымъ виновникомъ и дѣятелемъ открытія мощей св. Климента былъ св. Кириллъ, открывшій ихъ во время своего пребыванія въ Херсонѣ на пути къ Хозарамъ; и однакожь во всемъ словѣ, не смотря на множество заключающихся въ немъ подробностей даже мелочныхъ, нигдѣ не говорится объ его участіи, даже присутствіи во время этого событія, не названо даже его имени, тогда какъ означены имена нѣкоторыхъ простыхъ священниковъ, принимавшихъ участіе въ открытіи и перенесеніи мощей. Соображая это обстоятельство со всѣмъ выше-сказаннымъ о значеніи, какое имѣлъ неизвѣстный сочинитель слова при этомъ событіи, и о дѣйствіяхъ, какія онъ усваиваетъ себѣ, нельзя не придти къ заключенію,

(1) Непотребными руками нашими изысканъ (Климентъ).

что этот сочинитель, или повѣстникъ, какъ онъ называетъ себя, былъ именно св. Кирилль. Вотъ почему въ Словѣ и не упоминается о немъ, не смотря на вліяніе его на событіе; по той же причинѣ въ сказаніи ничего не говорится о ближайшемъ поводѣ къ открытію мощей, т. е. о прибытіи св. Кирилла въ Херсонъ, о распросахъ его у жителей о мощахъ св. Климента и проч., что все необходимо должно бы войти въ сказаніе, если бы оно было писано напр. херсонскимъ епископомъ Георгіемъ, или кѣмъ либо изъ жителей Херсона, либо кѣмъ либо изъ учениковъ Славянскихъ Апостоловъ.

Таковы наши соображенія, вслѣдствіе которыхъ мы никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ ученыхъ, приписывающихъ разсматриваемый памятникъ Клименту Величскому, или Славянскому, т. е. ученику Меѳодія. Шафарикъ въ объясненіе вѣроятности послѣдняго мнѣнія говоритъ, что Климентъ „безъ сомнѣнія, сопутствовалъ Константину въ Козары,“ то есть, былъ свидѣтелемъ открытія мощей, и слѣд. могъ писать, какъ очевидецъ событія. Но мысль о путешествіи Климента въ Хозарію вмѣстѣ съ Кирилломъ есть конечно одно предположеніе, и намъ оно кажется очень сомнительнымъ. Климентъ былъ Болгаринъ, и всего вѣроятнѣе присоединился къ Славянскимъ Апостоламъ въ бытность ихъ въ Болгаріи на пути въ Моравію. Чтобы это случилось ранѣе путешествія Кирилла ка Хозарамъ (ок. 858 г.), намъ кажется невѣроятнымъ по общимъ соображеніямъ съ событіями. При томъ же во всякомъ случаѣ оригинальная литературная дѣятельность Климента конечно относится къ періоду его жизни послѣ кончины Меѳодія, а разсматриваемое сказаніе было написано еще въ 70-хъ или 80-хъ годахъ 9-го столѣтія; это какъ нельзя вѣрнѣе доказывается тѣмъ, что имъ пользовались: во 1-хъ, Паннонскій біографъ

Кирилла, во 2-хъ, какъ увидимъ ниже, составитель Итальянской Легенды, т. е. житія Климента Римскаго, — сочиненія, которое, какъ было сказано, посвящено было авторомъ папѣ Іоанну VIII (872-882 г.). Последнее обстоятельство ясно доказываетъ, что сказаніе объ открытіи мощей при папѣ Іоаннѣ, а можетъ быть и ранѣе, извѣстно было уже въ Римѣ. Мы уже не говоримъ о томъ, что Клименту, да и никому другому, кромѣ Кирилла, какъ главнаго дѣйствователя при открытіи мощей, вовсе нельзя приписать того первенствующаго вліянія, и тѣхъ дѣйствій, которыя усвоетъ себѣ сочинитель сказанія, потому что если онъ присутствовалъ при этомъ событіи, т. е. если сопутствовалъ Кириллу въ Херсонъ, то это было еще въ самой ранней его (Климента) молодости (Извѣстно, что онъ скончался въ 916-мъ году). Наконецъ, приписавъ разсматриваемый памятникъ Клименту, и въ тоже время согласившись съ обще-принятымъ мнѣніемъ, что онъ первоначально писанъ на греческомъ языкѣ, невольно задаешь себѣ вопросы: могли ли Климентъ въ указанный періодъ времени (до 882 г.) научиться греческому языку такъ, чтобы свободно писать на немъ, и что его заставило оставить свой природный славянскій языкъ? Да и вообще, съ какой стороны мы ни стали бы разсматривать Слово о перенесеніи мощей, всюду встрѣчаютъ насъ вопросы, недоумѣнія, затрудненія, если припишемъ его Клименту. Все напротивъ говорить въ пользу мысли о принадлежности его никому другому, какъ именно самому Кириллу. Только ему одному, какъ главному дѣйствователю при открытіи мощей св. Климента, могли принадлежать тѣ дѣйствія, какія усвоетъ себѣ авторъ Слова; только ему одному приличенъ тотъ тонъ, и то достоинство, съ какими онъ говоритъ о себѣ; наконецъ только этимъ объясняется то обстоятельство, что въ цѣломъ сказаніи о Кириллѣ даже не упомянуто.

Всѣ другія обстоятельства написанія разсматриваемаго памятника, а равно и отношенія его къ Италіанской Легендѣ и Житію Кирилла, такъ же легко объясняются, если признаемъ его сочиненіемъ Кирилла, а не кого либо другаго. И, во 1-хъ, подробности объ открытіи мощей, какія встречаемъ въ сказаніи, конечно Кириллу извѣстны были лучше, нежели всякому другому. На греческомъ языкѣ могло быть писано это сказаніе потому, что вѣроятнѣе всего оно было писано прежде изобрѣтенія славянской грамоты, вмѣстѣ съ выше-разсмотрѣннымъ сочиненіемъ о путешествіи къ Хозарамъ. Далѣе, при перенесеніи мощей св. Климента (867 г.) въ Римъ, оно могло быть принесено туда св. Кирилломъ, и распространиться тамъ, а слѣд. имъ и могъ воспользоваться сочинитель Италіанской Легенды (1).

(1) Что разсматриваемый памятникъ тотчасъ же долженъ былъ сдѣлаться извѣстнымъ въ Римѣ, объ этотъ свидѣтельствуя тѣ радостныя ощущенія и та любознательность, какая возбуждена была въ жителяхъ Рима въ отношеніи къ мощамъ св. Климента, по принесеніи ихъ туда Славянскими Апостолами. Въ Житіи Кирилла говорится: »Дошъдшоу ему въ Римъ, изыде самъ Апостоликъ Андрианъ, съ вѣсьми гражданы, свѣще носеще, яко и святаго Климента мощи носещу мученика и папы Римьска. И абіе Богъ чюдеса прѣславнаа сътвори тоу... Римляне же не престааху идуще къ нему, (Кириллу), и възпрашающе его о вѣсемъ, и сказаніе сугубо и трѣгубо пріймааху отъ него.« Въ Италіанской легендѣ прибавлено къ сказанному въ Славянскомъ Житіи: »Папа Адрианъ и весь народъ Римскій, радуясь и ликуя возносилъ великое благодареніе и хвалу Богу, который спустя столь долгое время возвратилъ имъ, во дни ихъ, святаго и апостольскаго мужа (т. е. мощи Климента) и преемника самаго главы Апостоловъ Петра... И такъ принесши благодарность упомянутому философу (Кириллу) за такое благодѣяніе, посвятили его и Мееодіа

Въ тоже время разсматриваемое сказаніе для новопросвѣщенныхъ Славянъ могло быть переведено кѣмъ либо, а можетъ быть и самимъ Меѳодіемъ, какъ и преніе Кирилла у Хозаровъ, на славянскій языкъ, и слѣд. послужить источникомъ для Житія Кириллова.

въ епископы.» Сообразивъ приведенныя извѣстія, а въ особенности замѣчаніе славянскаго біографа Кирилла о дѣланныхъ ему жителями распросахъ, съ тѣмъ обстоятельствомъ, что сказаніе о перенесеніи мощей имѣетъ видъ слова, произнесеннаго съ церковной кафедрѣ, нельзя избѣжать вопроса: не написано ли было св. Кирилломъ это слово именно въ Римѣ по просьбѣ его жителей, и не было ли имъ же произнесено съ церковной кафедрѣ на одной изъ славянскихъ литургій, которыя по свидѣтельству Слав. Житія Кирилла (XVII) совершены были въ Римѣ по прибытіи и принесеніи туда Слав. Апостолами мощей св. Климента? Въ пользу этого предположенія могутъ быть приведены нѣкоторыя указанія, находящіяся въ самомъ Словѣ: въ концѣ его проповѣдникъ говоритъ отъ лица своихъ слушателей: «мы бо есмы симъ вина. имже ся есмы лишили его (Климента), но некли возникнемъ, блаженъ бо градъ нашъ сице намъ сущемъ (т. е. что такъ случилось: прежде говорено было о явленіи мощей) и противныя отгоняющимъ явятся. О блаженный соборе пришедый въ той день (въ день открытія мощей) къ рацѣ преславнаго Климента,» и т. д. Для объясненія этихъ словъ, именно: «мы бо есмы симъ вина...и блаженъ градъ нашъ»..нужно припомнить, что по греческому сказанію (а также и переводному славянскому) о мученичествѣ Климента, при импер. Траянѣ (98-117 г.) онъ сосланъ былъ въ заточеніе въ Херсонъ, но своимъ ученіемъ и чудесами обратилъ многихъ въ Христіанскую вѣру, и вслѣдствіе этого по указу того же императора (ок. 100 г.) былъ ввергнутъ въ море, гдѣ и находились мощи его до того времени, когда открыты были Кирилломъ (861 г.) и перенесены были имъ въ Римъ, По этому проповѣдникъ отъ лица римскихъ гражданъ, своихъ слушателей, говоритъ какъ бы

Какъ бы то ни было, но сочинитель Славянскаго Житія Кирилла ссылается какъ на свой источникъ, на оба разсмотрѣнные памятника (гл. VIII и X), и это, разумѣется, не только не уменьшаетъ, а напротивъ, какъ выше уже замѣчено было, возвышаетъ цѣну и историческое значеніе нашего памятника, представляя ручательство самаго Кирилла за истину свѣдѣній о тѣхъ событіяхъ, которыхъ свидѣтелемъ не былъ самъ его жизнеописатель. Такимъ

такъ: мы, т. е. предки наши были виною, что Климентъ оставилъ насъ, но теперь мы не можемъ не назвать себя счастливыми, когда мощи открыты и перенесены на мѣсто прежняго пребыванія знаменитаго пастыря, т. е. въ Римъ. Таже мысль выражена и въ Италіанской легендѣ, какъ мы видѣли изъ выше-приведенной выписки.—Въ дополненіе къ извѣстію о мощахъ святаго Климента сообщаемому разсматриваемымъ памятникомъ, Житіемъ Кирилла, и Италіанскою Легендою, считаемъ нужнымъ прибавить, что папа Адрианъ II, при которомъ принесены были въ Римъ Кирилломъ мощи св. Климента, часть ихъ послалъ въ даръ императору Людовику благочестивому II, который въ 872 г. обогатилъ ими учрежденное имъ аббатство Сава, за 4 мили отъ Салерно, гдѣ они и доселѣ находятся. Другія части находятся теперь въ Римѣ въ церкви св. Климента, куда онѣ положены по свидѣтельству Ит. Легенды; такъ же въ церквахъ святаго Марцелла и св. Северина. (*Leben der väter und Marthyren von A. Buttler. Mainz. 1838. т. XVII. р. 211.*) Не нужно прибавлять, что наши соображенія касательно происхожденія Слова объ открытіи мощей совершенно согласны съ сдѣланными критикой выводами о написаніи этого памятника первоначально на греческомъ языкѣ. Говоря это слово въ Римѣ передъ такими слушателями, между которыми значительно распространено было знаніе греческаго языка, и нисколько не былъ извѣстенъ языкъ славянскій, св. Кириллъ естественно долженъ былъ оставить послѣдній, и избрать языкъ греческій.

образомъ, вопреки сомнѣнiямъ Дюмлера, надѣмся, мы имѣемъ полное право сказать, что и Славянское Житiе Кирилла, какъ и Меѳодiево, удовлетворяетъ всѣмъ самымъ строгимъ требованiямъ исторической критики и должно быть отнесено къ числу первостепенныхъ и вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ для обработки исторiи Славянскихъ Апостоловъ.

Остается теперь опредѣлить то мѣсто, которое должны занять такъ называемыя Паннонскiя Житiя въ ряду другихъ, однородныхъ съ ними, источниковъ для того же предмета. Показать относительное значенiе и сравнительное достоинство ихъ въ этомъ отношенiи очень важно потому, что сообщаемыя Паннонскими Житiями данныя, далеко не всѣ согласны съ показанiями о томъ же другихъ сказанiй о Славянскихъ Апостолахъ; а въ слѣдствiе этого, при изслѣдованiи нѣкоторыхъ вопросовъ въ ихъ жизни, въ случаѣ разнорѣчiя Паннонскихъ Житiй съ другими однородными съ ними памятниками, сейчасъ же является вопросъ: какое изъ двухъ, или нѣсколькихъ противорѣчащихъ свидѣтельствъ, должно принять, и какое отвергнуть, и какой источникъ предпочесть другимъ, или другому? Само собою разумѣется, что изъ вышеисчисленныхъ нами, однородныхъ съ Паннонскими Житiями, источниковъ, здѣсь можетъ идти въ разсмотрѣнiе только такъ называемое Италiанское сказанiе, какъ памятникъ, подобно имъ, (по крайней мѣрѣ по общепринятому мнѣнiю), современный самымъ событиямъ; потому что всѣ другiя сказанiя о Славянскихъ Апостолахъ, какъ то: находящееся въ греческомъ житiи Климента, Легенда Моравская, Легенда о св. Людмилѣ и проч. позднѣе Паннонскихъ, и слѣд, говоря вообще, въ случаѣ разнорѣчiя ихъ съ послѣдними, по законамъ исторической критики, должны уступить имъ первое мѣсто.

И такъ, въ какое же должны стать отношенiе къ Италiанской Легендѣ новооткрытые памятники? Ею ли

повѣрять послѣдніе, какъ прежде повѣряли ея всѣ другіе, неофициальные по крайней мѣрѣ, источники для исторіи Кирилла и Меѳодія, или наоборотъ она сама должна быть повѣряема Паннонскими Житіями? Къ сожалѣнію Дюмлеръ, отдавшій полное имъ достоинство въ отношеніи къ исторіи Славянскихъ Апостоловъ, не смотря на спеціальное назначеніе своего труда, не предлагаетъ по этому вопросу никакихъ заключеній, даже не касается его. Въ одномъ только мѣстѣ своего изслѣдованія (р. 166) замѣчаетъ онъ, что между Паннонскимъ Житіемъ Кирилла и Италіянскою Легендою во многихъ пунктахъ обнаруживается удивительное сходство, но не входитъ ни въ какія по этому поводу соображенія и объясненія. Въ изслѣдованіяхъ другихъ ученыхъ, и между ними нашихъ отечественныхъ, также замѣтна въ этомъ отношеніи какая-то нерѣшительность: одни, какъ бы подъ вліяніемъ давности авторитета Италіянской Легенды, въ случаѣ разногласія ея съ Паннонскими Житіями, отдають предпочтеніе ея показаніямъ; другіе, — и это большая часть, — смотря на свидѣтельства той и другихъ, какъ на равносильныя, и заботятся о томъ лишь, чтобы согласить ихъ и примирить, хоть это и не всегда удается. Изъ отечественныхъ изслѣдователей одинъ только О. М. Бодянской въ этомъ случаѣ отступилъ отъ общаго правила, давши Паннонскимъ Житіямъ, въ своемъ сочиненіи, первое мѣсто въ ряду другихъ, однородныхъ съ ними, источниковъ, и положивши ихъ въ основаніе своихъ розысканій. Онъ же первый сдѣлалъ и замѣчательныя соображенія объ отношеніи Италіянской Легенды къ Паннонскимъ Житіямъ, или собственно къ Житію Кирилла, а этимъ самымъ представилъ и данныя для рѣшенія вопроса о сравнительномъ-историческомъ достоинствѣ той и другихъ.

„ Вчитываясь, говоритъ онъ, въ житіе Кирилла и сличая со всѣмъ, извѣстнымъ мнѣ о немъ изъ другихъ

источниковъ, я убѣдился, что и такъ называемая Добровскимъ, первая, или Итальянская *Легенда есть* не что иное какъ только *сокращеніе этого Житія*. Къмъ оно сдѣлано, навѣрное сказать нельзя, хотя нѣкоторые и приписываютъ это Гавдерику. Можетъ быть епископъ Велитрскій воспользовался Житіемъ Кирилла, составленнымъ Климентомъ, и, безъ сомнѣнія, ходившимъ по рукамъ у Славянъ западныхъ и южныхъ, изъ коихъ знающій могъ сдѣлать изъ него сокращеніе по Латыни; или же Гавдерику *пользовался*, для значительной части своего сочиненія, *однимъ и тѣмъ же источникомъ*, что и Климентъ, т. е. сочиненіемъ Кирилла: «преніе съ Магометаны и Жиды въ Козарѣхъ»... Существенныхъ прибавлений со стороны сократителя очень не много, а что лишняго противу Житія, относится болѣе къ случившемуся на Западѣ, слѣдовательно принесено, какъ дополненіе туземца. Если моя догадка справедлива, въ такомъ случаѣ всѣ свѣдѣтельства западныхъ источниковъ, за исключеніемъ дипломатическихъ сношеній, т. е. посланій папы Юанна VIII-го, перестаютъ быть первостепенными источниками, но переходятъ въ разрядъ второстепенныхъ, которые, какъ составленные вольно со словъ другихъ, естественно, должны были, въ послѣдствіи, подвергаться дальнѣйшимъ измѣненіямъ, передѣлкамъ и тому подобному, что и видимъ уже на второмъ, или Моравскомъ Сказаніи. Мнѣ сдается, что первая, или Итальянская Легенда находится точно въ такомъ отношеніи къ Климентову Житію Кирилла, въ какомъ нѣкоторыя изъ сказаній о Меводіѣ, встрѣчаемыхъ въ нашихъ рукописныхъ прологахъ. Или же тутъ правда на оборотъ, то есть, *Славянское Житіе Кирилла составляетъ распространеніе Латинскаго*, приписываемаго Гавдерику? И это дѣло статочное. Кто нибудь изъ учениковъ Кирилла, или Меводія, вообще изъ современниковъ,

даже нѣсколько близкихъ къ тому времени славянскихъ книжныхъ людей въ земляхъ славянскихъ Эракійскаго полуострова, имѣя въ рукахъ жизнеописаніе незабвеннаго просвѣтителя и наставника своего племени на языкѣ, невѣдомомъ для большинства облагодѣтельствованныхъ имъ, могъ рѣшиться оказать услугу эту предложениемъ онаго, дополнивъ его другими, извѣстными ему данными, состоящими, большею частію, въ размноженіи второстепенными свѣдѣніями заключающагося уже въ рассказѣ. То ли или иное предположеніе справедливо, во всякомъ случаѣ неопровержимо чрезвычайно поразительное сходство обоихъ Житій между собою; отъ того заимствованіе одного у другаго яснѣе самаго солнечнаго дня. Указать, кто тутъ у кого списывалъ, при теперешнемъ состояніи нашихъ свѣдѣній объ этихъ памятникахъ, рѣшительно не возможно. “ (стр. 40—42).

Выписанныя нами строки показываютъ, что почтенный Профессоръ, признавая во всей полнотѣ близость Италіанской Легенды и Славянскаго Житія Кирилла другъ ко другу, не рѣшается однакожь произнести окончательный судъ о томъ, первая ли основана на послѣднемъ, или наоборотъ. Въмѣстѣ съ предположеніемъ, что Италіанская Легенда есть сокращеніе Славянскаго Житія, онъ даетъ по видимому почти совершенно равносильное значеніе другому предположенію, что наоборотъ Славянское Сказаніе могло быть распространеніемъ Италіанскаго, прибавляя въ то же время, для объясненія взаимнаго сродства обоихъ памятниковъ 3-е соображеніе, что сочинители ихъ могли пользоваться одними и тѣми же источниками, и что вслѣдствіе этого Италіанская Легенда, какъ и Паннонское Житіе Кирилла, „составляетъ отдѣльное самобытное сказаніе“ (стр. 167). Оставляя въ сторонѣ два послѣднія предположенія, мы остановимся на первомъ изъ нихъ.

Оно, по нашему мнѣнію, не только вѣроятно, но можетъ быть названо единственно—вѣрнымъ, даже болѣе, не допускающимъ никакихъ другихъ объясненій. Мы принимаемъ за несомнѣнное, что Италіянская Легенда есть ни больше ни меньше, какъ сокращеніе Славянскаго Житія, и всякое другое объясненіе взаимнаго сходства обоихъ сказаній считаемъ рѣшительно не возможнымъ.

Къ послѣдному убѣжденію мы въ особенности пришли, когда сличили выше разсмотрѣнное и приписанное нами Кириллу Славянское, или точнѣе дошедшее къ намъ на славянскомъ языкѣ, сказаніе объ обрѣтеніи мощей св. Климента Римскаго съ тѣми главами Италіянской Легенды⁽¹⁾, въ которыхъ говорится о томъ же предметѣ. Открылось, что эти главы суть не что иное, какъ съ большимъ искусствомъ сдѣланный экстрактъ изъ Славянскаго сказанія. Къ тому, что разсказывается въ послѣднемъ объ упомянутомъ событіи, въ Италіянской Легендѣ не прибавлено ни одного лишняго извѣстія, ни одного факта, ни одного собственнаго имени, ни одного названія мѣстности. Съ другой стороны все, что разсказывается въ Италіянской Легендѣ, разсказано именно по Славянскому сказанію, откуда выбрано все существенное, относящееся къ событію, и во многихъ мѣстахъ, не смотря на относительную краткость экстракта, по объему въ десять разъ меньшаго въ сравненіи съ оригиналомъ, говоримъ, во многихъ мѣстахъ Италіянской Легенды удержаны цѣлыя выраженія, взятая буквально изъ Славянскаго сказанія. Да и вообще заимствованіе составителемъ Ита-

(1) См. по раздѣленію, сдѣланному Геншеномъ, первымъ издателемъ Италіянской Легенды, §§ 3 4 и 5. Вся Италіянская Легенда раздѣлена, на 12 §§, и указанная ея главы составляютъ съ небольшимъ 4-ю часть цѣлаго ея состава.

ліянскої Легенды передаваемыхъ имъ свѣдѣній именно изъ славянскаго источника, (по всей вѣроятности въ греческомъ его подлинникѣ), до такой степени очевидно, что всякое сомнѣніе мы считаемъ рѣшительно невозможнымъ, и по этому дальнѣйшія объясненія признаемъ излишними. Но мы должны сказать, почему это обстоятельство мы считаемъ крайне важнымъ. Нужно замѣтить, что подробности собственно объ обрѣтеніи мощей св. Климента и перенесеніи ихъ въ Херсонъ, передаваемые авторомъ Италіанскої Легенды въ вышеуказанныхъ ея главахъ, составляютъ излишекъ противъ того, что говорится объ этомъ въ Славянскомъ Житіи Кирилла; потому что въ последнемъ памятникѣ это событіе разказано кратко, въ нѣсколькихъ строкахъ (гл. VIII), съ ссылкой на самый источникъ, т. е. на Кириллово сказаніе объ обрѣтеніи мощей. Вотъ почему, не смотря на буквальную близость Италіанскої Легенды къ Славянскому Житію Кирилла, и не смотря на большій въ сравненіи съ нею объемъ послѣдняго памятника, можно еще усумниться, дѣйствительно ли она на немъ основана; потому что упомянутыя главы Италіанскої Легенды не нашли бы для себя объясненія. Теперь же, если мы возьмемъ въ соображеніе оба славянскіе памятника, т. е. и Паннонское Житіе Кирилла, и дошедшее къ намъ на славянскомъ языкѣ, сказаніе Кирилла объ обрѣтеніи мощей св. Климента,—происхожденіе и процессъ составленія Италіанскої Легенды въ полномъ ея объемѣ, и именно на основаніи названныхъ письменныхъ источниковъ, представится въ совершенно ясномъ видѣ. Разумѣется не мѣсто входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе этого процесса, чтò завлекло бы насъ далеко и потребовало бы выписокъ изъ самыхъ памятниковъ. Тѣмъ не менѣе однакожь, такъ какъ отъ этого зависитъ рѣшеніе выше сдѣланнаго нами вопроса объ относительномъ

значеніи разсматриваемыхъ памятниковъ въ ряду другихъ источниковъ для исторіи Кирилла и Меѳодія, и вмѣстѣ съ этимъ рѣшеніе многихъ очень важныхъ вопросовъ относительно ихъ жизни и дѣятельности,—мы считаемъ необходимымъ сдѣлать по этому поводу нѣсколько замѣчаній, чтобы наши выводы не казались голословными.

Выше мы видѣли, что такъ называемая Италіянская Легенда составляетъ отрывокъ изъ послѣдней части труда епископа Гавдерика, именно: приписываемаго ему и въ полномъ видѣ не дошедшаго до насъ, жизнеописанія Климента Римскаго, которое составлено было авторомъ на основаніи письменныхъ греческихъ и другихъ матеріаловъ. Сличеніе этого отрывка съ разсмотрѣнными славянскими сказаніями объ открытіи мощей св. Климента и о жизни Кирилла приводитъ къ заключенію ⁽¹⁾, что Гавдерикъ, оканчивая свое сочиненіе, и желая присоединить къ нему свѣдѣнія объ открытіи въ Херсонѣ и перенесеніи въ Римъ мощей св. Климента, обратился за этимъ именно къ на-

(1) Къ тому же заключенію приводитъ и тотъ фактъ, что между всѣми греческими и латинскими сказаніями о св. Климентѣ, извѣстными по печатнымъ изданіямъ и рукописямъ, нѣтъ ни одного,—ни современнаго Гавдеріку, ни позднѣйшаго, которое могло бы служить источникомъ для Италіянской Легенды. По этому всѣ западные изслѣдователи жизни Климента, когда говорятъ объ открытіи въ Херсонѣ Кирилломъ и о перенесеніи въ Римъ мощей его, ссылаются на Италіянскую Легенду, какъ на основной и единственный въ этомъ отношеніи источникъ, вовсе не подозревая того, что въ славянской письменности сохранились памятники, въ которыхъ сообщаются объ этомъ свѣдѣнія гораздо полнѣйшія, и которыя послужили источникомъ для самой Италіянской Легенды. См. напр. Ассемани *Calend. Eccles. Var. Martyrolog. Rom.* подъ 23 Нолбрія; также Курсы *Patrologiæ: Селье, Люмпера; Фесслера, Мёлера* и др.

званнымъ сказаніямъ. Въ первомъ изъ нихъ онъ нашель самое обстоятельное повѣствованіе объ открытіи мощей, во второмъ самыя подробныя свѣдѣнія о св. Кириллѣ, а слѣд. и о перенесеніи открытыхъ имъ мощей въ Римъ, и вмѣстѣ о тѣхъ обстоятельствахъ въ жизни Кирилла, которыя послужили поводомъ къ тому и другому событію. Что оба эти сказанія въ правленіе папы Іоанна VIII, когда была писана Гавдерикомъ его біографія Климента (872—882 г.), могли быть извѣстны въ Римѣ, объ этомъ мы уже говорили. Кириллово сказаніе объ обрѣтеніи мощей могло быть принесено туда св. благовѣстниками вмѣстѣ съ мощами Климента (въ 867 г.), или даже, что гораздо вѣроятнѣе, написано Кирилломъ по прибытіи его въ Римъ, по просьбѣ его жителей. Что же до жизнеописанія самага Кирилла, которое, какъ справедливо рѣшила критика, написано было въ первые годы послѣ его кончины; то оно такъ же могло перейти въ Римъ тотъ часъ послѣ его составленія. Это мы необходимо должны предположить на основаніи того уваженія, которымъ, какъ свидѣтельствуя: славянскій біографъ Кирилла, самъ Гавдерикъ и Анастасій Библіотекаръ, пользовался въ Римѣ (¹), какъ

(¹) Слав. Житіе Кир. по изд. Шаф. гл. XVII и XVIII. Ит. Лег. §9—12. Письмо Анастасія Библ. къ королю Карлу Плѣшивому, 875 г. На какомъ языкѣ Гавдерикъ читалъ слав. сказанія? Кириллово сказаніе о мощахъ Климента безъ сомнѣнія на греч., на которомъ оно по всей вѣроятности было первоначально написано; а Слав. Житіе Кирилла могло быть переведено для него кѣмъ либо изъ знающихъ на славянскій языкъ. А можетъ быть и самъ Гавдерикъ, который часто употребляемъ былъ папами въ дипломатическихъ сношеніяхъ ихъ съ разными государями, зналъ славянскій языкъ. Во всякомъ случаѣ нѣтъ нужды предполагать, что Слав. Житіе Кирилла было первоначально писано на греч. или лат. языкѣ.

за оказанное имъ его жителямъ благодареніе, такъ и вообще за свою святость, св. Кириллъ. Последнее обстоятельство, какъ замѣчено уже было нами, когда мы говорили объ Италіанской Легендѣ вообще, было причиною, что Гавдерикъ, который имѣлъ цѣлю въ этой части своего сочиненія описать собственно обрѣтеніе и перенесеніе мощей св. Климента, подробностямъ о самомъ Кириллѣ далъ больше мѣста, нежели сколько этого требовала систематическая строгость разсказа. Но, какъ мы замѣтили уже, онъ нигдѣ не выпускаетъ изъ виду главной своей цѣли, т. е. описанія обрѣтенія и перенесенія мощей, и подробности о св. Кириллѣ вездѣ ставитъ на второмъ планѣ, не смотря на тотъ объемъ, который они занимаютъ въ цѣломъ разсказѣ.

Сообразно съ своею главною цѣлю, авторъ Италіанской Легенды, чтобы дать понятіе о св. Кириллѣ, какъ виновникѣ открытія и перенесенія мощей св. Климента, въ 1-й главѣ своего разсказа выбираетъ изъ Славянскаго Житія Кирилла (гл. II и IV), хотя многое и буквально, только общія о немъ свѣдѣнія, какъ то: о его происхожденіи, воспитаніи и посвященіи въ санъ священника, и опустивъ при этомъ всѣ подробности, находящіяся въ Славянскомъ Житіи какъ объ этомъ, такъ равно и о преніи св. Кирилла съ патр. Анніемъ, о путешествіи его къ Сарацинамъ и проч. (Сл. Ж. гл. III. V—VII), спѣшитъ перейти къ описанію его Хозарской миссіи, служившей поводомъ къ открытію мощей св. Климента. Разсказавши о причинахъ ея, а равно о прибытіи Кирилла въ Херсонъ (§ 1 и нач. 2-го), такъ же по Славянскому Житію (VIII), Гавдерикъ переходитъ къ главному предмету своего разсказа, къ повѣствованію объ обрѣтеніи мощей названнаго Святаго. Описаніе этого событія, составляющее

съ небольшимъ 4-ю, часть цѣлаго сочиненія (§ 2—5), какъ мы выше видѣли, есть сокращеніе Кириллова объ этомъ сказанія; не нашедши нужныхъ для него подробностей объ открытіи мощей святаго Климента въ Славянскомъ Житіи Кирилла, гдѣ это событіе разсказано кратко (VIII), съ указаніемъ на особое объ этомъ Сказаніе, Гавдерикъ обратился именно къ этому сказанію, т. е. вышеразсмотрѣнному нами Слову св. Кирилла, и сократилъ его, выбравъ изъ него все существенное. Но въ началѣ этой главной части своего разсказа (2-я пол. § 2-го) Гавдерикъ въ нѣсколькихъ строкахъ сообщаетъ свѣдѣнія о распросахъ, съ которыми обращался св. Кириллъ къ мѣстнымъ жителямъ относительно мѣста, гдѣ находятся мощи св. мученика. Этого извѣстія нѣтъ въ Кирилловомъ сказаніи, и оно заимствовано Гавдерикомъ изъ какого-то неизвѣстнаго намъ источника, а можетъ быть изъ живаго, дошедшаго къ нему непосредственно, или посредственно объ этомъ разсказа самаго Кирилла въ бытность его въ Римѣ. При этомъ Гавдерикъ упоминаетъ о чудѣ, совершившемся надъ св. мощами за долго прежде ихъ открытія. Это свѣдѣніе заимствовано имъ изъ Сказанія о страданіи св. Климента, на которое онъ тутъ же, какъ замѣчено было, и ссылается.

Послѣ описанія открытія мощей (§ 6 и 7), Гавдерикъ кратко говоритъ объ окончаніи и слѣдствіяхъ Хозарской миссіи Кирилла, о посольствѣ Ростислава въ Константинополь, о путешествіи братьевъ въ Моравію и о пребываніи ихъ тамъ. Все это или буквально или въ сокращеніи взято имъ изъ Славянскаго Житія Кирилла (гл. IX—XV), и разумѣется переданы только существенныя свѣдѣнія о событіяхъ, на сколько нужно было это, чтобы дать понятіе о томъ, какъ и по какому случаю мощи св. Климента

изъ Херсона перенесены были въ Римъ. Подробности же, передаваемыя славянскимъ біографомъ Кирилла о преніяхъ его о вѣрѣ съ Хозарами, о разныхъ случаяхъ, бывшихъ съ нимъ на обратномъ пути и въ Константинополь по возвращеніи туда, даже объ изобрѣтеніи имъ славянской азбуки, и потомъ по прибытіи въ Моравію о разныхъ, найденныхъ тамъ Апостолами, религіозныхъ заблужденіяхъ и проч. — эти подробности, которыя въ Славянскомъ Житіи, по своему объему, занимаютъ очень много мѣста, Гавдерикомъ совсѣмъ опущены, какъ не идущія къ главной цѣли его разсказа.

Слѣдующій за этимъ разсказъ Гавдерика (§ 8 и 9) о путешествіи Славянскихъ Апостоловъ въ Римъ и о пребываніи тамъ, говоря вообще, такъ же составленъ по Славянскому Житію (гл. XV и XVII), представляя въ себѣ или сокращеніе, или распространеніе, или буквальный переводъ его. Но тутъ сочинитель Италіанской Легенды нѣсколько отступилъ отъ своего источника. Какъ туземець, и кромѣ того можетъ быть бывший въ Римѣ во время пребыванія тамъ Славянскихъ Апостоловъ, (что подаеъ поводъ предполагать одно указаніе въ Славянскомъ Житіи Кирилла, гл. XVII), онъ конечно могъ и самъ имѣть нѣкоторыя объ этомъ свѣдѣнія, или же могъ получить ихъ изъ мѣстныхъ преданій и другихъ источниковъ. Во всякомъ случаѣ въ этой части Италіанской Легенды мы находимъ нѣкоторыя дополнительныя извѣстія, которыхъ нѣтъ въ Славянскомъ Сказаніи. Оставивши находящіяся въ послѣднемъ подробности о преніи св. Кирилла въ Венеціи съ латинскимъ духовенствомъ (XVI), и о совершеніи въ Римѣ въ разныхъ церквахъ славянской литургіи (XVII), Гавдерикъ нѣсколько подробнѣе говоритъ о призваніи въ Римъ Славянскихъ Апостоловъ папою Николаемъ, упоминаетъ о смерти его и возшествіи на

престоль Адриана II, чего вовсе нѣтъ въ Славянскомъ сказаніи. За тѣмъ, сказавши словами славянскаго біографа о сдѣланной Апостоламъ Адрианомъ II встрѣчѣ и о чудесахъ отъ мощей св. Климента, онъ, согласно съ главною цѣлю своего разсказа, уже независимо отъ Славянскаго Житія, распространяется о той радости, какую ощущалъ Римскій папа и весь народъ Римскій по случаю перенесенія мощей св. Климента, и объ общихъ чувствахъ благодарности къ Кириллу, который вмѣстѣ съ братомъ своимъ Меѳодіемъ, при этомъ посвящены будто бы были въ епископы, а ученики ихъ въ санъ пресвитеровъ и діаконовъ. Замѣтимъ, что послѣднее извѣстіе Италіанской Легенды, т. е. о посвященіи обоихъ Славянскихъ Апостоловъ въ санъ епископовъ въ это именно время, и будто бы въ благодарность за перенесеніе въ Римъ мощей св. Климента, составляетъ единственный, относящійся собственно къ жизни Славянскихъ Апостоловъ фактъ, который не находитъ для себя объясненія въ Славянскомъ Житіи Кирилла. Наконецъ, послѣднюю часть Италіанской Легенды (§ 11 и 12) составляетъ разсказъ о кончинѣ и погребеніи св. Кирилла. Этотъ разсказъ почти съ начала до конца есть буквальный переводъ XVII-й т. е. послѣдней главы Славянскаго Житія. Формальный излишекъ противъ него въ Италіанской Легендѣ составляетъ одна лишь реторическая амплификація просьбы Римскихъ епископовъ къ папѣ объ оставленіи въ Римѣ раки съ тѣломъ св. Кирилла и просьбы самаго Меѳодія о дозволеніи взять ее съ собой, согласно съ завѣщаніемъ матери.

Такимъ образомъ Италіанская Легенда, какъ основанная главнымъ образомъ на Славянскомъ Житіи Кирилла, за исключеніемъ вышеуказаннаго извѣстія о посвященіи обоихъ братьевъ въ епископы, извѣстія, которое, какъ извѣстно, находится въ противорѣчій какъ съ Паннонскими Житіями, такъ и съ другими памятниками, и слѣд. требуетъ критиче-

скаго разсмотрѣнія, говоримъ, Италіянская Легенда къ общей суммѣ свѣдѣній о жизни Кирилла, сообщаемыхъ намъ Славянскимъ его Житіемъ, не прибавляетъ ровно ничего. Теперь скажемъ нѣсколько словъ и сдѣлаемъ общіе выводы о методѣ, которой слѣдовалъ ея составитель при сокращеніи Славянскаго Житія. Эта метода совершенно одна и таже, какую употребляли составители позднѣйшихъ кратчайшихъ житій, выбранныхъ ими изъ житій редакціи древнѣйшей и пространнѣйшей. Съ перваго взгляда въ подобныхъ случаяхъ иногда представляется, что кратчайшая редакція сообщаетъ что-то новое, отличное отъ извѣстій, находящихся въ редакціи полнѣйшей, на которой она основана, и по мѣстамъ полнѣе ея; а при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что позднѣйшій, а иногда и современный, сократитель, ровно ничего незная новаго о рассказываемомъ событіи, только перифразировалъ, сокращалъ, по своему видоизмѣнялъ, а иногда украшалъ и дополнялъ собственными чисто-логическими соображеніями и размысленіями рассказъ своего источника. Точно тоже видимъ и въ Италіянской Легендѣ. Почти на половину она есть буквальный переводъ Славянскаго Житія, и Кириллова сказанія о перенесеніи мощей св. Климента; а во всемъ остальномъ, за исключеніемъ выше-указанныхъ мѣстъ, мы видимъ или сокращеніе и изложеніе въ общихъ положеніяхъ того, что въ Славянскомъ Житіи рассказывается подробно, или реторическое распространеніе и видоизмѣненіе его показаній, или же наконецъ чисто-логическіе выводы, сдѣланные авторомъ разсматриваемаго памятника на основаніи общихъ соображеній о событіяхъ, либо на основаніи извѣстій, читающихся въ Славянскомъ Житіи иначе, но по своему понятыхъ сократителемъ. Говоримъ все это потому, что это ведетъ однакожь иныхъ изслѣдователей жизни Славянскихъ Апостоловъ къ разнаго рода недоразумѣніямъ, какъ то: заста-

вляеть находить между Славянскимъ Житіемъ и Италянскою Легендой противорѣчія, которыхъ вовсе не существуетъ, отыскивать въ ней относительно жизни Славянскихъ Апостоловъ будто бы новыя данныя, которыхъ тамъ вовсе нѣтъ, и которыя именно имѣють значеніе частію историческихъ, частію логическихъ выводовъ, какіе сталъ бы дѣлать современный сократитель Славянскаго Житія Кирилла, какъ и всякаго другаго памятника, на основаніи въ немъ же самомъ заключающихся свѣдѣній, на основаніи общаго хода событій и т. п. Для примѣра возьмемъ въ разсмотрѣніе самое важное мѣсто въ обоихъ памятникахъ о посольствѣ Моравлянъ и о дѣятельности Апостоловъ въ Моравіи ⁽¹⁾, замѣтивъ предварительно, что какъ по внѣшнему объему, такъ и по обилію фактовъ рассказъ объ этомъ Славянскаго Житія въ четыре раза полнѣе рассказа Италянскою Легендой, и что мы, разумѣется, будемъ говорить о тѣхъ показаніяхъ, которыя есть въ томъ и другомъ сказаніи.

Въ самомъ началѣ этого рассказа, въ Италянскою Легендѣ, дошедшій до Ростислава слухъ о томъ, „что сдѣлано Философомъ въ странѣ Хозарскою“, представляется причиною, по крайней мѣрѣ поводомъ къ посольству, отправленному въ Константинополь славянскимъ Княземъ. Въ Славянскомъ Житіи между тѣмъ о причинѣ посольства не говорится ни слова; поэтому указаніе Италянскою Легендой можетъ представиться извѣстіемъ самостоятельнымъ, какъ и дѣйствительно понимаютъ это нѣкоторые изслѣдователи. А между мѣмъ приведенная фраза употреблена въ Италянскою Легендѣ только для логической, или точнѣе для реторической связи послѣдующаго съ предыдущимъ, гдѣ именно

(1) Житіе Кир. Гл. XIV-XV. Ит. Легенда § 7.

говорится о результатах дѣятельности Кирилла у Хозаровъ, и основана на общихъ соображеніяхъ о событіяхъ. Въ слѣдующихъ за тѣмъ строкахъ, по Славянскому Житію, Ростиславъ предъ отправленіемъ посольства „свѣтъ сътвори съ князи своими Моравляны“. Это извѣстіе разумѣется даетъ право заключать, что посольство въ Константинополь было не отъ одного Ростислава, но въ немъ принимали участіе и другіе славянскіе князья, что подтверждается Славянскимъ Житіемъ Меодія, свидѣтельствомъ Нестора и проч. Составитель Италіанской Легенды, приведенное извѣстіе Славянскаго Житія перифразировалъ такимъ образомъ: „Ростиславъ, посовѣтывавшись съ народомъ своимъ“ и т. д... Последняя фраза употреблена авторомъ Италіанской Легенды очевидно для краткости. А между тѣмъ она подала поводъ къ спорамъ, какъ самостоятельное извѣстіе, и нѣкоторые ученые на основаніи ея стараются доказать, что посольство было отъ одного Ростислава. Далѣе, въ Паннонскомъ Житіи передается извлеченіе изъ письма Ростислава, который пишетъ къ Императору: „учителя не имамы такового, иже ны бы въ свой языкъ истинную вѣру христіаньскую сказалъ“. Это мѣсто, очень важное при рѣшеніи вопроса о томъ, за чѣмъ именно были вызваны въ Моравію, и что тамъ дѣлали Славянскіе Апостолы въ первые три года,—мѣсто совершенно ясное въ связи съ послѣдующимъ разсказомъ славянскаго біографа Кирилла, въ Италіанской Легендѣ передано такимъ образомъ: „Мы, говоритъ Ростиславъ, не имѣемъ такого учителя, который бы научилъ ихъ *читать* и совершенному закону“, и за тѣмъ опущено все, что въ Славянскомъ Житіи далѣе говорится о разговорѣ Кирилла съ Императоромъ. Выраженіе *читать* очевидно употреблено здѣсь сократителемъ Славянскаго Житія во первыхъ на основаніи общаго соображенія, что для приготовленія священнослужителей

Славянскіе Апостолы должны были прежде всего собрать дѣтей, и учить ихъ читать по Славянски, во вторыхъ потому, что въ Славянскомъ Житіи относительно дѣятельности Кирилла въ Моравіи именно говорится между прочимъ далѣе (XV.), что онъ, собравъ учениковъ „выдасть ихъ учить“. Дѣло такимъ образомъ объясняется очень просто, и свидѣтельство Италіанской Легенды при рѣшеніи вышеупомянутаго вопроса принимать въ расчетъ какъ что то новое, было бы очень странно. Между тѣмъ Гинцель на основаніи приведенной фразы *ad legendum*, въ своихъ видахъ, старается доказать, что дѣятельность Апостоловъ въ первое пребываніе ихъ въ Моравіи ограничивалась только обученіемъ дѣтей чтенію и письму.

Приведемъ еще примѣръ: слова славянскаго біографа о прибытіи Апостоловъ въ Моравію: „съ великою чьстію пріетъ его (Кирилла) Растиславъ (XV)“ сочинитель Италіанской Легенды распространилъ и украсилъ такимъ образомъ: „когда же съ Божіею помощію они (Апостолы) пришли въ тѣ страны, то жители мѣста того, узнавши о приходѣ ихъ, очень обрадовались, ибо слышали, что они *принесли съ собою мощи св. Климента и Евангеліе, переведенное упомянутыми философами на ихъ языкъ*“... и т. д. И такъ въ Италіанской Легендѣ сообщаются здѣсь повидимому два совершенно новыхъ извѣстія, т. е. во 1-хъ о принесеніи Апостолами въ Моравію мощей св. Климента, и во 2-хъ о принесеніи туда готоваго уже Евангелія. Между тѣмъ первое указаніе основано на простомъ соображеніи, что мощи Климента, перенесенныя впоследствии Апостолами изъ Моравіи въ Римъ, разумѣется прежде взяты были ими въ Моравію, о чемъ сочинитель Италіанской Легенды считалъ нужнымъ упомянуть, какъ о предметѣ, составлявшемъ главную цѣль его разказа; что же касается до извѣстія о принесеніи въ Моравію готоваго уже Евангелія,

то это извѣстіе есть выводъ изъ предыдущаго мѣста Славянскаго Житія, гдѣ именно говорится, что Кирилль еще въ Константинополь началъ переводить Евангеліе. Вотъ почему въ спорѣ о томъ, окончилъ ли св. Кирилль переводъ Евангелія, бывши въ Константинополь, или это сдѣлано имъ уже по прибытіи въ Моравію, по нашему мнѣнію нельзя брать въ расчетъ приведенное извѣстіе, какъ самостоятельное свидѣтельство, что дѣлаеть Гинцель, когда говоритъ противъ мнѣнія объ окончаніи перевода Евангелія Кирилломъ уже въ Моравіи (р 37). Въ дальнѣйшемъ разсказѣ, въ Славянскомъ Житіи подробно говорится объ учрежденіи Апостолами въ Моравіи славянскаго богослуженія: „вскорѣ же весь црковный чинъ приѣмъ, научи е утрьници и часовомъ и вечерни и павечерници и таинѣи службъ (литургіи)“..., и потомъ исчисляются подробно заблужденія, которыя они нашли у Моравцевъ. Въ Италіанской Легендѣ все это передано краткою фразою: „начали (Апостолы) устроить церковныя службы, (officia ecclesiastica), и истреблять заблужденія, которыя нашли въ народѣ“. Здѣсь извѣстіе объ учрежденіи церковныхъ службъ (т. е. какія именно учреждены были службы) въ связи съ Славянскимъ Житіемъ совершенно ясно: очевидно, что сократитель его не хотѣлъ исчислять подробно ни службъ, ни заблужденій, а употребилъ общую фразу. Между тѣмъ Гинцель, на основаніи указаннаго мѣста Италіанской Легенды, старается доказать, что братья въ первое пребываніе свое въ Моравіи вовсе не учреждали никакихъ церковныхъ службъ, а установили только одни **часы**, давая такое именно толкованіе вышеприведенной фразѣ: „officia ecclesiastica.“⁽¹⁾

(¹) Geschichte der Slavenap. Ginz. р. 40 и 41. Замѣтимъ, что Гинцель здѣсь обращается даже съ своимъ собственнымъ

Въ другихъ мѣстахъ своего разказа о св. Кириллѣ, сочинитель Италіянской Легенды дѣйствовалъ по той же самой методѣ, т. е. тамъ, гдѣ не выписывалъ буквально, показанія Славянскаго Житія онъ сокращалъ, перифразировалъ, распространялъ, украшалъ, или дополнялъ собственными соображеніями. Всего удивительнѣй, что сократитель, за исключеніемъ вышеупомянутаго единственнаго извѣстія, не передаетъ намъ никакихъ своихъ собственныхъ свѣдѣній даже относительно пребыванія Апостоловъ въ Римѣ, т. е. свѣдѣній, относящихся собственно къ жизни Славянскихъ Апостоловъ; а отсюда невольно рождается сомнѣніе, дѣйствительно ли Италіянская Легенда писана современникомъ Кирилла, т. е. епископомъ Гавдерикомъ, по крайней мѣрѣ дѣйствительно ли онъ былъ въ Римѣ во время пребыванія тамъ Славянскихъ Апостоловъ, и указаніе славянскаго біографа Кирилла о епископѣ *Гондрицѣ* (XVII) можно ли

привиллигированнымъ источникомъ слишкомъ не добросовѣстно; онъ намѣренно выпустилъ изъ виду не только другія указанія Италіянской Легенды, но и то обстоятельство, что слово *officium*, которое онъ переводитъ словомъ *часы*, стоитъ въ числѣ множественномъ *officia*; а въ этой формѣ это слово ужь никакъ нельзя перевести словомъ *часы*. И такъ въ этомъ случаѣ, даже съ точки зрѣнія Гинцеля, за нимъ остается одно, придуманное имъ по особенному способу, доказательство, именно, что Апостолы безъ дозволенія папы и пассавскаго архіепископа не рѣшились бы, и не должны были осмѣлиться учредить славянскую литургію, какъ будто имъ и нужно было это дозволеніе, когда на ихъ сторонѣ былъ самъ князь. А какъ дѣйствовали въ подобныхъ случаяхъ славянскіе князья видно изъ извѣстія Славянскаго Житія Меѳодія о Святоподкѣ, который въ 874 году прогналъ изъ своей земли всѣхъ латинскихъ священниковъ, во все не обративши вниманія на то, поправится ли это Апостольскому Престолу.

относить именно къ нему? Если бъ это было такъ, то Гавдерикъ во все не было бы нужды буквально переводить изъ Славянскаго Житія напр. находящійся въ немъ разсказъ о кончинѣ и погребеніи Кирилла, какъ это дѣйствительно видимъ въ Легендѣ. Во всякомъ случаѣ все, сказанное нами объ отношеніи Италіянской Легенды къ Славянскому Житію Кирилла, надѣмся, доказываетъ, какъ важно было бы для науки, еслибы кто изъ знатоковъ славянской древности взялъ на себя трудъ подробнаго критическаго разсмотрѣнія ея въ связи съ послѣднимъ памятникомъ,—какъ это напримѣръ сдѣлано Добровскимъ съ Легендою Моравской. Мы увѣрены, что тогда изслѣдователямъ жизни Кирилла и Меѳодія не было бы нужды примирять ея мнимыя quasi-самостоятельныя показанія съ показаніями напр. Паннонскихъ Житій и другихъ памятниковъ, объяснять протіворѣчія, дѣлать разныя, совершенно излишнія, оговорки, дополненія и проч., что все теперь такъ много занимаетъ мѣста въ изслѣдованіяхъ объ эпохѣ Кирилла и Меѳодія и о нихъ самихъ. Тогда даже стали бы рѣдко упоминать и приводить ея свидѣтельства, какъ теперь, послѣ разбора Добровскаго, рѣдко ссылаются на Моравскую Легенду, такъ же когда-то пользовавшуюся большимъ авторитетомъ.

Послѣ всего сказаннаго, мы не знаемъ, нужно ли говорить о другомъ вышеприведенномъ предположеніи автора изслѣдованія „О времени происхожденія славянскихъ письменъ“, сдѣланномъ имъ для объясненія сходства между Италіянскою Легендою и Славянскимъ Житіемъ Кирилла,—предположеніи, по которому не послѣднее послужило основаніемъ для первой, а наоборотъ Славянское Житіе могло быть распространеніемъ сказанія Латинскаго, приписываемаго Гавдерикъ, и дополнено лишь второстепенными свѣдѣніями

о томъ, что заключалось уже въ разсказѣ Гавдерика. Намъ кажется, что это предположеніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ выдержать соперничества съ предъидущимъ предположеніемъ тогоже автора. И во первыхъ, исходя изъ того положенія, что Славянское Житіе писано ученикомъ Славянскихъ Апостоловъ, который разумѣется зналъ жизнь своего учителя лучше Гавдерика, ужь конечно нельзя придти къ тому заключенію, чтобы этотъ ученикъ, Климентъ, или другой кто, для изображенія жизни своего учителя имѣлъ нужду, и взялъ въ пособіе такой сухой и тощій очеркъ жизни св. Кирилла, какимъ представляется въ сравненіи съ Славянскимъ Житіемъ Италіянская Легенда; — тѣмъ менѣе вѣроятно, чтобы онъ сталъ повторять буквально свѣдѣнія, заключающіяся въ этомъ очеркѣ. Если автору Славянскаго Житія извѣстны были относительно жизни Кирилла даже мелкія подробности, то онъ разумѣется знакомъ былъ съ общими ея фактами, которые передаются въ Италіанской Легендѣ. Но забудемъ это обстоятельство и будемъ судить по одному содержанію свѣдѣній, заключающихся въ томъ и другомъ памятникѣ, и по общему впечатлѣнію, какое они производятъ на читателя. Въ этомъ отношеніи, съ одной стороны прежде всего бросается въ глаза необыкновенная полнота, необыкновенное обиліе фактовъ, заключающихся въ Славянскомъ Житіи, представляющемъ полную картину жизни Кирилла отъ его рожденія до кончины, со всѣми даже мелочными подробностями; съ другой стороны изложеніе только общихъ фактовъ, отсутствіе подробностей и вообще сравнительная скудость свѣдѣній, передаваемыхъ Италіанскою Легендою, которая въ пять разъ меньше Славянскаго Житія какъ по внѣшнему объему, такъ и по общей суммѣ извѣстій. Съ одной стороны мы слышимъ разсказъ живой, безыскусственный, основанный на самомъ близкомъ знакомствѣ съ повѣствуемымъ, и явно идущій

изъ первыхъ рукъ, — рассказъ, чуждый всякихъ поэтическихъ и риторическихъ украшеній, а равно и собственныхъ размышленій автора, что все обыкновенно является за недостаткомъ фактическихъ свѣдѣній повѣствователя о событіяхъ; съ другой, т. е. въ Италіанской Легендѣ, какъ выше замѣчено было, видимъ все это на оборотъ. И во первыхъ здѣсь вовсе не видно близкаго знакомства автора съ предметомъ его разсказа; по мѣстамъ встрѣчаются риторическія распространенія, украшенія, а самый разсказъ носить на себѣ отвлеченный колоритъ. Систематическая строгость и порядокъ разсказа также показываетъ, что тутъ работала голова на основаніи данныхъ матеріаловъ. Кромѣ того, какъ показало сличеніе, авторъ въ первой половинѣ своего разсказа, гдѣ говоритъ объ открытіи мощей св. Климента, воспользовался рукописнымъ источникомъ, т. е. сказаніемъ Кирилла объ этомъ событіи, выписавъ изъ него многое буквально. Далѣе, вторая, большая, половина разсматриваемаго памятника находится въ близкомъ отношеніи съ Славянскимъ Житіемъ Кирилла, такъ что заимствованіе однимъ у другаго, какъ выражается авторъ изслѣдованія о времени происхожденія славянскихъ письменъ, яснѣе солнечнаго дня. При такомъ положеніи дѣла намъ кажется не трудно выбирать между заключеніями, кто у кого заимствовалъ. Ясно, что полнѣйшее сказаніе служило основаніемъ кратчайшаго, т. е. Италіанская Легенда основана на Славянскомъ Житіи.

Но здѣсь мы должны сдѣлать оговорку: сейчасъ высказанное нами положеніе, что изъ двухъ сказаній, которыхъ близость другъ къ другу доходитъ до буквального сходства, полнѣйшее должно служить основой для кратчайшаго, — это положеніе, какъ извѣстно людямъ, знакомымъ съ тѣмъ родомъ памятниковъ, къ числу которыхъ принадлежать разсматриваемые нами, не всегда оказывается вѣрнымъ: случается часто,

даже большею частью, совершенно на оборотъ, т. е. кратчайшее сказаніе служить основаніемъ полнѣйшаго. Въ такомъ другъ къ другу отношеніи находятся большая часть средне-вѣковыхъ сказаній о жизни святыхъ: въ первоначальной ихъ редакціи мы находимъ только общіе факты; въ позднѣйшихъ же являются подробности, все болѣе и болѣе накопляющіяся съ теченіемъ вѣковъ. Для примѣра укажемъ на взаимныя отношенія разныхъ сказаній объ извѣстной Кельнской Святой, Урсулѣ. Да и между позднѣйшими сказаніями о Славянскихъ Апостолахъ есть такія, въ которыхъ о разныхъ случаяхъ въ ихъ жизни передается больше подробностей, нежели въ Паннонскихъ Житіяхъ, хотя по всему ясно, что основой этихъ подробностей служили извѣстія, сообщаемыя послѣдними памятниками. Само собою разумѣется, что въ подобныхъ случаяхъ подробности, передаваемыя въ позднѣйшей редакціи сказанія вовсе не составляютъ новыхъ историческихъ данныхъ, а суть только поэтическое развитіе фактовъ, заключавшихся въ общихъ чертахъ въ первоначальной редакціи того же сказанія, украшеннаго впоследствии поэтическими вымыслами и преданіями. Казалось бы, что подобнаго рода объясненіе можно приложить и къ отношеніямъ Славянскаго Житія Кирилла къ Италіанской Легендѣ. Но на такое объясненіе согласиться никакъ нельзя; потому что въ этихъ отношеніяхъ нѣтъ ничего аналогическаго съ тѣми литературными явленіями, о которыхъ сказано было выше. Въ Славянскомъ Житіи не только передаются подробно тѣ свѣдѣнія, о которыхъ говорится въ общихъ чертахъ въ Италіанской Легендѣ; но кромѣ того разсказывается множество событій изъ жизни Кирилла совершенно новыхъ, о которыхъ тамъ нѣтъ и помину. Таковы извѣстія о воспитаніи Кирилла, подробности о его путешествіи къ Сарацинамъ, о предіяхъ въ Хозаріи и въ Венеціи, и вообще о его служеніи до Моравской миссіи; таково наконецъ извѣстіе

объ изобрѣтеніи славянской азбуки. Съ другой стороны, внутренней характеръ Славянскаго Житія, характеръ чисто историческій, а отнюдь не поэтическій, о чемъ мы уже говорили, никакъ не можетъ благопріятствовать подобному заключенію. Не забудемъ при этомъ, что оба разсматриваемые памятники современны другъ другу, а выше объясненныя отношенія существуютъ обыкновенно между памятниками, раздѣленными между собою однимъ, или нѣсколькими столѣтіями. Впрочемъ, если угодно, эти отношенія дѣйствительно существуютъ между разсматриваемыми памятниками, но только совершенно въ обратномъ смыслѣ; т. е. не Славянское Житіе есть развитіе Латинскаго, а на оборотъ, какъ уже замѣчено было, Латинское, по мѣстамъ, есть развитіе Славянскаго. Доказательствомъ могутъ служить тѣ случаи, гдѣ сократитель взятая имъ изъ Славянскаго Житія свѣдѣнія дополняетъ собственными соображеніями и объясненіями въ родѣ напр. того, какое читаемъ въ первыхъ же строкахъ Италіанской Легенды, гдѣ авторъ ея объясняетъ читателю (и нужно замѣтить—даже невѣрно), почему Кириллъ прозванъ Философомъ, или въ родѣ тѣхъ мнимо-дополнительныхъ свѣдѣній, на которыя мы указали выше.

Послѣднее обстоятельство, т. е. что Италіанская Легенда по мѣстамъ представляется полнѣе Славянской, и потомъ передаетъ дѣйствительно нѣсколько новыхъ данныхъ, которыхъ нѣтъ въ послѣдней, именно о преемствѣ папъ, о общемъ восторгѣ въ Римѣ по поводу принесенія туда мощей св. Климента, и о посвященіи обоихъ братьевъ въ епископы—это обстоятельство, по нашему мнѣнію можетъ служить новымъ доказательствомъ, что Славянское сказаніе не могло быть основано на Латинскомъ; потому что въ противномъ случаѣ Славянскій біографъ Кирилла, обработывая его жизнеописаніе по обширному плану, безъ сомнѣнія

не сталъ бы сокращать свой источникъ, по крайней мѣрѣ не опустилъ бы такого важнаго извѣстія, каково посвященіе братьевъ въ епископы.

Но можетъ быть оба автора пользовались одними и тѣми же источниками, а отсель произошло и сходство ихъ сочиненій? Но гдѣ эти источники? Пока ихъ еще не открыто. Да и трудно надѣяться на что либо подобное. И то и другое сказаніе принадлежать современникамъ Кирилла; а послѣ этого можно ли предполагать, чтобы существовало жизнеописаніе его древнѣе обоихъ разсматриваемыхъ памятниковъ? Притомъ же изъ дѣла открывается, что тамъ, гдѣ оба автора дѣйствительно пользовались однимъ и тѣмъ же источникомъ, т. е. Сказаніемъ Кирилла объ обрѣтеніи мощей св. Климента Римскаго, къ удивленію нашему между произведеніями ихъ мы не находимъ ни малѣйшаго сходства. Что же касается до сходства ихъ въ описаніи Хозарской миссіи Кирилла; то, каково бы ни было по содержанію своему не дошедшее до насъ сочиненіе Кирилла о его путешествіи къ Хозарамъ, это сходство объясняется какъ нельзя удовлетворительнѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣсь сочинитель Италіянской Легенды, какъ будто для того, чтобы не привести въ заблужденіе позднѣйшихъ критиковъ, какъ нарочно держался ближе къ Славянскому Житію Кирилла, выписавъ разсказъ его буквально и не прибавивъ съ своей стороны ни одной черты. Отъ этого никакія другія предположенія для объясненія происхожденія этого мѣста Латинскаго сказанія рѣшительно невозможны. Вотъ почему мы даже на одну минуту не можемъ допустить третьяго предположенія г. Бодянскаго, что Гавдерикъ для значительной части своего сочиненія, какъ и сочинитель Славянскаго Житія Кирилла, пользовался вышеупомянутымъ повѣствованіемъ послѣдняго о его Хозарской миссіи.

Просимъ извиненія у нашихъ читателей, что мы такъ много дали мѣста разсмотрѣнiю взаимныхъ отношенiй обоихъ памятниковъ, и вообще изслѣдованiю такъ называемыхъ Паннонскихъ Житiй Славянскихъ Апостоловъ. Дѣло, надѣемся, стоило того, чтобы подвергнуть его подробному разбору. Во первыхъ на Паннонскiя Житiя досель многiе, преимущественно западные ученые смотрятъ съ какимъ-то подозрѣнiемъ, по крайней мѣрѣ не даютъ имъ полного права гражданства при изслѣдованiи исторiи Кирилла и Меѳодiя, и вообще современной имъ эпохи Славянскаго мiра. (¹)

(¹) Что всего удивительнѣе, даже между отечественными учеными есть такiе, которые совершенно игнорируютъ Паннонскiя Житiя, какъ не стоящiя никакого вниманiя. Укажемъ въ этомъ случаѣ на изслѣдованiе Мюральта о Византийской Хронологiи (*Essai de Chronographie Byzantine. St. Pétersburg. 1853.* Не смотря на то, что до выхода этого сочиненiя въ свѣтъ о Паннонскихъ Житiяхъ было такъ много писано, и на основанiи ихъ многiе факты въ жизни Славянскихъ Апостоловъ обработаны были явче (какъ напр. въ биографiи Кирилла и Меѳодiя Архiеп. Филарета), въ названномъ изслѣдованiи, при хронологическомъ обзорѣ жизни Славянскихъ Апостоловъ (р. 436—463), о Паннонскихъ Житiяхъ едва упомянуто,—если только авторъ, вообще не точный въ указанiи славянскихъ источниковъ, на стр. 463 подъ именемъ Болгарской Легенды разумѣетъ именно Слав. Житiе Меѳодiя, а не другое что. При всемъ томъ однакожь въ этомъ обзорѣ вездѣ указаны источники (и поименованы даже мелочные изъ нихъ) и позднѣйшiе. Мы не говоримъ уже о томъ, что въ обзорѣ, при самой обработкѣ данныхъ въ жизни Слав. Апостоловъ и при приурочиванiи ихъ къ тому или другому году, вовсе не припаты въ соображенiе извѣстiя Паннонскихъ Житiй, и что авторъ вездѣ приводитъ Италiянскую Легенду, какъ основной источникъ для исторiи Кирилла и Меѳодiя.

Во вторыхъ, независимо отъ безотносительнаго значенія этихъ памятниковъ, намъ хотѣлось поставить вопросъ о томъ, какое должны имѣть значеніе сообщаемыя ими историческія данныя въ отношеніи къ показаніямъ Италіанской Легенды, пользовавшейся такъ долго неограниченнымъ авторитетомъ, и это до такой степени, что прежде отвергали, а иные изслѣдователи и доселѣ отвергають, свидѣтельства о томъ или другомъ остальныхъ источниковъ для жизни Кирилла и Меѳодія, не исключая и Паннонскихъ Житій, собственно на томъ основаніи, что не находятъ упоминанія объ этомъ въ Италіанской Легендѣ. Надѣмся, что мы, если и не вполне рѣшили этотъ вопросъ, то по крайней мѣрѣ подвинули его къ рѣшенію. Ясно, что Италіанская Легенда должна сойти съ того пьедестала, на которомъ она стояла доселѣ, (а у нѣкоторыхъ изслѣдователей, напр. въ разсматриваемомъ сочиненіи Гиццеля) стоять и доселѣ), въ ряду другихъ памятниковъ для исторіи Кирилла и Меѳодія, и уступить мѣсто своему прототипу, Славянскому Житію Кирилла. Ясно, что послѣдній памятникъ вмѣстѣ съ Слав. Житіемъ Меѳодія по всѣмъ правамъ должны занять ту роль, которая доселѣ принадлежала Италіанской Легендѣ, и, какъ источники современные событіямъ и удовлетворяющіе вполне всѣмъ требованіямъ исторической критики, должны служить основой при обработкѣ исторіи Славянскихъ Апостоловъ и критеріумомъ для повѣрки показаній всѣхъ другихъ памятниковъ. Ясно такъ же, что съ этимъ вмѣстѣ должны во всей силѣ исполниться вышеприведенныя слова нашего знаменитаго критика (Шлецера), что „эта Исторія, и все принадлежащее къ ней, должна быть исправлена, дополнена и передѣлана по славянскимъ источникамъ.“ Какъ показываетъ все прежде сказанное нами, эта работа уже начата: въ разсматриваемыхъ нами сочиненіяхъ, и въ особенности въ изслѣдованіяхъ Дюммлера

и О. М. Бодянского, многія стороны жизни и дѣятельности Славянскихъ Апостоловъ представлены уже въ другомъ свѣтѣ, нежели какъ это было до открытія Паннонскихъ Житій. Самъ Гинцель, не смотря на свое невѣріе въ нихъ, дѣлаетъ по мѣстамъ уступки ихъ показаніямъ. Будемъ же благодарны и за то, что въ этомъ отношеніи доселѣ сдѣлано.

А. Викторовъ.



В тѣмъ днѣ 1) слово на принесеніе мощей. Преславаго климента. Историческую и моще вѣсѣдову. како хѣю помощію къ д. 2) тысящамъ. т. и. ж. и д. (861 г.) лѣ и зысклши его либею и вѣрно. гакъ и зо 3) и нѣ во в понтѣ во сіа.

(Изъ Макарьевскихъ Четь-Миней, по списку московской синодальной бібліотеки, мѣсяць генварь, подъ 23 числомъ, л. 1081—1083. Варіанты выставлены по списку тѣхъ же Четь-Миней бібліотеки Московскаго Успенскаго Собора.)

Къ шѣрѣтеніе мощей стѣ славаго климента, и радостный шѣразѣ явленіа 4) высокою бесѣдою како оубо сыто блговѣрны. и дѣховны и любящій погашаніе. еше и добры званіемъ шѣдникомъ небаго и славаго словесе в мысленѣ велелѣпніи. постретіе же и подааніе 5) каково рѣстно и зѣщаніе. Ѣгда бо братіе возрихъ оумѣ на коупляюща. и пришѣрѣнникъ любецъ шества а гакѣ се знаменіе печѣно его желаніе и покои шѣ трѣдѣ. и поѣвга желаніе пріимѣ. 6) тогда повѣдають приключивша и по поучи шѣщамъ и вѣдѣ. 7) чадшмъ и пріателѣ. еше и согѣдомъ не трѣдащиса. много оубо лѣтѣ мимошѣши тогда оума и мѣзыка прѣложено и како се кающѣ. 8)

1) 23 генваря. 2) ошибкою вмѣсто: ж—в. 3) За этимъ было написано: всѣ, но потомъ зачеркнуто. Въ Соборномъ спискѣ Мак.Четь—Миней слово всѣ опущено. 4) Въ Соб. спискѣ: явленіа и хъ. 5) Въ Соб. и проданіе. 6) и поѣвга покои желаніа пріимѣ. 7) и братіамъ. 8) касающѣ.

подвигъ ѿмоуще. к начатію. въ єдинъ днь. егда бѣ
 ѿволи ѿвѣстиса стѣмъ. тридесатенъ днь бѣ." ѿноурѣа
 мѣа. нѣцѣи ѿ теплы ѿдоша. пѣсненными пѣніи ѿ
 пристанища ѿходяще мѣтвенѣ пѣ бѣ сице гл҃ящи. не
 ѿврати нѣ посрамлены каменте. вѣрою припадающаа
 къ твоѣмъ гробову стѣи, но ѿ прѣими ракъ ср҃ца при-
 стоупающаа 1) раце твоѣи стѣи. твоѣи моще моласяса,
 ꙗко да блаженны ѿ щедрѣи оуѣлѣчити. ѿ насладитиса стадоу
 твоѣа хри҃змы. б҃гоу дающе вѣрны ѿщѣленіе. мѣтвами
 твоими славне 2) ѿ велію мѣть. Идохѣ же до блаженнаго
 ш҃тока ꙗко єдинъ не ѿлоучи тѣи поуть. не ш҃рѣжемъ
 но пѣніемъ ш҃держимъ ѿвласяса. еда же желанныи
 твои ш҃чокъ прѣ ш҃чима ѿвласяса. пришествіе нѣкоѣ
 твердо добрѣ. 3) напакѣи ѿ 4) наснаго прѣшлѣтїа съ нѣсе
 настоашнѣхъ пѣнде 5). не ш҃ставлаа дерзновенїа нашего
 желанїи. вторѣи же пѣснѣи хотащи начатїе прѣати.
 ѿзг҃лавааи всѣмъ гранеса ш҃нникъ тои именемъ со-
 ламонъ 6). тогда попъ сын ст҃го прокопїа. тоу҃гомъ и
 неоудобнемъ ш҃держима бѣ. послоушаша҃го свѣта
 лишенъ бывъ. и се внезапоу помощїю ст҃го каментѣ.
 разидошася ш҃блаци. просвѣщена же бысть л҃вна про-
 свѣщенъ і҃ дѣръ. ѿ кр҃вѣа еѣ бысть свѣтло сіанїе. е҃же
 ѿ е҃теръ ктѣ видѣвъ. свѣдын моужевѣ подвига. сын 7)
 вкоупѣ на сѣдалци. подвины 8) ѿ прилѣжно послоушааи.
 сїимъ 9) гласѣ абїе возопи. ш҃ о҃че. вѣсть бѣ славно
 просвѣтити бл҃годѣтїю д҃ша. желанїи славаго свѣта
 мѣтвами ст҃го каментѣ. сѣмъ радости вторѣи пѣснѣи
 начатїе славно и не възбранно прѣсвѣщающѣи силѣ. ни.
 како възбранашѣи сотвѣрихомъ 10). бѣ же сице трене-

1) припѣющаа твоѣи стѣи и 2) мѣтвами твоими славне. про-
 пущено. 3) дшеѣ. 4) ѿ—нѣтъ. 5) ѿ пѣнде. 6) соламонъ. 7) сѣи.
 8) пѣвижнѣмъ. 9) послоушашааи ѿ сїимъ. 10) възбранашѣи сотвѣрихомъ.

томъ шдержими ѿ слезами по сей пѣсни къ славному
 штокоу ѿ рацѣ. со архіереѡмъ ѿдохъ. ѿ тоу ѡ-
 крочше ¹⁾ ѿ просвѣщеніемъ достойнъ просвѣщше на
 желанноу землю припаше все оутрѣе хвалословленію нача-
 тие сътвори хѡ. егда же бысть срѣнна пѣснь. ѿскоу-
 шеніе нѣкое ѡ бѣга. на ползоу нѣкимъ оутверженъ в
 вѣрѣ внезапно поуста. ѡблацѣ бѣша гоусты. напа-
 дающіи ѡ ѡжныя страны штока. ѿ видѣвъ архіереи
 нѣкоего ѡ блговѣрнѣ пришѣша дигица ѿмене. тоу
 ѿко худога ²⁾ соуща страна тѣмъ. ѿ сла и ѿскоушати
 шѣ же тои близъ соуща дожа повѣдавъ тогда оубо за
 нешрѣтеніе мѣста. блженныя раки ѿсканіе наченше.
 пѣніе же кондачское пѣти повелѣхѡ. а҃гѣе ѡблачнаа
 гоустыни на сѣверскоу страну зашѣши ѿсно нѣо ѿ
 прозрѣно ѿви. за темность блѣ шчима своїма. звѣзда
 на видѣніе. ѿцелый мощи блженнаго климента. ѿ под-
 виго приотовансѣ. Бѣ оубо сице ѡ опши ³⁾ подвижа-
 ній. егда пѣвецъ четвертое пѣніе поимше. сице в нѣ-
 коемъ мѣсте гла. оубо сокровище не сокровище естъ.
 На свѣщници же свѣ. ѿко свѣтилницѣ нѣкоѣ. звѣзда
 днѣничнаа. ѿвляющисѣ ѡ мощи блженнаго климента,
 ребро нѣкое начатіе сотвори, в печаліи намъ същемъ.
 зане мно чѣ пренде. ѿ ничтоже ѿвнѣ имѣлахѡ оубо
 шчи же ѿ оумъ, шбо къ вѣоу возводащѣ ⁴⁾. шбо ко
 стѣки той рацѣ. ѿмоущіе шестѡ на. і. е пѣніе поимше
 сице. в нѣкоѣ мѣсте ѿмоущоу. хранит ко кости пра-
 венъ ѿко поеть възпѣвае ⁵⁾ двѣз в пѣнѣи восіа на
 стѣа ѿ преславнаа глава. пресловоущаго климента ѿже
 ѿ нѣкто видѣвъ первоимы. ѿ ѿ сын ⁶⁾ естъ повѣстникъ.
 а҃гѣе блженны гла ⁷⁾ возпн. радоуштеса шци и братіе ⁸⁾

1) шкрѡтчше. 2) худогѣга. 3) ѡбщемъ. 4) возводаще. 5) възпѣваѣ.
 6) ѿ сѣ. 7) глашѡ. 8) брѣа.

ѡ гдѣ. пакѣ рекѣ радоуитѣ се бо блаженнаго глѣва.
ѡко же снѣце свѣтло. ѡ глаубины аѣа во сіа намз. смѣ
же гла слышавше. внезапоу весели быше. хвалноу пѣ
бгѡу возсылахоу. ѡ нѣны во стоу ракоу взирающе ¹⁾. ѣ
ѡко на негнкоущее богаство ²⁾ собирающеса. ѡ рѣемѣ
хотаще лобзати ли видѣти. свѣтлыа тыа и висерошѣра-
ныа моцѣн и дахоу. ѡ се бо веліе имз бѣ ѡ на стѣны
довоно. ѣ поне лицекосновеніемз ³⁾ тѣ просвѣтити.
ѣгда дѡвное веселіе ⁴⁾ преславны блгѡуханіемз вса озари
и возвесели. акіе ѡ пренеподнѣ ѡ пршчѣ оудовь сохр-
ненѣ свѣтлыа на звѣзды восіаша ⁵⁾ сами оубо стѣни
роуцѣ со блаженныа стегнама. ѡ вса содержаща оуды.
ѡ ѡко на смысленѣ твердѣ и нѣни дшѣвнѣ. вса соби-
рающа си. ѡ достойны пристоупаніе. лица вѣрны оукра-
шающе. абіе найпослѣ же анкѡрско явленіе. токмо
не гла гла поуцающѣ ѡко подовае по чиноу. блаженѣ
явнѣща оудѡ ѣже тѣвше свойствѡ. сохрненѣ соущи
своею твердшестію. абіе же крѣпко ѡ шѣще пѣніе хвално
быти. ѡ до малыхъ кровуцѣ оукрашенны ⁶⁾. ѡ неа
славословіе же вѣіе непрестанно бы всю ноцѣ. до по-
добнаго часа бескверныа жрѣтвы ѡ приношеніа хѣ бгѣ
нашего. мало нѣкыи безмолзствовавшѣ. за подобіе
тоа слоубы. ѣ ѡ сотвори прѣбныи архіереи. в корабль
блаженноу ракоу на главѣ носѣ. с нѣкыи вѣрныи
соущи тоу возложи. весь гра херсонескз. сз сѣ
хвалословестіемз поуть начинае. возмѣте нѣе всѣ
языци ѡкоже древле четверочастноу скнїю. вѣіи
херсоньскыи соборе. ѡ стго нѣе раков. ѡко зовоущіе
всѣ поущѣ ѡ конецъ мира на вѣіе празнїкствѡ. ѣгда
ѡстоупиша ⁷⁾ ѡ отока. ѣлко. і. стадин блгѡлювецъ кнзѣ

1) взираахоу. 2) богаство. 3) лицекосновеніе. 4) видѣніе.
5) восіавши. 6) оуброшенны. 7) ѡстоупивше.

градскіи. ѿ съ нѣкыиыи вѣрными. ѿ моудрыи моужи шербѣтшииыса тогда тоу. подобно стрѣтеніе ¹⁾ сотвори. не пещно шествіе к намъ повѣда ²⁾. ꙗвлѣа за мнѡство свѣщъ, ѿ се пѣніе поущѣ ³⁾ соущаа ѿ стѣнъ рацѣ ракоу ѡбидемъ оубо. ꙗко кивота носѣще. не ꙗко ⁴⁾ моусеа днѣ в рацѣ. но ꙗвѣа потопляющаа лествѣ невидимаго врага. пѣв же с нами ѿ с похвалы ⁵⁾ ѡтока оученіа ⁶⁾ ѿ со тшаніемъ тогда вниде во градъ. ѿ срѣченіе достоинно. приготова ѿ сотвори. любзавшоу же ѣмоу блженноу ракоу. молаше взати ю. ѿ на занѣмъ столѣ града. тѣмъ созанѣмъ тогда стго климента. Положити ю в мало время. ѿ тоу слово преношенію почести послѣдшавше ѣго. поставихомъ ракоу тоу. пакѣ вторицею молашесѣ въ храмъ стго созонта донести ѣго по стѣнѣ града. близъ забрѣа соущоу занѣ вѣ вѣчѣ. множество же много притекаше. ꙗко не оудобъ ⁷⁾ донести на мѣсто блженноу. ракоу. в первоу же стражоу ноци безмолвию бывшию въше архіереи с нѣкыиыи вѣрными преславноаго климента. в двѣ стго левнтіа прѣложи. ѿ тоу соборѣ бывшоу всенощное пѣніе повелѣніе архіерешъвыиыхъ бысть. дополоущи ⁸⁾ оубо моужескомъ полѡ. а ѡ полоущи до оутра черноризицами ѿ блговѣрными женами. ѡбычанъ такъ соущъ вѣрными тѣми до скончаніа. Потомъ же всенощнѣ пѣніи литіа нѣкаа вселѣска заоутра в тѣ цркви собравшесѣ. ѿзыде по всемоу градоу. в немъ же вѣ видѣти всакого члѣка. ѿ всака ѡбразъ вѣрнѣ вселѣска ѿ слезащъ ѿ ѿграющаа дховно доушею же ѿ тѣло ѿ неизгланною радостію радующесѣ. не вѣ вь разоучити ли размотрѣти старости за оутрѣтвомъ.

1) стрѣтеніа 2) не пещно свѣтеніе намъ ѡгнѣ повѣда. поущаа. 3) 4) вслѣш. 5) ѿ с похваля. 6) оученіе. 7) не дшбъ. 8) двѣ полоущи.

радованныи шѣбразнымъ шествіа богатыа и ницаа. баѣородныа и простородныа. но вси и вса вкоупѣ. съ дерзновентѣ забывше всакоу напастѣ. съ стѣми моцми славнаго климента весь граѣ шѣншѣше. въз соборноу цркѣвь прїишоа. и егда в первыа дѣвери хоташе вни- ти стѣи климентъ. славныи причетъ со архїерешѣмъ. тако ѣднении ѣсты баѣгодно. се аѣте пѣтте начѣ ¹⁾. прїими просѣщника сїнныа цркѣви. тебе просѣщающаа климен- та стѣго и славна днѣ. ѣвнбоса богатство прѣстѣа дряжава. ѣако с петрѣмъ и павломъ сподобилъ слѣво прїати- тѣиже и прехода конца земли. радостїю скончалъ. и в херсонѣ възлюбилъ га во истинѣ и ²⁾ спасаѣ таа достоинно сего почѣсти ѣако поданша вѣрныа велїа мїлѣть. Тоу стѣмоу прїношенїю бѣвшоу. и стѣми моцми вѣдоу сїише ³⁾ и тоу прѣсѣщентѣ прїимъ равнѣ. ѣако вѣ шю не мнѣ послѣужѣ- ше. во своа дома с похвалою возвратишася. баѣаще баѣ ш семъ дарѣ велнцѣмъ и баѣгодѣти нѣнѣи. сице оубѣо ш братїе. нескоудноѣ богатство баѣженныа моцен. слав- наго климента ѣвнено бѣвшѣ. достоинѣоу хвалоу ѣако ш словеснаа ѣстѣства содѣтелеви еѣго славеси вѣїю. слѣвомъ вѣ миръ. прѣзѣнѣственъ днѣ. свѣтлыа и слав- ныа памяти еѣго. достоинѣо сотворяща. и градѣща вх мѣ вѣры. ш бѣга оупованїѣ. ѣако настоаща ⁴⁾ ѣзрїмъ. мы во еѣсмы сїа вина. илже са еѣсмы лишнн еѣго но некли возникнѣ. баѣнъ бо граѣ ншѣ. сице намъ соупѣ. и прѣтивныа шгонашимъ ⁵⁾ ѣвнѣса. ѣ баѣжен- ныи соборе прїшедыи в тѣи днѣ к рацѣ прѣславнаго климента, ѣако ш земля дрѣгое слнѣе. прѣславнѣо во- ставше оупрѣвѣ. ш баѣжнныа моужѣ несоумненно оупованїѣ.

1) Было написано: начинаѣ. 2) и—нѣтъ. 3) ѣсѣише. 4) на- стоаща. 5) шгонашемъ.

не ѿзнемогшее начати. ѿ на свѣтъхъ принести. таковыи
славныи превзимающій даръ. ѿ рѣки прѣчьскыи видѣнїе.
клящамъ оуподобавшеся. страшныи игли мощи камен-
товыи прїимша. ѿ блаженныи соборе всекого. възраста-
рѣ совокоупльса, ѿ всеславныи стын днь. пренесенїа ¹⁾
мошемъ славнаго каменѣа сотвори. ѿ пресловоущий ѿ
преславне ²⁾. ѿ прѣ всеми ѿ надо всеми каменѣе
давыи намъ стын сын днь явленїемъ твоѣи мощей. не
погрѣмалъ ѿ давно вжагающаго нашего зпованїа. но,
себе вдавъ неключїи нами ѿ непотребныи роукыи наши-
ми ѿзысканъ. ѿ явленъ быти. ѿ желаннаго сокровища
богато насытитися. боудїи ѿ намъ чѣщїи та днесь.
мысленїи даръ датель незавидливъ ³⁾ влнстанїицися ѿ
ѿстекающїи мыслено шзаренїе ш красныа ⁴⁾ твоѣа раки.
да дшевныи ѿ теленыхъ стѣтен. ѿ всехъ противнїи при-
ложенїи ѿзбавлѣми. иглыи прѣчьскыи ѿ твоѣи мощей.
да сподобимся насладитися ѿ еще. ѿко ш сада растоу-
ща ѿ цвѣтоуща. все земно наслаженїе мысленаго сеад
бжїа мышленїа да тѣми великыи дарми. нападѣми ѿ
хранили. всеко смощенїе ѿ силъ противнаго поправше
ѿ потребавше преславноую твою память ликоствоуе.
радоущеся оукрашаемн ⁵⁾ ѿ всекоа доброты ѿсполнѣ-
ми. ѿ ивномоу црѣвїю неоуклонно. да оутверженн боудѣ.
батїю явльшагося днѣ. свѣтло творцаа придно. чѣтное
твое стое явленїе мощей твоѣи. хѣ истиннаго ба нщѣ.
со шщѣмъ ѿ со стѣмъ дхомъ ннѣ ѿ в бесконечныа вѣки
вѣкѣо амин.

1) прїнесенїи. 2) ѿ преславныи каменѣе. 3) незавїстени. 4) ѿ
красныи. 5) оукрашаїмъ.

ЖИТИЕ И ПЕРЕНЕСЕНИЕ

(МОЩЕЙ)

СВ. КЛИМЕНТА.

Изъ рукописи Франциска Дюшена V. CL.

(Рукопись Московскаго Публичнаго (Прежде-Румянцевскаго)
Музея, № 151, л. 29-34.)



1. Тогда какъ императоръ Михаилъ управлялъ Новымъ Римомъ, былъ вѣкій благородный мужъ, родомъ изъ Θεσσαλονικίи, именемъ Константинъ, котораго за чудесный умъ, съ малолѣтства въ немъ открывшійся, не напрасно прозвали Философомъ. Достигну зрѣлыхъ лѣтъ, онъ привезенъ былъ родителями въ столицу. Тамъ, какъ мужъ весьма благочестивый и благоразумный, Богу изволившу, украсился священническимъ саномъ. Въ то же время къ упомянутому императору прибыли послы отъ Хазаровъ,

Vita cum Translatione S. Clementis.

Ex Ms. Francisci Duchesne V. CL.

(Acta Sanctorum Bolland. Martii Tom. II. p. 19-21.)

1. Tempore igitur quo Michael imperator Novae-Romae regebat imperium, fuit quidam vir nobili genere, civitate Thessalonica ortus, vocabulo Constantinus, qui ob mirabile ingenium, quo ab incunte infantia mirabiliter claruit, veraci agnomine Philosophus est appellatus. Hic cum adolevisset, atque a parentibus fuisset in urbem regiam ductus, essetque insuper magna religione et prudentia praeditus, honorem quoque sacerdotii ibidem, ordinante Domino, est adeptus. Tunc temporis ad praefatum imperatorem Cazarorum legati venerunt,

прося и моля, да пошлетъ къ нимъ ученаго мужа, который бы научилъ ихъ неложно католической вѣрѣ, прибавляя между прочимъ, какимъ образомъ то Иудеи, то Сарацины стараются обратить ихъ въ свою вѣру. Но мы, не въдая, къ которымъ паче склониться, рѣшились просить совѣта о нашей вѣрѣ и спасеніи у верховнѣйшаго и католическаго Императора, полагаясь на вашу вѣрность и старинную дружбу. Тогда Императоръ, посовѣтовавшись съ патриархомъ, призвалъ предъ себя упомянутаго Философа и съ величайшею честію отправилъ его туда съ хазарскими и своими послами, въ полномъ упованіи на его благоразуміе и краснорѣчіе.

2. И такъ немедленно приготова все пужное, онъ пустился въ путь и прибылъ въ Херсонесъ, весьма близкій и смѣжный съ землею Хазаровъ. Тутъ остановился на нѣсколько времени, желая обучиться языку онаго народа. Между тѣмъ по внушенію Бога, который уже положилъ открыть правовѣрнымъ своимъ столь драгоценное сокровище, т. е. тѣло св. Климента, упомянутый мужъ, какъ

orantes ac supplicantes, ut dignaretur mittere ad illos aliquem eruditum virum, qui eos fidem catholicam veraciter edoceret; adjicientes inter cetera, quoniam nunc Judaei ad fidem suam, modo Saraceni ad suam nos convertere e contrario moluntur. Verum nos ignorantes ad quos potissimum nos transferamus, propterea a summo et catholico Imperatore consilium quaerere nostrae fidei ac salutis decrevimus, in fide vestra ac veteri amicitia plurimum confidentes. Tunc Imperator, simul cum Patriarcha consilio habito, praefatum Philocophum advocans, simul cum legatis illorum ac suis, honorificentissime transmisit illuc, optime confidens de prudentia et eloquentia ejus.

2. E vestigio igitur praeparatis omnibus necessariis, iter arripiens venit Cersonam, quae nimirum terrae vicina Cazarorum et contigua est, ibique gratia discendi linguam gentis illius est aliquantulum demoratus. Interea Deo inspirante, qui jam jamque tantum tamque pretiosum thesaurum, corporis videlicet s. Clementis, fidelibus suis

любопытный испытатель, началъ отъ тамошнихъ жителей прилежно навѣдываться и тщательно испытывать, что до него дошло, частью чрезъ письменное преданіе, частью по слуху, о тѣлѣ блаж. Климента, о храмѣ, воздвигнутомъ ангельскими руками и о гробѣ его. Всѣ объявили, что, какъ пришельцы изъ разныхъ народовъ, а не тутошніе уроженцы, ни мало не вѣдаютъ, о чемъ онъ спрашиваетъ; ибо чудо морскаго отлива, знаменитое въ исторіи страданій упомянутаго первосвященника, давно уже прекратилось за грѣхи и нераденіе жителей, и море прежнія свои мѣста покрыло волнами. Сверхъ того и отъ многихъ набѣговъ варваровъ храмъ оставленъ и разрушенъ, страна сія опустѣла и сдѣлалась необитаемою. Да и самый гробъ св. мученика съ тѣломъ покрытъ былъ волнами.

3. Сия отвѣтомъ весьма удивленный и крайне опечаленный, Философъ обратился къ молитвамъ, да откроется ему свыше ради заслугъ упомянутаго первосвященника, чего

revelare decreverat, coepit praefatus vir, ac si curiosus explorator, ab incolis loci diligentissime perscrutari ac solerter investigare illa, quae ad se tum litterarum traditione, tum quoque vulgari, fama, de corpore B. Clementis, de templo angelicis manibus praeparato sive de arca ipsius, pervenerant. Ad quem praefati omnes, utpote non indigenae, sed diversis ex gentibus advenae, se quod requireret omnino nescire professi sunt. Siquidem ex longo jam tempore, ob culpam et negligentiam incolarum, miraculum illud marini recessus, quod in historia passionis praefati pontificis celebre satis habetur, fieri destiterat, et mare fluctus suos in pristinas stationes refuderat. Praeterea et ob multitudinem incursantium barbarorum locus ille desertus est, et templum neglectum atque destructum, et magna pars regionis illius fere desolata et inhabitabilis reddita; ac propterea ipsa sancti martyris arca cum corpore ipsius fluctibus obruta fuerat

3. Super quo responso miratus valde ac tristis Philosophus reditus, ad orationem conversus est, ut quod per homines explorare non poterat, divina sibi revelatio meritis praefati Pontificis digna-

не могъ узнатьъ отъ людей. Онъ пригласилъ митрополита изъ самаго города, именемъ Георгія, вивствъ съ причетомъ церковнымъ и народомъ, да проситъ того же отъ небесъ. Сверхъ того, рассказывая дивныя страсготерпца, или чудеса блаженнѣйшаго мученика, весьма многихъ возбудиль увѣщаніями своими приступить къ отысканію столь драгоцѣннаго и столь долго пренебрегаемаго сокровища и съ помощію Божіею извлечь на свѣтъ. Въ нѣкій день, 30-тый, какъ пишутъ, генваря, при тихой погодѣ вступивши на корабль, путеводящу Христу, пускаются въ дорогу, т. е. упомянутый Философъ съ епископомъ и честнымъ клиромъ и нѣкоторыми изъ города. И такъ водоплавая съ великою набожностію и упованіемъ, съ псаломтвнѣемъ и молитвами, прибыли на островъ, гдѣ находится, какъ думали, святое тѣло мученика. При блескѣ свѣтильниковъ обходя все мѣста опаго острова, начали паче и паче возсылать моленія и прилежно рыть въ нѣкоторомъ курганѣ, гдѣ, какъ должно было догадываться, покоится сокровище.

retur ostendere. Civitatulae ipsius Metropolitam, nomine Georgium, simul cum clero et populo ad eadem de coelo expetenda invitans: super hoc etiam referens illius gesta passionis, seu miraculorum ejusdem beatissimi martyris, plurimos eorum accedere et tam pretiosas margaritas tamdiu neglectas requirere, et in lucem Deo juvante reducere, suis adhortationibus animavit. Quadam autem die, quae in III. Calendarum Januariarum inscribitur, tranquillo mari navem ingressi, Christo duce iter arripiunt, praedictus videlicet Philosophus cum episcopo ac venerabili clero, nec non cum nonnullis de populo. Navigantes igitur cum ingenti devotione ac fiducia psallentes et orantes pervenerunt ad insulam, in qua videlicet aestimabant sancti corpus Martyris esse. Eam igitur undique circumdantes, et multo luminum splendore lustrantes, coeperunt magis ac magis precibus sacris insistere, et in acervo illo, quo tantum thesaurum quiescere suspicari dabatur, curiose satis et instantissime fodere.

4. Долго и много рыли, надеясь на Божіе милосердіе. Наконецъ внезапно возсіяла, подобно нѣкоторой лучезарнѣйшей звѣздѣ, одна изъ костей ценоуценнаго мученика. При семъ зрѣлищѣ всѣ исполнились неописаннаго восторга и уже безъ всякаго побужденія наперерывъ копали землю. Тогда показалась святая глава его. Всѣ со слезами возопиши къ небу, возсылая хвалы и благодаренія Богу. Сей радости ежели вообразить не можемъ, то коими паче описать; ибо столько всѣ восхищены были, какъ обретеніемъ святыхъ мощей, такъ и благоуханіемъ, что мечтали быть въ раю. Потомъ прииялись опять за работу и, отрывая частичку за частичкой, ископали всѣ. На послѣдокъ нашелся и самый якорь, съ которымъ онъ брошенъ былъ въ море.

5. И такъ при всеобщей несказанной радости о толикихъ благодѣянїяхъ Божїихъ, по совершенїи на томъ мѣстѣ

4. Ubi diu multumque desiderio sancto cunctantibus, et de spe divinae miserationis plurimum confidentibus, tandem ex improviseo velut clarissimum quoddam sidus, donante Deo, una de costis martyris pretiosius resplenduit. Ad quod spectaculum omnibus immensa exultatione repletis, magisque ac amplius sine aliqua jam excitatione terram certatim craterantibus, sanctum quoque caput ipsius consequenter apparuit. Quantae jam omnium voces in coelum, quantae laudes et gratiarum actiones in Deum ab universis cum lacrymarum effusionibus, datae sunt, si vel aestimare quidem vix possumus, quanto minus exprimere? Tanta siquidem in omnes tum de sanctarum inventione reliquiarum, tum de immensissimi odoris suavitate erat innata laetitia, ut cum jubilo ineffabili gratulantes in paradiso extra sese putaretur consistere. Cum ecce post paullulum rursus quasi ex quibusdam abditis sanctarum reliquiarum particulis paullatim et per modica intervalla, omnes repertae sunt. Ad ultimum quoque ipsa etiam anchora, cum qua in Pontum est praecipitatus, apparuit.

5. Omnibus igitur pro tantis Dei bonis immensa repletis laetitia, celebratis ibidem a sancto pontifice sacrosanctis mysteriis, ipsemel

тайнствъ святымъ первосвященникомъ, самъ святой мужъ, возложивши на собственную главу святыя мощи, при восклицаніяхъ всѣхъ сопутствующихъ вступилъ на корабль и потомъ съ хвалебными пѣснями перенесъ онья въ столицу Глорію Между тѣмъ приближающимся имъ къ городу, встрѣтилъ ихъ со многими другими доблественный Никифоръ, князь того города, и, поклонившись святымъ мощамъ, съ радостію предшествовалъ, поспѣвая въ городъ. Тамъ еще при всеобщихъ восклицаніяхъ пріавши, поклонился святому и честному тѣлу и рассказалъ всенародно таинственное его обрѣтеніе. Когда уже начинало смеркаться и отъ бесчисленнаго множества народа идти далѣе не возможно было, то съ рачительною осторожностію положили тѣло въ храмъ св. Созонта, въ предмѣстіи города, а на-конецъ перенесли въ церковь св. Леонтія. На другой день утромъ при стеченіи всего народа, взявши святыя мощи, съ великими хвалами обошли кругомъ весь городъ и такимъ образомъ принесли онья въ соборную церковь, съ честію

sanctus vir super proprium caput sanctarum reliquiarum loculum levans, ad navim cum ingenti universorum subsequendum tripudio detulit; ac deinde Gloriam metropolim cum hymnis et laudibus maximis transportavit. Interea cum jam civitati appropinquarent, vir nobilis Nicephorus ejusdem civitatis dux, illis cum pluribus aliis obviavit, et adoratis sacrosanctis reliquiis, cum multis gratiarum actionibus praecedens sanctum loculum, ad urbem cum gaudio remeare properabat. Ibi etiam cum ingenti universorum tripudio sanctum ac venerabile corpus receptum adoravit, et recitato coram omni populo inventionis ejus mysterio, cum jam advesperasceret, et prae nimia populi frequentia ingredi ultra non posset, in templo s. Sozontis, quod urbi erat contiguum, cum diligenti custodia posuerunt: demum vero ad ecclesiam s. Leontii transtulerunt. Inde cum mane factum esset, universa civitatis multitudo conveniens, assumpto sanctarum reliquiarum loculo, totam cum magnis laudibus in circuitu lustraverunt urbem, et sic ad majorem basilicam venientes, in ea ipsum honori-

тамъ положили и потомъ всѣ радуясь возвратились по домамъ.

6. Послѣ сего упомянутый Философъ отправился въ путь и, прибывши къ тому народу, куда былъ посланъ, проповѣдывалъ Искупителя всѣхъ Бога, и силою своего слова отвратилъ всѣхъ тѣхъ отъ заблуждений, коихъ обольстило вѣроломство Сарацинъ или Иудеевъ. Утвержденные въ католической вѣрѣ и наученные, они съ великою радостію благодарили всемогущаго Бога и служителя его Константина Философа. Сверхъ того они послали къ Императору письма, благодаря, что постарался обратить ихъ къ истинной и католической вѣрѣ, и утверждая, что они за сіе всегда пребудутъ вѣрнѣйшими и покорными власти его. Отпуская же Философа съ великою честію, принесли они ему драгоценнѣйшіе дары, которыхъ онъ, какъ истинный философъ, не принялъ, а просилъ вмѣсто всѣхъ даровъ отпустить съ нимъ, сколько есть, чужеземныхъ пльнниковъ. Сіе тотъ часъ было исполнено.

fice locaverunt: sicque omnes demum ad sua gaudentes reversi sunt.

6. Post haec praedictus Philosophus iter arripiens, et ad gentem illam, ad quam missus fuerat, veniens, comitatus Redemptoris omnium Dei praedicationibus et rationibus eloquiorum suorum, convertit omnes illos ab erroribus, quos tam de Saracenorum quam de Judaeorum perfidia retinebant. Unde plurimum exhilarati, et in fide catholica corroborati atque edocti, gratias referebant omnipotenti Deo et famulo ejus Constantino Philosopho. Littoras insuper Imperatori cum multis gratiarum actionibus transmiserunt; quia eos studio suo ad veram et catholicam revocare studuerit fidem; affirmantes se ob eam rem imperio ejus semper subditos et fidelissimos de cetero velle manere. Deducentes autem Philosophum cum multo honore, obtulerunt ei munera maxima, quae ille omnia, ut revera Philosophus, respuens, rogavit ut pro muneribus illis, quotquot captivos externos haberent, sibi secum mox reversuro dimmitterent. Quod protinus completum est.

7. Возвратившуся же Философу въ Константинополь, услышавъ князь моравскій Ростиславъ о томъ, что учинилъ Философъ въ области Хазаровъ. Желая того же своему народу, послалъ онъ вѣстниковъ къ упомянутому Императору, донося, что народъ его отступилъ отъ идолопоклонства и желаетъ наблюдать законъ христіанскій, но не имѣеть такого учителя, который бы наставилъ его читать и совершенно разумѣть самый законъ; и для того просить прислать такого челоуѣка, который бы могъ ясно показать народу вѣру и порядокъ Закона Божія и путь истины. Императоръ, внявъ просьбѣ Ростислава, призвалъ къ себѣ того же упомянутаго Философа и послалъ его туда, т. е. въ страну Славянъ вмѣстѣ съ братомъ его Меѳодіемъ, надѣливши ихъ щедро на путевыя издержки. Прибывшимъ имъ туда, жители весьма обрадовались, услыша, что они и мощи бл. Климента несутъ съ собою и Евангеліе переведено на ихъ языкъ упомянутымъ Философомъ. И такъ вышедши за городъ на

7. Philosopho autem reverso Constantinopolim, audiens Rastilaus princeps Moravie, quod factum fuerat a Philosopho in provincia Cazarorum; ipse quoque genti suae consulens, ad praedictum Imperatorem nuntios misit, nuntians hoc, quod populus suus ab idolorum quidem cultura recesserat, et christianam legem observare desiderabat; verum doctorem talem non habent, qui ad legendum eos et ad perfectam legem ipsam edoceat: rogare se ut talem hominem ad partes illas dirigat, qui pleniter fidem et ordinem divinae legis et viam veritatis populo illi ostendere valeat. Cujus precibus annuens imperator, eumdem supernominatum Philosophum ad se venire rogavit; eumque illuc, id est, in terram Sclavorum, simul cum Methodio germano suo, transmisit, copiosis valde illi de palatio suo datis expendiis. Cumque ad partes illas, Deo praeparante, venisset; cognoscentes loci indigenae adventum illorum, valde gavisi sunt; quia et reliquias B. Clementis secum ferre audierant, et Evangelium in eorum linguam a Philosopho praedicto translatum. Exeuntes igitur extra civitatem obviam, honorifice et cum ingenti laetitia receperunt

встрѣчу, приняли ихъ съ честію и великою радостію. Святые мужи немедленно приступили къ дѣлу, начали учить дѣтей грамотѣ, наставлятъ въ законъ Божіемъ и изощрять краснорѣчіе свое на исправленіе разныхъ заблужденій, обрѣтенныхъ въ народѣ, и такимъ образомъ очищая вредоносное поле отъ многообразныхъ корней пороковъ, сѣяли сѣмена слова Божія. Они пребыли въ Моравіи четыре года съ половиною, научили народъ католической вѣрѣ и оставили тамъ разныя писанія, нужныя для церковной службы.

8. Услыша все сіе, знаменитѣйшій папа Николай весьма обрадовался и пригласилъ ихъ къ себѣ апостольскими письмами. Восхищенные симъ извѣстіемъ, они благодарили Бога, что удостоились первосвященническаго приглашенія. Отправясь немедленно въ путь, они взяли съ собою еще нѣкоторыхъ изъ учениковъ своихъ, коихъ считали достойными полученія епископскаго сана, и такимъ образомъ чрезъ нѣсколько дней прибыли въ Римъ.

eos. Coeperunt itaque ad id quod venerant peragendum studiosè insistere, et parvulos eorum litteras edocere, officia ecclesiastica instruere, et ad correptionem diversorum errorum, quos in populo illo repererant, falcem eloquiorum suorum inducere; sicque abradis et extirpatis de agro illo pestifero multifariis vitiorum sentibus, divini verbi gram^{ma} seminare. Manserunt ergo in Moravia per annos quatuor et dimidium, et direxerunt populum illius in fide catholica, et scripta ibi reliquerunt omnia, quae ad Ecclesiae ministerium videbantur esse necessaria.

8. His omnibus auditis, papa gloriosissimus Nicolaus, valde laetus super his quae sibi ex hoc relata fuerant redditus, mandavit et ad se venire illos litteris apostolicis invitavit. Quo nuntio illi percepto valde gavisi sunt, gratias agentes Deo, quod tanti erant habiti, quod mererentur ab apostolica sede vocari. Mox igitur iter aggressi, duxerunt etiam secum aliquos de discipulis suis, quos dignos esse ad episcopatus honorem recipiendum censebant: sicque post aliquot dies Romam applicuerant.

9. Но упомянутый папа Николай незадолго переселился ко Господу. Адрианъ второй, поступившій на мѣсто его первосвященникомъ, услыша, что Философъ несетъ съ собою тѣло св. Климента, трудами его обрѣтенное, весьма тому обрадовался, и, вышедши на срѣтеніе за городъ съ клиромъ и народомъ, принялъ ихъ съ великою честью. Между тѣмъ въ присутствіи святыхъ мощей, силою всемогущаго Бога, начали совершаться чудесныя исцѣленія: кто бы ни былъ одержимъ какою болѣзнію, прикосновеніемъ святыхъ мощей мученика тотъ часъ исцѣлялся. Посему первосвященникъ, равно какъ и весь народъ, принося велию хвалу и благодареніе Богу, радовались, что онъ по долгомъ времени сподобилъ ихъ принять въ свою столицу святаго и апостольскаго мужа и преемника Петра, главы всехъ апостоловъ, и не только весь Римъ, но и всю Римскую Имперію просвѣтить его знаменіями и добродѣтелями. И такъ, возблагодаря упомянутаго Философа за оказанное

9. Sed cum ante non multos dies supradictus papa Nicolaus transiisset ad Dominum, secundus Adrianus, qui illi in romano pontificatu successerat, audiens quod praefatus Philosophus corpus B. Clementis, quod studio suo repererat, secum deferret, valde nimis exhilaratus est, et extra urbem cum clero et populo procedens obviam illis, honorifice satis eos recepit. Operunt interea ad praesentiam sanctarum reliquiarum, per virtutem omnipotentis Dei, sanitates mirabiles fieri; ita ut quovis languore quilibet oppressus fuisset, adoratis pretiosi martyris reliquiis sacrosanctis, protinus salvaretur. Quapropter tam venerabilis Apostolicus quam et totius romani populi universitas, gratias et laudes Deo maximas referentes, gaudebant et jocundabantur in ipso, qui eis post tam prolixo temporis spatia concesserit in diebus suis sanctum et apostolicum virum, et ipsius apostolorum principis Petri successorem, in sede sua recipere; et non solum urbem totam, sed et orbem quoque totum romani imperii, signis ejus ac virtutibus illustrare. Multis itaque gratiarum actionibus praefato Philosopho pro tanto beneficio redditus, consecra-

благодѣяніе, рукоположили его и Меѳодія въ епископы, а прочихъ учениковъ ихъ въ пресвитеры и діаконы.

10. Когда же Философъ, или Константинъ, почувствовалъ приближеніе своей смерти, то съ позволенія первосвященника далъ себѣ имя Кирилла, говоря, что имя сіе внушено ему было свыше, и такимъ образомъ чрезъ сорокъ дней уснулъ въ Господь 17 Марта. Святый отецъ папа повелѣлъ какъ римскому такъ и греческому духовенству собраться на погребеніе его съ псалмами и пѣснями, свѣщами и ладаномъ, и погребсти съ такою же честію, какъ самага первосвященника.

11. Тогда вышеупомянутый братъ его Меѳодій, пришедши къ первосвященнику и повергшись къ стопамъ его, сказалъ: достойнымъ и нужнымъ считаю внушить твоему святѣйшеству, что при выходѣ изъ дома нашего на службу, совершенную нами съ помощію Божіею, мать со слезами просила одного брата оставшемуся въ живыхъ привезть успшаго въ свой монастырь и тамъ погребсти его

verunt ipsum et Methodium in episcopos, nec non et ceteros eorum discipulos in presbyteros et diaconos.

10. Cum autem Philosophus, qui et Constantinus, diem transitus sui imminere sibi sensisset, ex concessione summi pontificis imposuit sibi nomen Cyrillum, dicens hoc revelatum sibi fuisse: et sic post quadraginta dies dormitionem accepit in Domino sexto decimo Kalendas Martias. Praecepit autem sanctus apostolicus, ut omnes tam graeci quam romani clerici ad exequias ejus accurrerent cum psalmis et canticis, cum cereis et thuris odoribus, et non aliter ei, quam ipsi quoque apostolico, funeris honorem impenderent.

11. Tunc supradictus frater ejus Methodius accedens ad sanctum pontificem, et procidens ad vestigia ejus, ait: Dignum ac necessarium duxi suggerere Beatitudini Tuae, Apostolice Pater, quoniam quando ex domo nostra ad servilium, quod auxiliante Domino fecimus, sumus egressi; mater cum nullis lacrymis obtestata est, ut si aliquem ex nobis, antequam reverteremur, obiisse continger

съ подобающею честію. И такъ позволъ рабу твоему исполнить долгъ, да не ослушаюсь матери. Папа хотя съ трудомъ, однако согласился на его требованіе: положивши рачительно тѣло успшаго въ мраморный гробъ и запечатавши собственною печатью, чрезъ семь дней онъ отпускаетъ Меѳодія. Тогда римскій клиръ, по совѣщаніи съ епископами, кардиналами и вельможами города, приступилъ къ первосвященнику и вѣщаль такъ: мы считаемъ за недостойное дѣло отпустить въ другіе края, по какому бы то ни было случаю, мужа столь знаменитаго, чрезъ коего Римъ и церковь сподобились стяжать столь драгоценное сокровище, коего Богъ изъ отдаленныхъ и чуждыхъ странъ по милости своей благоволилъ къ намъ привести, и даже изъ сего мѣста восхитилъ въ небесное свое царствіе. Лучше да погребется онъ здѣсь съ честію, ибо весьма прилично столь знаменитому мужу быть погребену въ столь знаменитомъ градѣ. Такой совѣтъ

defunctum fratrem frater vivens ad monasterium suum reduceret, et ibidem illum digno et competenti obsequio sepeliret. Dignetur igitur Sanctitas Vestra hoc munus meae parvitati concedere, ne precibus matris vel eontestationibus videar aliquatenus contraire. Non est visum apostolico, quamvis grave sibi aliquantulum videretur, petitioni et voluntati hujuscemodi refragari: sed clavusum diligenter defuncti corpus in locello marmoreo, et proprio insuper sigillo signatum, post septem dies dat ei licentiam recedendi. Tunc romanus clerus simul cum episcopis ac cardinalibus et nobilibus urbis consilio habito convenientes ad apostolicum coeperunt dicere: I dignum nobis valde videtur, venerabilis Pater et Domine, ut tantum tamque magnificum virum, per quem tam pretiosum thesaurum urbs et ecclesia nostra recuperare promeruit, et quem Deus ex tam longinquis regionibus et exteris ad nos sua gratuita pietate perducere, et adhuc etiam ex hoc loco ad sua regna est dignatus assumere, qualibet interveniente occasione in alias patiamini partes transferri: sed hic potius placet, honorifice tumuletur, quia et dignum valde est, ut famae tam celebris homo, in tam celeberrima urbe,

понравился первосвященнику: онъ велѣлъ положить его въ церкви св. Петра, т. е. въ собственномъ своемъ памятникѣ.

12. Меѳодій, видя намѣреніе свое не исполвившимся, приступилъ опять съ просьбою: когда не угодно было вамъ удовлетворить моему требованію, то молю васъ, владыки, да погребется братъ мой въ церкви св. Климента, коего тѣло трудами его обрѣтено и сюда принесено. Святѣйшій отецъ внялъ сему моленію и при стеченіи клира и многочисленнѣйшаго народа, съ великою радостію и благоговѣніемъ, положили Кирилла, вмѣстѣ съ мраморнымъ гробомъ, куда прежде папа заключилъ его, въ приготовленномъ для сего памятникѣ съ гимнами и великими благодареніями Богу, творящему въ семъ мѣстѣ чудеса, во славу и хвалу имени своего, ради заслугъ и моленій угодниковъ своихъ благовѣстному и препрославленному во вѣки вѣковъ. Аминь.

celebrem locum habeat sepulturae. Placuit hoc contilium apostolico, et statuit ut in B. Petri basilica poneretur, in suo videlicet proprio monumento.

12. Cernens Methodius jam suum defecisse propositum, oravit iterum dicens: Obsecro vos Domini mei, quandoquidem non est placitum vobis, meam petitiunculam adimplere, ut in ecclesia B. Clementis, cujus corpus multo suo labore ac studio repertum huc detulit, recondatur. Annuit hujusmodi petitioni praesul sanctissimus, et concurrente cleri ac populi maxima frequentia, cum ingenti laetitia et reverentia multa, simul cum locello marmoreo, in quo pridem illum praedictus papa condiderat, posuerunt in monumento ad id praeparato in basilica B. Clementis ad dexteram partem altaris ipsius, cum hymnis et laudibus, maximas gratias agentes Deo: qui in loco eodem multa et miranda operatur, ad laudem et gloriam nominis sui, per merita et orationes sanctorum suorum, qui est benedictus et gloriosus in secula seculorum. Amen.

Примѣчаніе. Предлагаемый переводъ такъ называемой Италіанской Легенды сдѣланъ для графа Н. П. Румянцова, вѣроятно прот. І. Григоровичемъ, однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ знаменитаго мецената въ его историческихъ работахъ. Въ указанной рукописи, кромѣ Италіанской Легенды, находится переводъ и другихъ, относящихся къ исторіи Славянскихъ Апостоловъ, латинскихъ сказаній, а равно и предисловія и комментаріевъ къ нимъ. Сл. Востокова Описаніе Рум. Музеума, стр. 199. Русскій переводъ Италіанской Легенды напечатанъ по Румянцевской рукописи безъ всякихъ поправокъ. Для сравненія подъ строками приложенъ латинскій подлинникъ, взятый изъ Acta SS. Далѣе, по тому же переводу и такъ же съ приложеніемъ подлинника, предлагается отрывокъ изъ предисловія Болландистовъ, относящійся къ вопросу о происхожденіи Италіанской Легенды.

Изъ Рукописи Москов. Публ. Музея, № 151. л. 12-13.

§ 15. Исторія перенесенія его (св. Климента) тѣла, которую мы намѣрены предложить здѣсь, написана, какъ подозрѣваемъ, Годерикомъ, епископомъ Велитернскимъ, котораго иные называютъ Гавденціемъ. Ибо мы получили отъ тогоже аббата Угелла не полное житіе или исторію св. Климента. Предисловіе сей исторіи къ папѣ Іоанну VIII такъ начинается:., Предисловіе Годерика, Велитернскаго епископа, къ святѣйшему папѣ, владыкѣ присноблаженному святой каѳолической и апостольской римской церкви,

Acta SS. Martii T. II p. 15.

§ 15. Quam porro nos hic daturi sumus Translationis ejus (S. Clementis) historiam, eam suspicamur à Gauderico Velitrarum episcopo, quem alii Gaudentium vocant, esse conscriptam. Acceperis enim ab eodem abbate Ughello vitam sive historiam S. Clementis, sed mutilam. Cujus praefatio ad Joannem VIII papam ita incipit: Praefatio Gauderici Veliterni episcopi ad sanctissimum papam Joannem, sanctae catholicae et apostolicae romanae ecclesiae Domino semper beato, summo Pontifici et universali Papae Joanni, Gaudericus

верховному первосвященнику и всемірному папѣ Іоанну, Годерикъ, наимладшій изъ епископовъ, вѣчно радующійся о Христѣ Господѣ Іисусѣ. Къ чести и хвалѣ твоего предшественника бл. Климента, мученика и первосвященника заблагоразсудилъ я собрать вѣчто касательно его жизни, отыскать, какого онъ былъ благороднаго происхожденія, какъ оружіемъ философіи поражалъ идоловъ, какъ вдохновеніемъ Божиимъ позналъ истину, особливо когда я управлялъ Христовою церковію сего доблественнаго мученика въ городѣ Велитернѣ.“ И потомъ: „Не столь точно, сколь богобоязливо собралъ я сіе и раздѣлилъ на три книги. Въ первой книгѣ показали мы происхожденіе Климента: отечество, рожденіе, воспитаніе, намѣреніе, образъ жизни, обращеніе въ христіанскую вѣру и способъ, какъ позналъ истину. Во второй съ помощію Божією предложили мы глубину ученія, санъ епископства, власть первосвященства и смѣлость, съ каковою поражалъ идоловъ философскими доводами. Въ третьей книгѣ удивляемся чудесамъ. Здѣсь постарались мы собрать все, касающееся до жестокой ссылки, мученической вѣнецъ и чудесное его возвращеніе въ собственный престольный градъ.“ Напоследокъ говоритъ онъ


episcoporum novissimus, perenne gaudium in Domino Jesu Christo. Dignum esse putavi ad honorem et laudem Tui praedecessoris B. Clementis matryris atque pontificis, aliqua de genere vel vita ipsius, Deo institutore, in unum colligi: et quam generosa fuerit oriundus prosapia, quamque philosophando contra idola disputans, divino praesagio veritatem cognoverit, enucleatius inveniri: praesertim cum ego valde inutilis, hujus eximii martyris Chisti ecclesiae, apud Veliternam oppidum sitae, praefuerim. *Et aliquanto post:* Non tam strenue quam devote collegi, et in tribus libris conglutinans ordinavi. In primo siquidem libro Clementis genus, patriam, nativitatem, institutionem, propositum, vitam, conversionem et qualitatem recognitionis ejus innuimus. In secundo vero, Deo auxiliante, profunditatem doctrinae, dignitatem episcopalis apicis, auctoritatem singularis pontificatus, et audaciam contra idola sophisticè disputantis, subdidimus. Ast in tertio miramur prodigia, exultationis angustias, martyrii laureas, reversionis ejus ad propriam sedem miracula colligere procuravimus. *Ac demum:* Quae nos, ut meminimus, inquit, quae

такъ: „Изъ многого мы составили весьма немногое касательно того, что творится молитвами мученика Христова во славу Всемогущаго, сколько помнили, видѣли и слышали.“

§ 16. И такъ кажется нѣтъ сомнѣнiя, что оное повѣствованiе обрѣтенiя св. Климента, доставленное намъ грамотою Дюшеня, почерпнуто и можетъ быть сокращено изъ третьей книги, сочиненной Годерикомъ и содержащей дѣянiя того же святаго первосвященника. Онъ самъ признается, что собиралъ извѣстiя касательно перенесенiя св. Климента въ Римъ и чудесъ, которые кажется относятся ко времени Адриана II, преемника Иоанна VIII, которому посвящаетъ и сочиненiе. Сей же Годерикъ, или Гандерикъ, епископъ Велитерскiй, присутствовалъ на VIII экуменскомъ соборѣ, какъ изъ многихъ мѣстъ явствуется.

vidimus et legimus, ipsius Christi martyris fieri orationibus, colligentes transscripsimus, et ad laudem Dei omnipotentis ex multis paucissima defloravimus.

§ 16. *Haudquaquam ergo dubium nobis videtur, quin ea narratio inventionis s. Clementis, quam nobis suppeditavit Duchesnii codex, ex illo tertio libro de ejusdem sancti pontificis rebus gestis a Gauderico ep. composito, decerpta sit, ac fortassis contracta. Ipse certe se reversionem s. Clementis ad propriam sedem, factaque tunc miracula collegisse profitetur, quae spectasse videtur, sub Hadriano II, Ioannis VIII decessore facta, quorum et huic narrationem dicat. Interfuit autem idem Gaudericus sive Candericus Veliternensis episcopus concilio oecumenico VIII, ut multis ex locis patet.*



Мѣца. лири: ѿ. памѣ. и похва. прѣвѣженю шцоу
нашею. и наставникоу словѣнскѣмъ жъзыкоу. кѣррила
Филозофа. и стѣг. меодна оучителѣ. бл҃гви шче.

(Изъ рукописи П. И. Севастьянова, писанной на пергаментъ
въ 4-ку, на 107 листахъ. уставомъ XIII в., л. 34—37.).

Се всиѣ намъ хрѣтолюбци свѣточзарна.. (1) паматх.
прѣвѣженаго шца наше.. кѣррила. новаго апла и учителѣ
всѣмъ странамъ. иже бл҃говѣрствениѣмъ и красотойѣ. всиѣ
на земли ꙗко слнце. тринностаснаго вѣтѣва. зарѣми всего
мира просвѣщага. Прѣмждростх биѣ съза въ срѣци его.
храмъ себѣ. и на жъзыцѣ его ꙗкоже на херувимѣ по-
чибааше дхъ стѣи приено. разѣблѣга дары по числоу
вѣрѣ. ꙗкоже рѣ навелх апла. единому же комоужо
на. . . . (2) бл҃готх. по мѣрѣ дарованиѣ хѣа. иже
во ма рѣ гѣ любитх. то и азъ възлюбѣ его. и авлѣбѣга
ѣмоу самъ. и обитѣль си въ немъ сътвори. и бждѣт
ми въ сна. и азъ вѣж ѣмоу въ шца. того же шчѣства
иски прѣвѣжныи сѣ шца. и оучителъ нашъ. остави
житна сего вса красотж домъ и вѣгѣство. шца и
мѣре братиѣ и сестры. Измаѣ же бы чистотойѣ ꙗко
дггѣл. оукланѣга и оубѣгага ш житейскыихъ сластей.
прѣвѣвага приено. въ шалмѣхъ и пѣннихъ. и въ по-
учени дхвнѣ. единъ пжтх гонѣ. ииже.. възыти на
нѣа. тѣмъже и излага въ оустѣ его бжиѣ бл҃гѣ. Ико-
же рѣ прѣмждры солмонх. въ оустнахъ прѣмждроу

(1) Точки въ началѣ, въ срединѣ и двѣ въ концѣ словъ
означаютъ пропуски буквъ: поля рукописи сильно обрѣзаны,
а потому во многихъ мѣстахъ въ началѣ и въ концѣ строкъ
недостаетъ по одной и по двѣ буквы.

(2) Нѣсколько буквъ выскоблено.

вѣзѣтъ. чювствѣнѣ. законѣ же и мѣтъ на ѣзы. носѣтъ. ѣмѣже вѣзѣа злохоуѣнѣа оуста ѣ. тѣгомѣ. Ѣреси бо вѣставши. при тешд. лѣ иконоборѣнѣ. многаѣ лѣта прѣвѣы. и . . . нѣа стѣни. При вѣговѣрѣнѣмѣх же цр. мѣх. ѣлѣ. правовѣрнѣи съборѣ сътворѣ. поуѣтишѣ ѣго на ѣретѣгы ты. и вѣа зл. бж нѣх попаѣи. дѣномѣ силоѣ. нѣдеже б. аще слышаѣше каковѣ хоуѣж. и ѣжѣтв. нѣмѣх ѣобразѣ то ѣко крилатѣ прѣлааташе вѣа стѣраны. ѣснамѣ прѣтѣчамѣ. с. блазны вѣа разарѣѣа и наоучаѣа правовѣрѣю павла ѣстѣнѣкы напѣлнѣаше.

Прѣлаатаѣ ѣко и ѣрелѣ на вѣа стѣраны. ѣ вѣстока до запада. и ѣ сѣвера и юга. вѣ козѣрѣх же. и срацинѣх. о стѣнѣ вѣрѣ вѣ съборѣх ѣкрѣтаѣа. трѣсвѣтлѣамѣ ѣко сѣнце сѣнѣа. вѣвѣж блѣди нѣх разарѣа вѣ фоульцѣ же ѣзыцѣ. безбожнѣа ѣстѣ разорѣ. трѣбезначалны свѣтѣ вѣсна. словѣнѣскоу ѣзыкоу ѣ неразоумѣ . . вѣ мрѣцѣ грѣховнѣ ѣщѣоу. мѣтнѣа и чѣвколюбѣмѣх. ѣа нашего ѣ хл. ѣвлѣнѣ бѣ пастырѣ и оучѣтель. и зѣтѣче оуста вѣлѣкомѣ. трѣѣзычнѣмѣх ѣретѣкомѣ. зѣмѣшнѣа прѣрочѣскы. ѣзыка гжнѣва. и писемнѣмѣ напѣравѣѣа вѣа. на пѣтѣ сѣсенѣа. вѣа римѣ же и зѣволи гѣ бѣ. прѣчѣстѣному чѣлоу ѣго почитѣ. ѣгоже и трѣдѣ и хоѣженѣе почи. таѣще. пѣбны похвалы нѣ комоу приложѣти. аще бо и послѣже вѣсна вѣа прѣспѣ. ѣкоже и денѣца послѣже вѣсходящѣ. свѣтлѣостнѣа своѣа. вѣа ликѣ свѣзѣны обѣн. стаѣтѣ. сѣнчѣамѣ зарѣамѣ свѣта. прѣвѣлѣѣащѣ. ѣко и сѣ прѣбѣлѣжны ѣцѣ. и оучѣтель ѣзыка нашего. пачѣ сѣнца трѣичнѣмѣ зарѣамѣ сѣнѣа. прѣвѣтѣи вѣчислѣзна народа. вѣ тѣмѣ же лѣжѣща некѣннѣа: коѣ же мѣсто ѣтанѣа. ѣгоже не ѣсѣтѣ стѣпамѣ своѣмѣи. Каѣ же ли хѣтѣрѣстѣ. оутѣнѣа. ѣ блѣженыѣ ѣго дѣа. вѣвѣмѣх бо ѣзыкомѣ сѣкрѣвеннѣа тайны. вѣ и зѣвѣстнѣмѣх словеснѣи разоумѣно и спѣвѣдоуѣа сказа. ѣвомоу писемнѣи. ѣвомоу

Ученіемъ. ѿзнаѣса вѣнѣ блѣтъ въ оустнахъ его. ѿ сего ради блѣви ѿ бѣ въ вѣкы. Тѣмже каа ѿста исповѣдатель. сладость тж оученіа его. которы ли ѿзыкъ постигнетъ изреци. подвигы ѿ троды. ѿ добротж житія его. та бо ѿста свѣтлѣйшаа свѣта авѣ гѣ. шмраченнаа льстнѣа грѣховножъ просвѣщающа. того ѿзыкъ сладостныжъ и животныа глы ѿсточѣ. тѣ прѣтнѣнѣ оустнѣ. прѣмждростнѣа процвѣтосте. Того же прѣтнѣнѣ прѣсти. дхвныжъ органы шсновашъ. ѿ златозарны писмены оукрашшъ. тѣми боглыныи оусты напошжса жжжщнѣ. разоума вѣнѣ. тѣми насладишжса мноси. животныжъ пица. тѣмже шбгати бѣ многы ѿзыкы боразоумнѣмъ. Паче бг.тканныхъ вѣнѣцмъ оувазе. многоплатенаа ѿзыка словѣньска. Томуу ты ѿ аплъ посланъ бы ш тѣхъ оубо ѿстъ истече. ѿсточникъ животныхъ словесъ. напааѣа исхшса. соухотж нашъ. ѿ тѣми свазаса многохоуаны ѿзыкы іеретичскы. Та бо ѿста чыстнаа. авѣшжса іако єдинъ ш серафимъ. ба прославлѣжщъ. и тѣми познахомъ трисѣставноє вжствѣ. Единѣмъ шществомъ шбдржжимъ. свойствы же ѿменованы разѣвлѣемо. ѿ равнопрославлѣемо. шприсно-шщна шца. и стго дха. тѣмже блжж твой оуоустнѣ

О блжны шче курнае. ѿмаже мойма оустнама. сладостъ дхвнаа ѿ...чнса. Блжж многоглы твои ѿзыкы имже моемоу ѿзыкоу. трѣвезначанааго вѣтва зарѣ вьнавши. мракъ грѣховны шгна. Блжж многопрѣсвѣтлоє лице твоє. озаршєєса ш стго дха имже моемоу лицу бо-разоумныи свѣ вьнѣ. ѿ многовжнѣа льсть ѿкореннса. Блжж златозарнѣн твои шчи. имже мойма очима слѣпота неразоумнаа. штата бы. ѿ боразоумна свѣтъ вьнѣ. Блжж аглозрачнѣн твои зѣннѣ. озарнѣшнѣса ш вѣтвныжъ славы. ѿже срѣнжнѣа ми. слѣпотж прогнавши. бодхновены словесы просвѣтите. Блжж прѣтнѣнѣ твои

ржцѣ. ѿмаже съниде моемоу ѿзыкоу. бѣразоумнаа тжча. напашаши бѣотжчноѿ росоуж. изгорѣвшиаа грѣховноѿ соухотоѿ. срѣца наша. Блжж бѣодвижныѿ твож прзеты. ииже написаса. моемоу ѿзыкоу свобода. ѿ грѣховнаго ѿга. Блжж златозарнжѿ твоѿ ѿтробж ѿ неѿже ѿс- тече ѿзыкоу моемоу животнаѿ вода съвыше сходаши. твоѿми млтвами. Блжж свѣтозарнѣи твоѿ носѣ. ѿмаже обѣтече ѿко слнце вѣсего мира. проповѣдаѿ бѣодухновеннымз оучениемз. Блжж златозарнжѿ твож стопы, ѿмаже направѿ заблжжѣшжѿ. наша стопы. на пжть правь. Блжж пр.стѣѿѿ твоѿ дшж. ѿѿже моеѿ дшѿ. грѣховнѿи строупѿи ѿцѣлѣшѿ. ѿ разоум. высадишж въ срѣцихъ нашихъ. дхвными словесы. Блжж бѣдѣнжныѿ твоѿ прзеты. ииже написаса. оутѣѣнаа ѿ много вжнѿ прѣмждростѣ. ѿкрываѿши. бѣразоумнымж тайны Блжж свѣтозарнжѿ твоѿ ѿтробж. ѿ неѿже истече вѣсѣмз странаимз животнаа вода съвыше сходаши. тво- ѿми млтвами. Блжж свѣтозарнѣи твоѿ носѣ. ииже ѿбѣтече ѿко слнце вѣсего мира. просвѣщаѿ. бѣодухвеннымз оучениемз. Блжж прѣчтнжѿ твож црѣквз. ѿ неѿже лежитѣ многоразоумнѿи бѣоуѣ твоѿи ѿргань. Блжжнз града тѣ. прѣѣмыи третнаго съвршнтелѣ. вжнѿ смо- трениѿ. тоѿ во врхѣвнѣоу свѣтилоу. ѿстанькз ѿспльнѣѿ. ѿвнса блжны гжѿ Гѣмжѣ ѿ съ нима повелѣ ѿмоу. гж бѣ. прѣчтѣны покоѿи прѣѣтѣи. почи же съ миромз ѿ гѣ. в лѣ ѿ създѣннѿ вѣсего мира. мѣѿ феврѣрѣѣ. въ. дѣ. днѣ. ѿ приложнса житнѣимз и вѣроуж. къ вѣсѣмз стѣымз оцѣмз. ѿ вѣсѣхъ чины ѿ троуды. в сеѣѣ съвршнвѣ. ѿ вѣ съ агглы ѿко аггыз. ѿ съ аплы аплѣ. ѿ съ пррѣкы пррѣкз. съ вѣсѣми стѣыми. съшвещникз славѣ вжнѿ. ѿ нимѿ же млнса за ны. прѣѣѣбены оучителю. чѣтжшжѿ прѣслав- ноѿ твоѣ Успеннѣ. Въ славж прѣсѣтѣнѿ трѣцж. ѿѣѿ ѿ сна ѿ прѣсѣтѣго дха. нѣѣ ѿ прѣ ѿ въ вѣкы аминь.